

РАБОЧІЙ МІРЪ

Издание группы А. К. „Рабочій Міръ“

Духъ разрушающій — есть духъ соидающій.

Годъ I.

о о

Цюрихъ, 1-го Юля 1912 г.

о о

№ 1.

423F

206-A

4

Ленскія событія.

Четаертаго Апрѣля въ даленой сибирской тундрѣ было разстрѣляно 250 человекъ и столько же изувѣчено. Это гнусное преступленіе было совершено надъ рабочими, осмѣлившимися бросить работу на золотыхъ прінскахъ „Ленскаго товарищества“. Рабочіе „Ленскаго товарищества“ въ концѣ февраля оставили работу на прінскахъ и предъявили прінсковой администраціи цѣлый рядъ требованій, среди которыхъ были требованія о сокращеніи рабочаго времени до 8 час. въ сутки при работахъ подъ землей и въ водѣ; чтобы съ рабочими расплачивались за произведенную ими работу наличными, а не нкуда негодными товарами изъ нонторскихъ лавокъ, чтобы ихъ не гноили въ общихъ назармахъ, насквозь пропитанныхъ міазмами и т. д. Тановы требоанія, на которыя царское правительство въ лицѣ пропойцы-жандарма сочло нужнымъ отвѣтить массовымъ разстрѣломъ мирной толпы рабочихъ! Цѣлое море нрови, и горы труповъ, чтобы г. г. Гинзбургъ и Темнрязовъ получали еще большіе дивиденды, чтобы разные превосходительные и высокопревосходительные мерзавцы могли безъ помѣхи сосать нровъ рабочихъ! Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ г. г. баронамъ убійство 500 человекъ пона принесло счастье: они умудрились и на этой номбинаціи нажить еще нѣсколько лишннихъ миллионѣвъ! Подобно легендарному вампиру г. г. бароны сосутъ кровь многихъ миллионѣвъ людей, будучи увѣренными, что это ихъ занятіе встрѣтитъ поддержку и одобреніе, начиная съ самыхъ низовъ и кончая верхами нашего попечительнаго начальства. „Все для баронѣвъ, ничего для рабочихъ“; тановъ смыслъ рѣчей русскихъ министровъ на запросъ въ думѣ.

„Такъ было — такъ будетъ и впредь“ сазалъ министръ Манаровъ по поводу того же разстрѣла. Еще и еще разъ русский рабочий услышалъ, что есть начальство, которое изъявляетъ готовность его разстрѣливать, если онъ осмѣлится поднять голосъ противъ своихъ угнетателей. И безъ заявленія главы нашего правительства г. г. бароны были увѣрены, что хозяевами положенія являются они. За ними и въ защиту ихъ интересовъ находится весь государственный механизмъ, начиная съ жандармовъ и солдатъ, готовыхъ по первому приназу разстрѣлять сколько угодно „бунтовщиковъ“, и кончая законодательными учрежденіями въ лицѣ государственной думы и совѣта. Въ государственной думѣ министръ Манаровъ узналъ, что по прінскамъ „шлялись толпы рабочихъ“; вѣдь не принести же въ жертву интересы баронѣвъ ради наной то „шляющейся толпы“! Мы, анархисты, всегда указывали рабочимъ, что въ ихъ борьбѣ съ напталомъ имъ не помогутъ ни кссы, ни представители въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Кассамъ рабочихъ напталлисты всегда могутъ противопоставить нуда болѣе богатая кссы; что же насаетъ до защиты интересовъ рабочаго класса при помощи буржуазнаго законодательства, то не только въ Россіи съ ея маргаритовымъ народнымъ представительствомъ, но и въ „свободныхъ“ странахъ рабочіе могутъ рвзсчитывать самое большее на то, что ихъ не будутъ разстрѣливать, но имъ дадутъ спокойно умирать съ голоду... Уже просыпается въ Россіи рабочій классъ; еще слабы и неувѣренны его шагъ. Онъ пона только протестуетъ противъ гнусной бойни, еще съ нѣкоторой опасной бросаетъ онъ свой станокъ и выходитъ на улицу. Еще удается казанамъ и полицейскимъ „разсѣять“ и „разогнать“, но не далеко уже тотъ день, когда рабочій классъ въ Россіи выкинетъ знія свободы и социальной справедливости, тогда онъ однимъ могучимъ ударомъ ннвергнетъ и разрушитъ подлуду таердыню напталлизма, высасывающую кровь миллионѣвъ работнннѣвъ ради интересовъ небольшой кучки привилегированныхъ. Мы надѣемся, что великій день борьбы за полное освобожденіе человека не такъ ужъ далеко, и торжество г. г. баронѣвъ будетъ не столь ужъ продолжительнымъ!...

Наши задачи въ грядущей русской революціи.

Я не принадлежу къ лагерю пессимистовъ, утверждающихъ, будто наша дѣятельность въ Россіи — сплошная неудача, сплошное поражение. Нѣтъ, я считаю, что наша дѣятельность, несмотря на тѣ тѣни, которыя бросили на нее наши и подъ нашимъ флагомъ „чужими“ совершения мелкія экспропріаціи, имѣетъ свѣтлыя стороны, и что первый періодъ нашей дѣятельности во многихъ отношеніяхъ блестящ! Мы впервые развили передъ широкими массами пролетаріата идею безгосударственности. Въ безуміи разгарѣ парламентской борьбы, среди оргіи демократизма властно звучалъ голосъ анархизма, беспощадно вскрывалъ пропасть, бездну между классомъ и націей. Что наша пропаганда велась упорно, что она порой стояла на высотѣ, смущавшей и пугавшей нашихъ противниковъ — въ этомъ признавались они сами. Но русский анархизмъ пошелъ дальше.

Съ самаго начала своей дѣятельности онъ поставилъ своей задачей — всевозможная поддержка и веденіе экономической борьбы. И во многихъ городахъ — какъ-то Бѣлостокъ — анархизмъ неразрывно былъ связанъ съ широкими рабочими массами, выражалъ ихъ нужды, поднималъ ихъ боевую готовность на высоту громадную. Не торжественный развѣтъ это былъ моментъ, когда бѣлостокскій пролетаріатъ боролся подъ знаменіемъ анархическаго коммунизма, при чемъ лозунги не прятались въ кармаи, не обезличивались „безпартійнымъ“ клеймомъ, в подчеркивались рѣзко и выпукло!... Скажутъ: аша антипарламентская пропаганда реальныя плоды не дала. Народъ выбиралъ въ Думы. Такъ. Но, господа, народъ выбираетъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ пропаганда велась и ведется усиленно и планомерно, ведется десятки лѣтъ.

Развѣ паденіе идеи парламентаризма наблюдаемъ мы въ Испаніи? Развѣ ростомъ антипарламентаризма можно характеризовать Италію, обсуждающую проектъ расширенія избирательныхъ правъ? Развѣ французскій синдикализмъ рѣзко и непримиримо ставитъ вопросъ о бойкотѣ представительныхъ учреждений? Значитъ ли наши антипарламентскія кампаніи индѣ ничего не дали? Нѣтъ. Такой выводъ можетъ сдѣлать лишь туповатый дѣлецъ. Это означаетъ лишь: корни парламентскаго идиотизма глубоки; приливы и отливы этой мутной волны обуславливаются весьма сложными причинами... а если такъ, то можно ли измѣрять неуспѣхъ нашей пропаганды тѣмъ, что народъ выбиралъ?...

Да, но все погибло! Ничего не осталось!

Такъ. Бѣшенство реакціи обрушилось раньше всего на насъ. Военно-полевая юстиція, занимавшаяся такъ бойко „оттипаньемъ головъ“ (выраженіе союзниковъ въ Думѣ), опустошила наши ряды.

Такъ было: вѣдь „они“ всѣ полны жгучей ненависти къ идеѣ безвластія!

Такъ будетъ: вѣдь „они“ со асьми примирятся на „культурныхъ“ начѣлахъ.

Но не съ нами. И асе же: не черезъ чуръ ли смѣло заявленіе о томъ, что все погибло? Погибло, или притаилось? Слѣдѣли ли за газетами за асе время реакціи?

Вѣдь группы упорно возникали, геройски боролись со смертью?

А вѣдь миллионы лишь часть попытокъ дошла, вѣроятно, до легальной прессы! И не отъ нашей развѣ воли, самодѣятельности зависитъ, чтобы время оживленія сдѣлалось временемъ оживленія положительныхъ, а не отрицательныхъ сторонъ работы? О, мнѣ въ голову не приходитъ мысль идеализировать прошлое. Недостатковъ много. Были неуживые пріемы борьбы. Таковъ безмотивный терроръ, который я признавалъ. Этотъ безмотивный терроръ — уже не говоря о несчастной формѣ, въ которой онъ проявился въ Россіи — я *всѣцѣло отрицаю*. Недостатковъ было много.

Не было достаточно обращено вниманіе на выработку идейныхъ людей; не хватало умѣнья закрѣплять оргнизационно результаты работы въ массахъ; работа среди крестьянъ аелась крайне не планомерно; переоценивался вишній, механическій боеизмъ — этимъ были порождены всѣ крайности, уродства экспропріаторства. Но нельзя „выбѣстъ съ аодой выплеснуть и ребенка“.

Нельзя забывать, что громадная работа была совершена. И я не стыжусь, а горжусь первой серіей русскихъ работниковъ на нивѣ народной.

Но былъ еще одинъ недостатокъ: это колебаніе между минимализмомъ и максимализмомъ. И это колебаніе сыграло громадную глубоко отрицательную роль; объ этомъ и надо поговорить подробно.

Двоякого рода догматизмъ проявился въ русской революціи. Догматизмъ марксистовъ и догматизмъ фракціи с. р. максималитовъ. Марксисты говорятъ: будетъ буржуазная революція. Максималисты — с. р. — будетъ социальная революція (экспропріація земли, фабрикъ и заводовъ).

И то и другое „должно“ — догма, утвержденіе, не основательное, не продуманное. Анархисты догматизмомъ подобнаго рода не страдаютъ. Этимъ можетъ и объясняется отсутствіе въ нашихъ рядахъ унынія, охватившаго ибкаторыхъ „бышихъ“ максималистовъ. Но упомянутое качество чисто отрицательнаго свойства.

Очень хорошо, что мы не были догматиками, но важно знать каковы были наши *положительныя* стороны, наши реальныя лозунги?

Тутъ-то и выступаютъ наши недочеты.

Въ прокламаціяхъ и рѣчахъ мы увѣряли, что хотимъ асей волн, передачи богатствъ, земли въ руки организованнаго труда.

Но лозунги эти совпадали-ли съ нашими реальными имѣреніями? Жила-ли въ насъ цѣльность, это обязательное условіе практическаго творчества? *Нѣтъ*.

Утверждая, что мы хотимъ *всей* воли, мы въ сущности вкладывали сюда *отрицательное* понятіе, имѣю: мы не хотимъ программы минимумъ, мы не хотимъ парламента, не хотимъ отвѣтственнаго министерства. Да, мы этихъ „благъ“ не хотѣли, и здѣсь-то мы цѣльны и послѣдовательны, но, опять таки, была та цѣльность, которая сдѣлала-бы насъ практиками-максималистами? (Подъ словомъ максимализмъ разумѣемъ здѣсь не фракцію „максималистовъ“, конечно). Отсутствіе цѣльности, единства отразилось губительно на самой формулировкѣ нашихъ задачъ, она носила печать той же раздвоенности. Вспомнимъ среднюю типичную формулировку, типичную для цѣлаго направленія русскихъ анархистовъ; кажется, я не ошибусь, если скажу, что позиція этихъ товарищей можетъ быть формулирована такъ: *республика, конечно, лучше самодержавія*. Выгоды кое-какія народу „дастъ“.

Но буржуазная республика не только не идеалъ, но она сохраняетъ ту же эксплоатацию массъ подъ другой лишь формой.

Революція — время сверженія массами оковъ стараго міра. Станемъ-ли мы, революціонеры, создавать программы минимумъ, эту плотину народному движенію?

Мы хотимъ *всѣмъ* хлѣба, *всѣмъ* волн и *всей* воли. *Свобода слова, собраній, печати* важны, нужны; но мы ихъ возьмемъ силою, не требуя, чтобы ихъ осящала законъ; возьмемъ, походя мимоходомъ.

Кажется, точка зрѣнія намъ изложена полно и ясно. Но цѣльна-ли она? Не отразилась-ли въ ней та двойственность, которая, впрочемъ, жила аь душѣ и анархистовъ другихъ фракцій? *Логически* иначе формулировать наши задачи?

Приведенная точка зрѣнія уничтожаетъ раздвоенность? Нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: разъ мы признали аажнымъ часть благъ, входящихъ и видное мѣсто занимающихъ въ программѣ минимумъ демократовъ, то мы за эти „блага“ демократическія должны бороться.

Совершенно при этомъ безразлично, насколько формально мы имѣемъ право *назвать* свободу слова, печати типично-демократическими благами (пріемлимое подраздѣленіе даетъ „Черное Знамя“ въ статьѣ о Демократіи).

Сейчасъ насъ интересуютъ реальныя *дѣйствія*, обмежевывающія насъ отъ демократовъ.

Каковы же онѣ, дѣйствія эти? Мы беремъ захватнымъ правомъ? Но вѣдь къ захватному „праву“ прибѣгають во время революціи с. д., с. р. и въ достаточно полной, достаточно сильной степени!

Да что это была бы за *принципиальная* позиція, если бы она основывалась только на *большемъ* или *меньшемъ* проявленіи революціонности! Скажутъ, мы вѣдь не требуемъ, чтобы „завоєванія“ народомъ права сбѣлались закономъ! Такъ. Но это характеризуетъ скорѣе разницу въ социологическихъ основахъ, чѣмъ разницу „дѣйствія“. Во всякомъ случаѣ, широкими массамъ эта разница врядъ-ли будетъ понятна. И, наконецъ, эта разница все же лежитъ на плоскости „минимума“ и прямого отношенія къ *соціальной* революціи не имѣетъ. Дальше: „мы не ставимъ революціи никакихъ преградъ“, говорятъ анархисты. Но, собственно, преградъ никто не ставитъ. Не ставятъ преградъ большевики. Они разсуждаютъ такъ: мы призываемъ къ буржуазной революціи.

Но *если* западно-европейскій пролетаріатъ, подъ вліяніемъ-ли войны, подъ вліяніемъ-ли той же русской революціи подымется и развернетъ знамя социализма, тогда и русский пролетаріатъ будетъ атаковать всѣ твердыни современнаго общества.

Еще меньше мы вправе упрекать с. р. в догматическом понимании программы минимума.

Очевидно, что лишь тогда, когда мы выбрасываем всякое „если“, когда мы не *подождем*, а реально *приступаем* к атаке основ современного общества, очевидно, что тогда лишь мы вносим новое, творческое начало в революцию.

В противном случае мы *всегда реально* боремся рядом со всей оппозицией (революционерами, конечно), но мы иначе *толкуем* эти наши действия, чего-то иного *ждем*. Но что мы *дѣлаем* для нашего идеала? И не будут ли права наши противники, если обратятся к нам с такой речью: „напрасно вы, анархисты, мечете громы и молнии против минималистов, и вы минималисты!“ Вам безразлична форма правления? Пусть. Но *всегда* свобода слова, печати, коалиции необходимы? За них надо бороться?

Ну, вот вы и боретесь за свержение самодержавия, благо, оно и, повашему, хуже республики. Насъ вы упрекаете в сужении размаха революции. Пусть. А где ваши попытки к организации бунтующих масс с целью захвата богатств, земли? Ихъ нѣтъ. Получается впечатлѣніе будто вашъ максимализмъ — митниговная, полемическая, парадная фраза. Получается впечатлѣніе, будто бы работаете нецѣльно, на два фронта: „молъ, пусть въ истории будетъ записано, что анархисты-коммунисты требовали всего, да вотъ демократы помѣшали“...

Чтобы выйти изъ неважнаго положенія провозглашателей лозунговъ широкихъ, намъ необходимо признать вотъ что: вышеприведенная формула, которой мы характеризовали взгляды значительной части анархистовъ-коммунистовъ, расчленимъ, если мы признаемъ, что въ ней спутаны, смѣшаны двѣ позиции, два теченія, два лозунга. Постараемся формулировать каждый изъ нихъ. Забѣмимъ: мы *только* расчленимъ. Мы не высказываемъ ни своихъ симпатій первой, ни антипатій второй. Мы только формулируемъ — при томъ въ крайне общихъ и потому не совершенныхъ чертахъ.

Первый лозунгъ.

„Заявляемъ: пролетаріатъ заинтересованъ въ сверженіи самодержавія. Безъ этого — нѣтъ возможности реальной борьбы. Мы не настолько вѣримъ въ возможность ближайшей социальной революціи, чтобы во имя социальной революціи дѣйствіями противопоставить себя всѣмъ социалистамъ и революціонерамъ демократамъ. Наоборотъ. Мы бьемъ врага вмѣстѣ съ демократами, ибо рабочимъ нужны свободное слово, свободныя, автономныя организаціи. Необходима борьба и за самоопредѣленіе націи. Если въ ходѣ революціи убѣдимся въ возможности атаковать твердыни буржуазіи — въ добрый часъ! Минималисты ли мы? — Да. Безъ парламентаризма, конечно. Признаемъ ли общенациональную задачу? Да. Только безъ связыванія себя въ дальнѣйшемъ законами и законными рамками“.

Такая точка зрѣнія — цѣльна. Въ ней нѣтъ двойственности. По крайней мѣрѣ, нѣтъ явнаго максимализма и тайнаго минимализма. Она — обязываетъ.

И если есть сторонники такого взгляда — пусть они открыто, цѣльно и послѣдовательно разовьютъ ее. Пусть дадутъ такой точкѣ зрѣнія обоснованіе, одѣнутъ въ плоть и кровь. Тогда она сможетъ быть подвергнута всестороннему анализу.

Второй лозунгъ:

„Мы организуемъ трудовыя массы съ *единственной* цѣлью: захвата земли и фабрикъ, разрушенія центральной власти, организаціи трудовыхъ коммунъ, федераціи. Мы не подчиняемся *никакимъ* постановленіямъ ультра — революціонныхъ совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ, если онѣ идутъ въ разрѣзъ съ нашей *единственной* задачей — осуществленіе трудового революціоннаго самоуправленія. Ни о какихъ свободахъ слова, печати, ни объ улучшеніи условий будущей борьбы мы не думаемъ; не потому, чтобы мы ихъ теоретически не признавали — это особый вопросъ — а эти „права“ не *то*, что мы хотимъ и можемъ воплотить во время революціи.“

— Но вы раскалываете единную революціонную армію?

— Да, отвѣтимъ мы, мы хотимъ *этого* раскола, хотимъ яснаго и яркаго дѣленія на сторонниковъ уничтоженія царской власти, крупной поземельной собственности и сторонниковъ уничтоженія частной собственности и центральной власти.

Скажутъ: „а чересотенная опасность? Опасность реакціи?“

— Да, она есть, эта опасность. Если мы сдѣлаемъ для буржуазіи *реальной*, „красную“ опасность, буржуазія сдѣлаетъ *вѣроятно*, „черную“ опасность. Такъ было, такъ будетъ. И если русской революціи суждено поставить во *вѣсь* свой ростъ вопросъ экспропріаціи частной собственности, если великая грядущая битва за реальное счастье

народовъ не „законъ“, но и не мечта, а великая, къ бою закупающая радость возможность, то станемъ-ли смущаться и удивляться возможности реставраціи стараго порядка? И развѣ будетъ такая ситуація, при которой этой опасности не было бы?

Догматики-ли мы? Нѣтъ. Мы говоримъ о возможности, достаточной для организаціи воли, а не о вѣлѣніяхъ объективныхъ законовъ. И все же мы безусловные максималисты (не въ смыслѣ фракціи, повторяемъ), ибо считаемъ организацію, трудовыхъ коммунъ реальной и безусловной задачей нашей“.

Таково *второе* положеніе. Мы изложили *вторую* позицію подробно, не потому, чтобы мы ее предпочли первой, — повторяю, мы только формулируемъ, а потому что она по существу труднѣе.

На одномъ лишь мы настаиваемъ: вышеприведенное подраздѣленіе *необходимо*, иначе мы не покончимъ съ кустарничествомъ. Знаю, что найдутся „широкіе“ люди. Они скажутъ: не нужны эти подраздѣленія. Они не реальны. Это — выдумка, теорія. Эти „широкіе“ люди ошибаются. Я не даю никакихъ лозунговъ. Я лишь указываю на двойственность, двойственность глубокую, опустошительную, вносящую хаосъ и туманъ.

Корни этой двойственности должны быть выяснены тщательно, послѣдовательно, мужественно. Слѣдуетъ избѣгать общихъ словъ, рыцарской, трусливой, какъ будто всеобъемлемшей, а на дѣлѣ все спутывающей постановки. И только съ исчезновеніемъ двойственности появятся у насъ люди твердой воли, появятся настоящіе практники.

Стыдно сказать: у насъ *всегда* ужасно мало *практиковъ*, тѣхъ, которые съ лихорадочной быстротой претворяютъ *слово* въ *дѣло*.

Это показываетъ, между прочимъ, на неустойчивость *не нашей теоріи*, а *линии* поведенія.

Эту неустойчивость надо удалить. А для этого необходимо ее выяснить!

Сдѣлайте это поскорѣе, товарищи!

Рошнинъ.

О воспитательномъ значеніи закона.

Насъ часто спрашиваютъ: „какъ можете вы, быть анархистами! Вѣдь, нельзя жить безъ законовъ. Всегда будутъ въ обществѣ люди, которыхъ ничѣмъ, кромѣ какъ палкою, не уговорите поступить своимъ личнымъ грубымъ интересомъ въ пользу другихъ. Будетъ-ли эта палка — параграфомъ уголовного уложенія, или же вы просто исключите такого человѣка изъ общества безъ всякой ссылки на писаный законъ и обречете тѣмъ его на голодную смерть — это споръ о словахъ. Безъ закона, т. е., безъ общественнаго принужденія, не обойдетесь, хотя бы вы и называли это не закономъ, а обычаемъ“.

Нетрудно отвѣтитъ на подобнаго рода замѣчанія. Всѣ люди, живущіе въ одну эпоху и въ одной странѣ, тѣмъ самымъ уже имѣютъ нѣкоторые болѣе или менѣе общіе взгляды на то, какъ нужно поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни. Войти безъ позволенія въ чужую квартиру считается, напримѣръ, въ наше время не только неприличнымъ, но и прямо наказуемымъ. А развѣ это такъ, то бесспорно, что эти общіе взгляды выражаются въ обязательныхъ предписаніяхъ, официальныхъ или основанныхъ на молчаливомъ признаніи, и можно даже согласиться, чтобы не осложнять спора съ нашими противниками (хотя это и не совсѣмъ такъ), что такія предписанія сдерживаютъ нѣкоторые унаслѣдованные нами изъ прошлаго инстинкты и поддерживаютъ особенно разнуданная натуры внѣшне на уровнѣ средней общественной нравственности.

Пусть все это такъ, но *вѣдь*, жизнь идетъ впередъ, одна эпоха смѣняется другою, и что вчера допускалось и даже требовалось всѣми, становится со временемъ признакомъ разнуданности, преступленіемъ. Въ наше время даже нѣкоторые буржуазные ученые видятъ въ неограниченномъ стремленіи капиталиста распоряжаться самовольно своею фабрикою на основѣ „священнаго“ права собственности не только грубость натуры, но и общественную опасность, въ то время какъ дѣды этихъ ученыхъ обстоятельно доказывали право однихъ людей вымѣнивать себя подобными на борзыхъ собакъ.

И въ этомъ весь вопросъ: законы-ли дѣлаютъ людей другими или же сначала мѣняются люди, а законы только отражаютъ бѣдливо, и насовременію внутреннее измѣненіе людей?

Наши противники говорятъ: законы не только удерживаютъ людей отъ возврата къ грубости ихъ предковъ, но и ведутъ ихъ впередъ, и потому очень важно пріобрѣсти

наибольшее (возможное) влияние на законодательную машину, для того чтобы теперь уже кроить ею законы будущего. И отвлекая на эту деятельность лучшие силы людей, она развращает их ложною верою во всемогущество вышней организации и убивают в них то творческое начало, которое одно способно возбудить в человеке сознание, поднимающее его над мертвой буквой закона, перевоспитать его и этим привести помимо вышнего, механически грубого принуждения, к новым истинно-свободным формам жизни.

Понимание нашинм противниками общественного прогресса основано на следующих предположениях. Массы поручают отдельным лицам участие в законодательстве. Отдельные эти лица, конечно, достаточно умны и благородны, чтобы использовать вверенную им власть наилучшим образом в направлении к созданию и развитию нового „свободного“ строя. Как все это ни мало вероятно, но если даже и согласиться со всем этим, то от одного уже предположения такого безусловного доверия масс к законодателям встает безутешной скукой и пошлостью, ибо это доверие куплено ценой усыпления пролетарской воли; оно — это доверие — колыбель рабства, оно же — могилка для творчества масс. А если мы допустим, что такого доверия не будет, и что масса откажется повиноваться законам, выработанным ее избранными, тогда картина получается уже не скучная, а кровавая и нелюбимая: представители народа силой заставляют народ подчиняться законам, яко бы выработанным „волею“ народа.

Это ли не банкротство всей системы?

Вот потому мы и утверждаем, что вместо преувеличенной заботы о внешнем усовершенствовании законодательства, гораздо важнее и выгоднее рабочему классу направить все свои усилия прежде всего на поднятие и развитие классового самосознания в своих собственных интересах. И спор наш ведется не в сфере отвлеченных понятий; напротив противники наши упрекают нас в утопичности или крайней идеализации.

Идейный спор здесь, как и везде, идет о реальном предмете — о влиянии на ту отсталую и косную часть пролетариата, которая еще не выросла до понимания интереса своего класса, и которую наши противники тянут за собою на путь парламентской агитации, а наши единомышленники приглашают свободно примкнуть к передовым кадрам своего же класса и самим делать свою историю.

И вот, допустим, что мы эту отсталую часть пролетариата, которой внушается, будто главнейшая ее обязанность по отношению к будущему строю исчерпывается ее механическим участием в выборах современных законодателей, привлечем к тому живому делу, внутреннего перерождения на пути самостоятельно выработанных пролетариатом организаций, и без которого ничто никогда измениться не может, — развьем, совершив эту работу, не докажем этим нашим противникам правоту наших воззрений на закон, на его усиливающее и задерживающее движение вперед влияние, совершенно независимо от безплодных в наши дни разсуждений о том, как этот закон будет исправлять воображаемых преступников в будущем строе?

Е. Артемьев.

О классовой борьбе и классовом сотрудничестве.

Насколько неоспорно, что вся современная история протекает под сильным, все обостряющим влиянием рабочего движения, настолько же очевидно и то, что в различных государствах рабочее движение приняло различные формы. В то время, как в Англии и Франции оно преимущественно *выполнительное*, т. е. имеет непосредственным содержанием прямую борьбу рабочих против капитала, происходящую между двумя враждующими категориями совершенно независимо от государства и при полном игнорировании законодательных учреждений — в то время, как там руководство им лежит не в руках политической партии, а рабочих синдикатов, оно в Германии протекает почти всецело в политическом русле, под гегемонией социал-демократической партии. Этим объясняется, почему *результаты* рабочей борьбы действительны и прочны в Англии и, наоборот, неглубоки, только вышши в Германии. Этим же доказывается, что количество „рабочих“ представителей в парламентах не служит показателем силы пролетариата в данной стране, не находится ли

в каком соотношении с его действительной мощью, в чьей всего зависит лишь от временных и случайных побочных причин. Если бы мы хотели, как бы делали это многие социалисты, заключать о силе рабочего движения, как движения классового, по величине парламентских рабочих фракций, то нам пришлось бы признать первенство за германским рабочим движением, ибо в немецком парламенте число социалистов зрительно, больше чем вдвое превосходит их численность в английском. Между прочим, тот факт, что величина парламентской фракции не служит даже в приблизительной степени отражением действительной силы или роста пролетариата, доказывалось еще и тем, что германской социалистической партии в последних выборах удалось удвоить количество своих парламентских представителей по сравнению с выборами 1907 г., несмотря на то, что избирательная система и избирательная возможность для пролетариата остались неизменными. Конечно, очень ошибся бы тот, кто из этого факта заключил бы, что за пять лет, с 1907 по 1912 г.г., сила германского пролетариата удвоилась!

Но если численность парламентских социалистических фракций не находится в соответствии с силой пролетариата в данной стране, — если, как, напр., в Германии, пролетариат слабее, чем об этом можно было бы заключить по численности социалистов в немецком парламенте, или, как в Англии, он значительно сильнее, чем об этом свидетельствует парламентская рабочая фракция, то является вопрос: можно и должно ли считать социалистические партии единственными и действительными представителями *классовой* воли и *классовых* требований *пролетариата*? Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся ненадолго на фактах, определяющих тот или иной состав законодательных палат, в смысле их социалистического представительства.

Известно, что германская социал-демократическая партия ведет избирательную агитацию отнюдь не только в рабочей среде, а и в буржуазной, и что в известные моменты мелкая и средняя буржуазия весьма склонна отдавать свои голоса социал-демократическим кандидатам. В такие моменты избиратели того или иного числа социалистических депутатов зависят не исключительно от *классовой* воли пролетариата в чистом виде, в от *совместного* действия, от *сотрудничества* с пролетариатом буржуазных элементов, не только не сочувствующих конечным требованиям пролетариата, но относящихся к ним, явно враждебно. Эти буржуазные элементы отдают свои голоса социалистам всегда постольку, поскольку их в данный момент не удовлетворяет политика господствующих классов и поскольку социалистическая партия на избирательных собраниях выступает с требованиями их интересам *радикально-буржуазными* лозунгами. Таким образом немецкая соц.-дем. партия, чтобы заручиться категорией буржуазных избирателей, ничего общего с пролетариатом и его классовыми требованиями не имеющей (т. наз. „Mitläufer“, — попутники), должна приоравливаться к той чуждой пролетариату среде. Этот процесс приспособления происходит путем понижения социалистических лозунгов до буржуазно-радикальных, т. е. путем превращения из партии социального переворота в партию демократических реформ. Такое превращение, свидетельствуя, что социалистическая партия не является во время выборов представительницей классовых требований пролетариата (она не является ею вообще, но об этом пост), вместе с тем объясняет, почему по социалистической фракции в немецком парламенте нельзя судить о силе германского пролетариата.

Еще более характерным примером в этом отношении может служить французская социалистическая партия. Насчитывая в своих рядах не больше 50.000 членов, из которых лишь 1/3 рабочих, она на последних парламентских выборах собрала около 1 миллиона голосов. Однако, этот избирательный „успех“, как потом выяснилось, имеет весьма печальную основу. Оказалось, что наибольшие успехи французские „социалисты“ одержали в крестьянских округах. Но это, конечно, отнюдь не следует приписать социалистичности французского мелкого землевладельца, а... курьезной „социалистичности“ французских „социалистов“, которые, на предшествовавшем выборах С.-Этьенском конгрессе, приняли предложенную Гюльом (самым ортодоксальным из французских социалистов) резолюцию о сохранении крестьянам, в момент революции, частной земельной собственности!

Практика социалистических политических выступлений, теоретически исходя из правильного положения о существовании классовых противоречий, de facto на каждом шагу изобилует компромиссными уступками буржуазному демократизму и подчас сливается с ним. В действительности практика социалистических партий опирается на принцип *сотрудничества* классов, положенный буржуазией в основу парламентарного правопорядка, — на принцип, исключаящий революционные методы классовой борьбы. Вот почему факт голосования буржуазных элементов за „социалистических“, депутатов понятен и возможен. Установив это, мы получим ясный ответ на поставленный

выше вопросъ, — отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что социалистическая партія *перестаетъ* быть рабочей партіей каждый разъ въ той мѣрѣ, въ какой она выдвигаетъ общіе съ радикальной буржуазіей политическіе лозунги, отступая, такимъ образомъ, отъ специфически — рабочихъ экспроприативныхъ задачъ.

Совершено естественно, что, по мѣрѣ развитія производственныхъ отношеній, по мѣрѣ углубленія классовыхъ противорѣчій и классового антагонизма, жизнь наполняется революціоннымъ содержаніемъ. Поэтому вліяніе на пролетаріатъ политически-реформаторской партіи, каковою всюду является партія социалистическая, съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ революціонизируется. Съ воспитаніемъ въ немъ *классовой воли* онъ, какъ коллективъ, сознательно и планомерно стремится къ социальной экспроприации, къ тому, чтобы перестать быть *объектомъ* производства, а стать *субъектомъ* его. Съ этого момента силы пролетаріата начинаютъ быстро перерождаться искусственно созданными буржуазіей политическія формы государственно-классового угнетенія, и по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ понимать, что классовое сотрудничество становится для него излишнимъ и невозможнымъ, онъ объявляетъ разрывъ съ политическими формами борьбы и социалистической партіей. Онъ становится на путь изолированной, самостоятельной борьбы, организуясь для этого въ *революціонные синдикаты*.

Революціонная борьба пролетаріата всегда бываетъ направлена не только противъ буржуазіи, но и противъ государства, въ какой-бы формѣ оно себя ни проявляло. Еще Марксъ установилъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, что „современная государственная власть — ничто иное, какъ исполнительный комитетъ по дѣламъ класса буржуазіи“. Это, въ свое время, заставило Гэда сдѣлать совершенно правильный выводъ, что „для пролетаріата безразлично, какая въ странѣ форма правленія: монархическая или республиканская“. И западно-европейская демократическая дѣйствительность давно подтвердила всегда подчеркиваемый анархистами и революционными синдикалистами фактъ, что между монархическимъ и республиканскимъ угнетеніемъ рабочаго класса нѣтъ существенныхъ различій. *Монархія и демократія лишь различныя внѣшнія формы организации буржуазіи, и всякій парламентъ, политическое орудіе буржуазнаго строя, — строя, по существу своему враждебнаго рабочему классу, — тѣмъ самымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только орудіемъ угнетенія рабочаго класса.*

Для достигшаго опредѣленной зрѣлости пролетаріата антигосударственная борьба неизбежна, — она диктуется логикой его классового положенія, вытекаетъ изъ этого положенія. Стремящійся къ уничтоженію частной собственности, къ социальной экспроприации, рабочий классъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ и государственность, необходимую лишь для охраны частной собственности и духовнаго закрѣпленія личности.

Естественно, что борьба російскаго пролетаріата, поскольку она будетъ сознательно классовой, приметъ то-же антигосударственное направленіе. Но мы не будемъ ждать, пока „объективный ходъ вещей“ приведетъ пролетаріатъ къ пониманію своихъ насущныхъ классовыхъ задачъ, а будемъ активно разрушать полурелигіозную, традиціонную вѣру въ государство, всегда тѣсно связанную съ замаскированной пропагандой классоваго сотрудничества.

Александръ Ге.

Хроника борьбы.

Во всѣхъ городахъ Россійской имперіи рабочіе объявляли однодневныя забастовки протеста противъ Ленской бойни. Въ Петербургѣ бастовало 60 т. человекъ.

Въ празднованіи Перваго Мая принимало участіе огромное количество рабочихъ: въ одномъ Петербургѣ по официальнымъ даннымъ бастовало 200 т. человекъ. Во многихъ городахъ бастующіе устраивали демонстративныя съ красными и черными флагами шествія, которыя разгонялись полиціей и казаками. Рабочіе теперь повсемѣстно вступаютъ въ упорную борьбу со своими хозяевами: въ цѣломъ рядѣ городовъ бросаютъ работу и выставляютъ требованія объ улучшеніи условій труда, увеличеніи заработной платы, уменьшеніи рабочаго времени и т. д. Много фабрикъ и заводовъ разсчитываютъ рабочихъ и временно или навсегда перестаютъ функционировать. Въ Одессѣ закрылась мастерская „Русскаго Общества“ (1000 ч.), на Ижорскихъ заводахъ угрожаютъ разсчетомъ, въ Николаевѣ прекращены работы на судостроительномъ заводѣ (4000 ч.), въ Екатеринославской губ. бастуютъ тысячи рабочихъ. Хозяева твердо отстаиваютъ свое „священное право“, но и рабочіе не сдаются. Среди рабочихъ начинаютъ развиваться усиленную дѣятельность и г. г. „политики“; близятся выборы въ четвертую Думу, и ими обсуждаются и вырабатываются предвыборные планы. Надо надѣяться, что русскіе рабочіе съумѣютъ использовать свой собственный опытъ и опытъ своихъ западно-европейскихъ товарищей и не поддадутся на удочку „друзей“, предлагающихъ имъ панацею — выборы, выборы, во что-бы то ни стало, выборы, даже въ такой „парламентъ“, какъ наша Дума! . . .

РАБОЧИЙ МІРЪ

Издание цюрихской группы анархистов - коммунистов „Рабочий Миръ“.

Духъ разрушающій есть духъ создающій.

БАКУНИНЪ.

Годъ I.

1-ое Сентября 1912 г.

№ 2.

Передъ выборами въ 4-ю Думу.

Когда либеральный, высокопросвѣщенный изслѣдователь анализируетъ ходъ человѣческой исторіи, онъ почти всегда приходитъ къ утѣшительнымъ выводамъ: прогрессъ идетъ семимильными шагами, ростъ культуры несомнѣненъ. Есть, конечно, и подозрительныя, кровавыя пятна, по... и на солнцѣ есть пятна. И сердце ученаго трепещетъ и радостно бьется. Подобно пушкинскому скупому рыцарю, наслаждающемуся въ подвалахъ груды золота, ученый не нарядится на сундуки, биткомъ набитые культурными цѣностями. И въ тотъ день, когда онъ можетъ «въ шестой сундукъ, сундукъ еще не полный, горсть золота накопленного всыпать», можетъ записать еще одну радикальную реформочку, — торжеству нѣтъ границъ. Забываетъ изслѣдователь «сколькихъ человѣческихъ заботъ, обмановъ, слезъ, мучений оно — тяжеловѣсный представитель». Забываетъ... но не всегда. Надо быть справедливымъ къ радикальному изслѣдователю: не всякую реформочку онъ въ общечеловѣческой сундукъ положитъ. Онъ бы, павѣрное, съ негодованіемъ отвергъ предложеніе записать съ торжествомъ русскую конституцію, ея парламентъ, созданный на основаніи закона 3-го іюня... Онъ сказалъ бы: «русская Дума — не «золото», она — иванъ, безстыдникъ, алиповатая поддыка, правда, нужная для «Европы» и для «конституціоннаго» оправданія домогательствъ землевладѣтельской шайки. Участники и творцы Думы — уголовная банда, и ихъ должно судить, какъ судить фальшивомонетчиковъ». Когда же вы слышите хриплые, надорванные голоса социалистовъ-демократовъ: «рабочіе, выбирайте въ 4-ю Думу!», невольно возникаетъ вопросъ, есть ли у этихъ «политиковъ» чувство безразличности, присущее не совсемъ обгабѣвшему радикалу?.. Не намъ, конечно, дѣлать демократію и парламентъ на истинные и ложные: знаемъ мы цѣну всякой демократіи, знаемъ къ чему приводитъ неизбежно парламентарная тактика. Но вопросъ объ участіи въ русской 4-ой Думѣ — вопросъ не тактики, а... стыда! Просто стыдно участвовать въ наглой и развратной комедіи, позорно звать вивавшихъ блестящую страну въ исторію мировой борьбы русскихъ рабочихъ къ участію въ четвертой Думѣ... Это ужъ не парламентарскій кретинизмъ, а парламентарское буйное помѣшательство въ самой опасной и рѣзко выраженной формѣ... И, правда, о такихъ «политикахъ» не стоило бы и говорить. Если бы не сознание, что помѣшательство — неизбежный результатъ парламентаризма вообще, если бы въ этомъ призывѣ къ участію въ выборахъ не проявлялась такъ рѣзко тенденція легализовать пролетаріатъ во что бы то ни стало; а потому-то мы должны обратиться къ тѣмъ аргументамъ, которые мы выставимъ противъ парламентаризма и легализма вообще. Мы, конечно, не можемъ въ предѣлахъ газетной статьи исчерпать всѣ наши возраженія противъ фик-

цій «народной воли», «большинства», «контроля надъ представителями»; мы только остановимся на роли парламента, какъ орудія классовой борьбы. Идея борьбы трудящихся можетъ быть коротко и ясно сформулирована такъ: рабочий въ современномъ обществѣ — вещь, а хочеть онъ во *всѣхъ* областяхъ сбѣлаться личностью... Эта формулировка нисколько не отвлеченная, она очень реальна, она не только не игнорируетъ, а кладетъ въ основаніе борьбу рабочихъ за *хлѣбъ* и волю, борьбу экономическую.

Въ древности положеніе раба, какъ вещи, было ясно и несомнѣнно. Философы называли рабовъ *говорящими инструментами*. Рабовъ избивали и убивали, если становилось невыгоднымъ ихъ кормить; обвиняли и продавали, если такой обмѣнъ хозяевамъ былъ выгоденъ; политическихъ правъ рабъ, конечно, не имѣлъ. Правый пользовались одни лишь свободные. Положеніе тогда было ясное, рѣзко опредѣленное. Прошло много, много вѣковъ. Много и многое измѣнилось; неизмѣнилось *только* обычай, учрежденія, идеи. «Лишь институтъ рабства въ формѣ наемнаго труда остался непоколебленнымъ. Но въ положеніи современнаго раба произошло глубокое измѣненіе: *говорящій* инструментъ превратился въ *голосующій* инструментъ... Рабочій и крестьянинъ пользуются политическими правами: они вотрируютъ законы, имѣютъ своихъ депутатовъ - избранниковъ, и еще сколько! Приблизительно 70 — во Франціи, 80 — въ Австріи, 110 — въ Германіи. Ликовать бы радикалу: «демократическіе сундуки» наполняются, но... радикалъ напуганъ, боится онъ сюрпризовъ неприятныхъ со стороны прогресса! Зато ликуютъ соц. дем.: — 110 депутатовъ!... 4 милліона голосовъ!... Одинъ лишь анархистъ угрюмо и упорно напоминаетъ о томъ, что всѣ «110» — 110 «человѣческихъ обмановъ, тяжеловѣсныхъ представителей!... Быть можетъ, анархисты изъ доктринерскаго упрямства не восхищаются успѣхами въ видѣ цифры «110»? Быть можетъ, анархисты не хотять, не умѣютъ считаться съ исторіей? Нѣтъ. Именно анализъ формъ рабства и утверждаетъ ихъ въ отрицательномъ отношеніи къ парламентаризму. Хорошо жилось рабовладѣльцамъ... Да вотъ «бѣда» приключилась страшная — рабы возстали во имя свободы. Страшно было и само возстаніе, но страшнѣе всего — грозная, зловѣщая туча: рабы «заговорили» не только о мукахъ, причиняемыхъ данной формой рабства, но о рабствѣ вообще, о всякой неволѣ... И, кто знаетъ, если бы это чувство охватило всѣхъ возставшихъ, не была бы длинной вся исторія человечества? Но, увы, всегда народъ боролся и борется *двѣ* стихіи — *минимализмъ* и *максимализмъ*... Всегда царила эта раздвоенность: когда одни кричали: «хлѣба», — другіе, а очень часто же самые, но послушные другой стихіи, комментировали: «но 1 ч. ф. на брата».

И лозунгъ дѣлался страшнымъ не рабству вообще, а опредѣленной только формѣ рабства...

Когда одни говорили: «воли», другіе добавляли: «3 ар-

шняя воля», как раз столько, сколько нужно для личной, культурной работы могли. И в этой доисторичности — проклятие и трагедия истории осеобожения.

Программа-минимум — не кишинев ало, как в вышнее ало государства, она — плоть ало плоти и кровь от крови народного минимализма. Не депутаты и интеллигенты минимализм породили, он, как смерть, как эпидемия, вбрызнул опутивать историю. Рабонадальцы истинностью поиска серьезностью положений... Истинность же больше, чѣм сознание, полкавалъ нѣм блестящій, глубокий киходъ изъ колодезней: надо использовать раздвоенность въ лѣвѣ борцов; надо, опираясь на народный минимализм, реформаторство, адуцинуть, адуцинуть максимализм...

На дѣя того, чтобы на народ опираться, надо съ нѣмъ обидѣться, обидѣться... а обидѣться можно не съ вѣщами, а съ личностями... Старые рамки для этой идеи не годятся, нужно создать вышній коллективъ, куда бы на правахъ уже личности вошелъ и раб. Этого новый коллективъ — демократіи; ея орудіе и организованное выражение — парламент...

Какова же роль рабочего въ этомъ новомъ коллективѣ? Охъ — личность въ политикѣ, вещь въ производствѣ. Демократія объединяетъ въ единый народъ буржуа и рабочаго. Яона, что рабочий долженъ бороться за распространѣніе правъ демократіи, и онъ борется рядомъ, если не со ксѣй, то съ дѣвнымъ крыломъ буржуазіи... Между хозяйствомъ и рабочникомъ организуются новые, тѣсныя связи въ области политикѣ; она сдѣлывается пропасть въ области экономической... И новая формула рабаства «личность-вещь» тяжелой цѣной скопала рабочихъ. Такака объективное значение и роль буржуазной демократіи и парламентаризма. Разумѣется, въ выпережденныхъ строкѣхъ мы дали только схему, мы перенесли знания, что демократія вовсе не результатъ чего-либо адека адуциманаго плава; знаемъ, что дѣйствительно больше классовый инстинктъ, чѣмъ сознание, знаемъ, что установление новой формы гнета, «вещь-личность», наступило не только послѣ паденія рабаства; что этого новый строй, не законченный до сихъ поръ, уже успѣлъ обнаружитъ и свои отрицательныя стороны. Мы лишь настаиваемъ на внутреннемъ смыслѣ современной демократіи... Апархизмъ и накопидеессъ подъ его примѣтомъ вліяніемъ тѣвое крыло революціи, ондидализма даду простой посерывающій отъѣтъ на вопросъ: что дѣлать?

Они въстали два лозунга. Первый: непосредственная классовая борьба, всеобщая стачка. Это значитъ: въ непосредственной экономической борьбѣ роль рабочего, какъ кетца, выступаетъ несомнѣнно ясно; революционизирующее значеніе этой борьбы для минималистически, сдѣловательно, демократически настроенныхъ массъ, очевидна. Сдѣловательно, попытка образованія «единого» народа наносится непоправимый ударъ.

Второй лозунгъ: борьба со всякой формой государственности. Это значитъ: пролетаріатъ долженъ интересоваться политикой; политика влѣзаетъ на «экономику», по борьбѣ съ государствомъ не значитъ участвовать въ парламентѣ; бороться, какъ классъ, значитъ, между прочимъ, не поддерживать радикального слою буржуазіи противъ «отсталого»... И тутъ идею «единого народа» терпитъ позорное крушеніе...

Ухъ, не таяны лозунги марксистовъ и социалдемократовъ; они чуждыми приняли буржуазные лозунги; они стали на точнѣрнѣйшій «наводъ», механически приподнявши его къ классовой борьбѣ; классовая борьба стала словомъ, борьба въ демократіи и парламентѣ — хлѣбомъ; они неграютъ, а не борются съ дѣловыми массами-минималистами и наивно гордятся тѣмъ, что будто они — «массовая» партія... Когда Марксъ провозгласилъ: «классовая борьба есть борьба политическая», онъ сказалъ нѣчто не совсѣмъ вѣрное, но ничего ея страшнаго

го въ этомъ не было: вѣдь подлѣ политической борьбѣ можно разумѣть антигосударственную борьбу. Но нѣтъ постѣ ондидоло, что «политическая» борьба есть борьба «демократическая», за парламентъ, за конституцію; она, являясь, что фактически рабочіе являются авангардомъ въ борьбѣ за общенародную свободу; оказалось, что марксизмъ къ «хитрой механикѣ» буржуазіи прибавилъ свою, а именно: опѣ построеніе ученіе о развитіи производственныхъ силъ, являя необходимую предпосылку къ свободѣ; ученіе о необходимости временной поддержки буржуазіи, какъ силы, способствующей росту этой объективной «предпосылки». Марксизмъ перешелъ классовую борьбу въ область слова-пропаганды и технической организации и запилъ на дѣлѣ демократіи.

Апархизмъ расширялъ и расширяетъ назву классового сотрудничества, указываетъ, что новая форма рабаства «личность-вещь» издѣрнется не только благодаря буржуазіи, но и благодаря марксистамъ. Почему же буржуазія неинкитилъ соц.-дем.? Почему бѣтъ тревогу она? Почему возмущаетъ реакція нѣхъ боязни с.-д. напѣотвѣвъ? Разъ марксисты усвоили буржуазные лозунги, то надо было ждать дружбы съ буржуазіей? Такъ спрививаютъ лаяные или лаянннчующіе люди. Мы, конечно, могли бы считать не мало примѣромъ этой трогательной дружбы... но не въ этихъ примѣрахъ дѣло. Конечно, буржуазія въ цѣломъ не хотѣла бы никакой оппозиціи, нинаного революціоннаго движенія, классового или демократическаго; она боится пролетаріата даже тогда, когда онъ борется за народныя блага, потому, какъ бы пролетаріатъ не размахнулся шире и глубже, чѣмъ этого требуютъ интересы всей націи.

Мы вѣдь не утверждаемъ, что соц.-демократія не борется, а говоримъ лишь, что она на дѣлѣ ведетъ рабочую борьбу такъ, какъ будто у рабочихъ и хозяйскѣ различныя, а не противоположныя интересы. Вотъ въ чемъ дѣло. Понимая, что буржуа ненавидятъ даже с. д., такъ вѣдь вѣдь различныя интересы — вѣтъ; являя это мало для того, чтобы ненавидѣть, гнать... Въ исторіи ненависть и гнѣтъ прожигались при менѣе существенныхъ разногласіяхъ. Но если буржуазія все-же застѣ терпитъ, такъ это потому, что въ ей времена нужны. вы — ало, но изъ двухъ золь (борьбы классовою и демократической) она выбираетъ меньшее... Для партіи с.-д., выражающей фактически различіе интересовъ рабаства и господѣ, демократіи, парламентъ нужны, необходимы.

Для насъ, дѣйствителъно вскрывающихся въ киражающихъ противоположности классовыхъ интересовъ, демократія, парламентъ не нужны, вредны. Надо-ли узнавать вторично на худородно и лѣннотѣ участіе въ русской думѣ? Надо-ли повторять, что здѣсь и форма «личность-вещь» — ложь, ибо даже политическіе, личные нравы прѣвѣтъ?...

Ленинъ какъ-то сказалъ: «Исторія загнѣвала насъ въ хлѣвъ», разумѣть онъ 3-ью Думу. Да, хлѣвъ; и не знаешь, кто нѣтъ населяющіе этотъ «хлѣвъ» — Думу отаратились: онъ шутъ — Нуршиевичъ, пророкъ — Ролпчевъ или коня — Гегечкори. По моему — другъ друга стоятъ... Опять нашей работы повоза, что русской рабочей вѣнцѣ доросъ до пониманія непосредственной борьбы, противоположности парламентской. Постараемся расширить и углубить сознаніе рабочихъ. Постараемся, чтобы пиронне слою тѣхъ нашихъ усвоили нашу тактику, наше міровоззрѣніе. Постараемся, чтобы тѣхъ нашихъ усвоили и прихлѣбали нашъ лозунгъ: Рабочіе, бойкотуйте всякаго рода парламентъ! Трудились, бойкотуйте 4-ую русскую Думу! 1.

О РАБОТѢ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ.

РАБОЧИЙ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

Противники считают насъ «мелко-буржуазной» пар-

тій: мы молъ, въ считаемъ съ развитіемъ техники, выросшей въ нѣдрахъ капиталистическаго общества; мы въ своихъ идеяхъ всосраемъ «товарное хозяйство»: какъ идеаль — идеаль мужичья хозяйственнаго.

Справедливы-ли упреки противниковъ? Нѣтъ. Есть фактически неправда, а то, что фактически крѣпо, оспарено и обеспокоено неперо. Указывающъ на Прудона. Прудонъ, вырхастъ, признавалъ крестьянскую, мелкую, трудовую собственность. Правда, но вѣдь надо кудамъ и новить историческую обстановку. Представь себѣ страну, въ которой капитализмъ еще не раздѣлялъ крестьянина съ землей, а прошлымъ ходъ исторіи породилъ не общину, какъ въ Россіи и другихъ славянскихъ странахъ, а индивидуальную трудовую собственность. Представь себѣ революціонера Прудона, желающаго воплощенію трудовой справедливости сейчасъ; какъ ему быть? Ждать развитія капитализма? Но кѣмъ это значить привѣтствовать не справедливую, а раззореніе и торжество вышнѣистической кабалы. Приходило ждать, пока оный и огнати слово убѣдиши заставить крестьянъ признати и прияти артемыныя начала, а пока надо осуществлять трудовую справедливость при данныхъ историческихъ условіяхъ. Споръ былъ волею не желательности или нежелательности коллективныхъ формъ, а о томъ: бороться ли за трудовую справедливость сейчасъ или привѣтствовать насаженіе капитализма и снрнати идеаль труда на далекое, далекое будущее. И крѣво социалыгъ Ландауеръ, указывающій, что Прудонъ былъ просто реалистомъ-максималистомъ. То же сдѣлать сказать о нашихъ русскихъ народникахъ. Среди нихъ было много анархистовъ-общинниковъ. Они, правда, часто переиначивали хорошия стороны общины и дурныя стороны капитализма, но въ основѣ бы были тотъ же споръ: требовать-ли справедливаго распредѣленія сейчасъ, или же привѣтствовать капиталистическое «накопленіе», ведущее къ раззоренію массъ...

Какъ относился анархизмъ къ крестьянству, владѣнцу трудовой собственности, не пользующемуся трудомъ чужакихъ? Они видѣли опасность въ этой формѣ владѣнія: есть опасность сдѣлаться мелкимъ хозяйкомъ. Дэ и психологъ мелкаго собственника не благорннги коммунизму. Въ этомъ отношеніи преимуществомъ крѣпкомъ на сторонѣ мужика-общинника, батрака, сородского рабочаго. Но, во первыхъ, хозяйчиками имѣть возможность сдѣлаться неможно. Большинство — эксплуатиремы. Ихъ грабятъ помещикъ, кулакъ-норекующійся, государство. Вънѣ социальной революціи — нѣтъ свободы въ рядѣ борющихся за справедливость, и мы увѣрены, что общинныя формы оной, трудовое крестьянство, нѣмъ, полюбивъ и примѣтъ, такъ какъ эа форма выгоды, удобныя и болыне въ ней гарантій справедливости. Если мы рисуемъ черными красками трудовое, мелкаго участника сдѣлованное, крестьянство, то мы, съ другой стороны, не идеализируемъ, не видимъ въ одномъ лишь розовомъ свѣтѣ общину.

ОБЩИНА.

Вопросъ сложный. Саоры относительно роли общины были долпѣ и страстны. Спорили въ правннчскѣ сферахъ. Въ своихъ докладахъ запискахъ царю оный министръ называлъ общину оаорой царскаго престола, плетивою, мѣшающей волнѣ социализма проникнуть въ патриархальную Россію; другой видѣлъ въ общинѣ колыбель революціонности, самороднаго анархизма и социализма, сулящаго горе и бѣднотѣ царю и богатырямъ.

Спорили и социалсты. Одинъ говорилъ (марксисты): община тормозитъ развитіе культуры; отсталыя формы хозяйства питаются и отсталый, дикій, самодержавный строй, и туманное, рабаское сознаніе массъ.

Народники говорили: пусть такъ; печально данное состояние общины, но въ ней — залогъ народной правды;

здѣсь — въ общинѣ — не нарушѣтъ принциповъ правнаго распредѣленія; боритесь съ государствомъ; боритесь вмѣстѣ съ крестьянами общинниками за экспроприацию земли. Подымаетъ техника; подымаетъ культура; и расцвѣтъ культуры не будетъ купленъ дорогой цѣной — нарушеніемъ принципа равенства въ распредѣленіи блага жизни; новая культура вырастетъ на почвѣ равенства народнаго...»

Прошло много лѣтъ. Капитализмъ народомъ на Руси. Русскій пролетаріатъ удаляя миръ оскими грабидными всеобщими забастовками. Но крестьянство по прежнему играетъ волосославу роль. Община не разоружена. Какъ мы относимся къ общинѣ?

Такъ: никто и нѣтъ не доказываетъ, что община будетъ разрушена окончательно, что капитализмъ поглотитъ общину. Если такъ, то она — важный факторъ социальной революціи, за общину надо бороться; община будетъ бороться за землю и волю; община одѣлается важнымъ, хоть и не единствѣннымъ, орагомъ къ дѣлу уарыленія равенства в организациі общества на нышнѣхъ братскихъ началахъ.

Но мы не закрываемъ глазъ и видимъ, что внутри общины борются различныя силы. Часть богѣвѣтъ хочетъ кудыдѣлать, дабы разрушеніемъ общины перестала ихъ связывать оими уарушенными порядками. Эти ханннчъ ищутъ добычи, они хотѣтъ разложенія общины. Другая часть богѣвѣтъ (правда, мѣняная) хочетъ сохраненія общины, но не потому, что въ общинѣ воплощены начала равенства; вѣхъ, богѣвѣтъ, радуетъ, что эти начала уже ае-дѣ въ кое чѣмъ нарушены, что можно, оставаясь среди своихъ же братьевъ, заслушнровать, угнетать; имъ важна не община, а изба общины, она цѣнитъ раны ея, и, когда кыпнѣтъ кою кровь, барышники уйдутъ и еще кудрагуются надъ трудомъ общины... Различныя таже мотивы, но которыми крестьяне надѣланы. Выдѣляются не только богѣвѣ; выдѣляются отсталыя тѣ, которые скорѣе душой, лѣнн недостатка общины; они уходятъ не потому, что они не общинники, а потому, что видятъ неправду и аю данную общины. Залѣчить раны — они болѣзненны. Быть зрнпными смерти той общины, въ которой такъ много элементовъ правды народной, она не могутъ. Выходятъ, что не въбъ отсталыми тѣ общинѣ — ея друзья, не въбъ уходящія — ея враги. Вотъ почему мы, безусловныя сторонники общины, должны имѣть въ виду этого разлада, этотъ нестройный составъ уходящихъ и оставшихся, чтобы не пасть въ ошѣву. Надо помнить, что ко общи въ общинѣ выражена не только оола народа; къ ней арисоеалось и государство къ сплѣхъ денежныхъ цѣлѣхъ. Государство нуждалось въ круговой поруцѣ, дабы быть увѣрными, что община уплатитъ подати за маломощнаго. Требуется знать общину; надо научиться надо думать въ ея составъ. Это необходимо для того, чтобы правильно служить интересамъ самой общины.

УКАЗЪ 9 НОЯБРЯ.

Но, быть можетъ, указъ 9 ноября сдѣлалъ то, чего не сдѣлало развитіе капитализма? Да, бѣтъ отбѣта на этотъ вопросъ трудно опредѣлить свое отношеніе къ общинѣ. Выходъ крестьянъ массами изъ общины — фактъ. Успѣхъ означалъ ослѣпительный. И Столыпину, разрушенію общины, было чему радоваться. Но въ дальнѣйшемъ торжество это значительно омрачилось. Землеустроительныя комиссіи должны были признати, что народъ принялъ горько большую силу сопротивленія, чѣмъ можно было ожидать. Отарылись страпнныя, нравная картина: землеустроительныя комиссіи прекратились въ полтавскихъ участкахъ. Крестьянъ, борющихся съ выдѣленіемъ, сажали въ тюрьмы, пресѣдовали, из-

* Общннѣмъ этихъ мѣсяцѣ мы помнмѣмъ статьи въ ближайшихъ № № Рабоч. Мира.

Таковы причины, вследствие которых и наша буржуазия «революционизировалась», очутилась перед необходимостью

Ведьмае, глубокие брожения идут среди масс. Великие души и теребят обременяют душу народа. Тихо маявят, — мучительное, страстное искание шугры. Сдаются за нарождением сект; разлив неметая народы, не даются путей? Но мы этого по знаем. Знаем так, что насытись! Мы наметали много программ, разработали бы кабинет технич. детали, в как мы дадим от перерис! Как? Убоги павиз знания в связи с ней! Везь знания! Душа народная не будет изодворной и алая общедная, практическая работа. Везь глубоко продуманного мировоззрения не утешит намз запросов народнои совести и мысли. Еще — надо остерегаться истиннейших «ложугов». Надо всегда номинать реальную, утку, простую деревню сн аюостью, коло- лодной, убогим хатами. Надо предстаить себя реаль- ное, как динный лозугу осуществити на практиче- для этого необходимо снз сзвизания с деревней, без сзвизания разнкой агитаторов; необходимо снз сзвизания с народом постоинно и прочно. Большую лозугу можт оазать, несомненно, деревен- ская агитация. Издо бросят глумые, агитационны-

частной собственности и переходъ къ коллективизму. Но все же это... составляя часть ея, одна изъ формъ пролетарской власти, — той власти, которая, по мѣрѣ роста классового самосознанія пролетариата и накопления силъ, приведетъ къ окончательному торжеству его.

Александръ Ге.

БИБЛИОГРАФІЯ.

«МОЛОТЪ», органъ группы вольныхъ социалистовъ. (Предварительное извѣщеніе).

Мы съ удовольствіемъ прочли «предварительное извѣщеніе». Намъ бросилось въ глаза благожелательное отношеніе къ анархистамъ. Намъ захотѣлось выяснитъ фязіономію группы. И вотъ наше мнѣніе: никакой фязіономіи нѣтъ.

Робкій, недоговоренный безгосударственный социализмъ какъ-то ступешивается, отодвигается передъ принявшей уродиво-громадные размѣры технической задачей — подготовкой вооруженнаго возстанія. Если бы органъ ставилъ себѣ только одну цѣль — обслуживание боевого вопроса технически, идейное обслуживание «боевыхъ организацій» — фязіономія была бы опредѣлена. Понятно было бы заявленіе редакціи (стр. 1): «мы вооруженный блокъ революціонеровъ-социалистовъ». Понятно было бы тогда, почему группа вольныхъ социалистовъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы въ ихъ рядахъ были товарищи, исповѣдующіе другіе, чѣмъ они, социалистическіе принципы: вѣдь ихъ объединяетъ лишь вооруженное возстаніе. Конечно, и органъ по вопросамъ боевой техники будетъ полезенъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ насъ научитъ не такимъ шаблоннымъ истинамъ вроде того, что передъ баррикадами необходимо устраивать проволочныя загражденія. (стр. 44). Въ той же статьѣ Меоре сообщаетъ (44): «очень невредно (?) осыпая наступающія войска изъ оконъ верхнихъ этажей всякими тяжелыми предметами — камнями, кусками желѣза, всякаго рода мебелью, что значительно деморализуетъ (?) атакующихъ». Для сообщенія такихъ наивныхъ свѣдѣній нѣтъ надобности въ специальномъ органѣ. Врядъ ли такія общія мѣста нужны «боевымъ организаціямъ», о которыхъ говоритъ «Молотъ». Котати: можетъ быть, «Молотъ» объяснитъ намъ, о какихъ такихъ «боевыхъ организаціяхъ» идетъ рѣчь? Надо думать, что эти боевыя организаціи кого-нибудь да будутъ, что это не техническія коммисіи, которыя этакъ годиковъ 5—6 занимаются собираніемъ «тяжелыхъ предметовъ».

Подъ знаменемъ такихъ боевиковъ могутъ собираться элементы съ весьма своеобразной психологіей, люди, которые, выражаясь словами редакціи, «были бы довольны отсрочить массовыя выступленія до того времени, когда возрастетъ численность нашихъ боевыхъ организацій».

Разумѣется, мы ничего не утверждаемъ, а просто просимъ разъясненія...

Во всякомъ случаѣ, смыслъ «техническаго» журнала ясенъ; задачи группы, издающей его, ясны. Но въ томъ-то и дѣло, что «Молотъ» этой технической задачей не ограничивается. Въ статьѣ «Не дайте обмануть себя» «Молотъ» горячо борется со всякой программой-минимумъ; ратуетъ за захватъ земли, фабрикъ, заводовъ... Задачи будущаго рисуется чуть-ли не «по Кропоткинъ». Для того, чтобы пролитая рабочими кровь не была «тучнымъ удобреніемъ буржуазной нивы, на которой рабочіе и сѣютъ и жнутъ, но урожай собираютъ въ чужие закрома», необходимо не дасть себя въ обманъ. Обманъ этотъ состоитъ въ томъ, что рабочіе могутъ подумать, будто нужна только буржуазная революція, только политическое освобожденіе, а послѣдъ лишь — экономическое. Кто же вводитъ рабочихъ въ заблужденіе? Да «демократическія» партіи — кто сознательно, кто по неволѣ... Но позвольте, господа, вы знатите не

просто блокъ вооруженныхъ революціонеровъ-социалистовъ, вы — враги той части социалистовъ-демократовъ, которая то «сознательно», то «по неволѣ» способствуетъ тому, чтобы кровь рабочихъ послужила «тучнымъ удобреніемъ буржуазной нивы»!

И какой смыслъ имѣютъ ваши lamentaціи, наивныя и до невѣроятности простоватыя заявленія о томъ, что вы бы всей душой хотѣли въ блокъ со всѣми, въ томъ числѣ съ анархистами? Вы ссылаетесь на интернаціональ, но умалчиваете о томъ, что привычки, скомканно и какъ-то конспиративно исповѣдуемые, и вамъ послужили поводомъ къ расколу!

Въ «боретесь» съ демократіей и одновременно наивно заявляете, что вы съ социалистами-демократами «не вступаете въ борьбу». Нѣтъ, господа, бросьте эту вольность. Какъ приличный и умный буржуа ужъ не говорить о тождествѣ интересовъ капитала и труда, такъ и умный, хотя бы трижды «вольный», социалистъ не можетъ говорить о гармоніи, о блокѣ соц.-демократовъ и революціонеровъ анархистовъ-коммунистовъ.

Мечта о единой рабочей боевой арміи — великая мечта, но не техническая подготовка вооруженнаго возстанія явится вѣстникомъ воплощенія. Ваша двойственность, вашъ робкій максимализмъ и всеобъединяющая «техника» васъ обезспяютъ, сбѣгаютъ безцѣльными и наложить печать фальши. И, когда вы, максималисты, съ великолѣпнымъ объективизмомъ заявляете, что, молъ, ничего не имѣете противъ присутствія въ вашихъ рядахъ членовъ другихъ организацій, то рабочимъ этотъ умѣстный въ археологій объективизмъ покажется безпринципностью.

Отмѣтимъ и обратимъ вниманіе товарищей на помѣщенные въ «Молотъ» «Манифестъ юнты вольной мексиканской партіи» и «Провозглашеніе коммунизма въ государствѣ Коагуила (Мексика). Это — драгоценные документы!

Утопистъ.

«Хроника» по недостатку мѣста не могла быть помѣщена въ этомъ номерѣ.

Ред.

Поступили въ редакцію брошюры: «Анархія» П. Кропоткина. «Борьба съ властью и капиталомъ» М. Корнъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы помѣстимъ подробный отзывъ. Ред. «Рабочаго Мира» пріѣтствуетъ песомѣнно полезное и пужное пачипаніе. Желательно, чтобы издательская группа позаботилась объ изданіи цѣлаго ряда этюдовъ, разрабатывающихъ философскія и социологическія основы анархическаго міровоззрѣнія. Надѣемся, что товарищи всячески поддержать «Издательскую группу».

КО ВСѢМЪ ТОВАРИЩАМЪ!

Цюрихская группа анархистовъ-коммунистовъ, издающая «Рабочій Міръ», обращается ко всѣмъ товарищамъ съ просьбой оказать этому листку матеріальную и литературную поддержку. Нашъ листокъ не является органомъ какой-либо фракціи. Мы взяли на себя лишь инициативу изданія, имѣи въ виду помощь другимъ группъ и отдѣльныхъ товарищей. Уже ощущается необходимость расширить нашъ листокъ. Мы будемъ пріѣтствовать идею превращенія нашего листка въ органъ федеративно-связанныхъ заграничныхъ группъ.

Товарищи, ждемъ вашей помощи!

Редакція.

Адресъ для корреспонденцій и для денегъ:

Zürich, Poste Bahnhof, Postfach 15496.

РАБОЧИЙ МІРЪ

Издание цюрихской группы анархистов - коммунистов „Рабочий Миръ“.

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.

ВАКУНИНЪ

Годъ I.

1-ое Ноября 1912 г.

№ 3.

На очереди.

Еще разъ о нашихъ лозунгахъ въ грядущей русской революціи.

У насъ нѣтъ коллективнаго творчества. Нѣтъ умѣнія учесть, воспользо­вать опытъ, накопившіеся за годы революціи. Сидитъ себѣ каждый въ своемъ уголкѣ, копошится надъ отдѣльнымъ вопросомъ и съ этой узенькой провинціальной точки зрѣнія судитъ обо всемъ...

Вопросникъ печерпанъ, человѣкъ выбираетъ другой тоже частный «спеціальный», — в все это беспестемно, хаотично, неорганизованно.

Нерѣдко, впрочемъ, встрѣтитъ человѣка другого склада. Онъ неуравновѣшенъ, лихорадочно возбужденъ; онъ ищетъ «цѣлаго», отройнаго просозерцанія, которое помогло бы ему освѣтить широко всѣ вопросы, стоящіе «на очереди». Споры нѣтъ: отравный фактъ это исکانіе. Но если вы видите нудную, безсвѣтлую суету, если «ипушій» унодобляется Плюшкѣну — тащить въ свою «мстѣнную «кучу» всѣ попадающіеся «вопросы» и дѣлаетъ это такъ, что взъ-за «кучи» человѣка не видать, согла­ситесь, что такое «исکانіе» ужъ очень неплототворно...

Особенность этого типа людей — отсутствіе опредѣленнаго настроенія, встерическое колебаніе между ни на чомъ не основанной очарованностью и нудной, скучной столь же мало обоснованной разочарованностью. Говоритъ: рѣзкое колебаніе крѣпой температуры большого — вѣрный признак роковой развязки. Вѣчное колебаніе духовной температуры — вѣрный признак духовной смерти.

Худшимъ слѣдуетъ считать тотъ входъ, при которомъ человѣкъ впадаетъ въ туловатый нигилизмъ...

Усталъ человѣкъ, не справился со сложностью задачи. Что-же? Можно было бы только пожалѣть «низемогущихъ на пути». Но бываетъ случай, когда сожалѣніе переходитъ въ законное отвращеніе: это тогда, когда «бывшій» начинетъ «хвхикать». Появляется гаденькая усмѣшка: обоснованіе міровоззрѣнія, всеобъемлющая работа мысли, широкіе горизонты, открывающіеся лишь при свѣтѣ идеала, нидѣ всѣмъ этимъ обанкротившіеся малый по­сѣмивается... Иногда, впрочемъ, духовная смерть наступаетъ не сразу; появляются только частичный варалвчъ души. Выражается онъ въ томъ, что человѣкъ не видитъ жвотворящей связи между теоріей и практикой. Онъ прескрипцію пожирать желуды, но парализованный бѣдлага не въ состояніи поднять вверхъ голову и убѣдиться, что эти желуды на зеленѣюлемъ деревѣ воли-мысль растутъ...

Ихъ много, этихъ полумертвецовъ, поду-паралитиковъ!.. Было бы однако непростительнымъ легкомысліемъ, если бы мы ограничились однимъ только отрицательнымъ отношеніемъ къ людямъ вышеприведеннаго типа. Конечно, «мертвый, въ гробѣ мирно спитъ», но, вѣдь, надо же позаботиться о томъ, чтобы духовная смерть не такъ уже обильно косила «жатву жизни». Вѣдь, если мы кого ни-

будь взъ нихъ позовемъ «да разспросимъ, какъ дошелъ онъ до ивзнія такой», то поредъ намъ откроется печальная картина: работалъ человѣкъ въ революціи; составилъ себѣ болѣе или менѣе цѣльное міровоззрѣніе; революція побѣждена; открылись новыя области жизни; упрошенная схема дала трещину; человѣкъ покалъ, но вокругъ нипуш­ной интеллектуальной жизни не было. Скупиенько каж­дый ищетъ свой, порядкомъ бурой поматый, челнокъ, а до другого человѣка ему дѣла нѣтъ; развѣ только въ качествѣ слушателя; надо же кому нибудь изложить свои «мысли»... Коллективнаго творчества нѣтъ; а оно могло бы спасти многихъ кодоблющихоя, растерявшихоя, покрѣне вскавшихъ идейной опоры. Возможно, что среди насъ этихъ колеблющихся меньше, чѣмъ среди сторонниковъ другихъ направленій революціонной мысли; но ихъ могло бы быть еще меньше, они могли бы принести пользу общему дѣлу, если бы по указанію идейное куотарничество.

А общее дѣло нуждается въ услугахъ всѣхъ и каждого. Говорятъ: много званыхъ да мало избранныхъ. Здѣсь при обсужденіи недочетовъ проплага, задачъ будующаго, всѣ званые — избранные, ибо у каждого есть свои думинки, свой опытъ и все это цѣнно и нужно. Намъ необходимо коллективный трудъ. На очереди стоятъ неотложные вопросы: 1) отношеніе къ демократіи; 2) отношеніе къ революціонному синдикализму; 3) формы рабочей организаціи; 4) организаціи идейныхъ группъ; 5) безгосударственный минимализмъ и др. Последний вопросъ былъ затронутъ въ первомъ же № «Рабочаго Мира»: «Наша задача въ грядущей русской революціи»).

Тамъ указывалось, что мы въ революціи лишь слове о о отжежевышли отъ демократовъ-минималистовъ; что формулировка нашихъ лозунговъ была до того широка, что изъ нея свободно можно было выкроить два лозунга, минималистическій и максималистическій; что эта «нипрота» не давала твердой точки опоры, устойчивости. Статьи вызвала, какъ мы въ этомъ успѣли убѣдиться изъ частыхъ бесѣдъ, кое-какія недоразумѣнія. Нѣкоторые поняли, будто мы опредѣленной фракціи приписываемъ упомянутое колебаніе между минимализмомъ и максимализмомъ. Это не такъ.

Въ этой же статьѣ было указано, что раздвоенность была присуща всѣмъ фракціямъ, но не въ одинаковой степени.

Потому то мы призываемъ всѣхъ товарищей преодолѣть эту двойственность, добиться синтоза вмѣсто, какъ намъ кажется, царящей смѣси разнородныхъ лозунговъ.

Что минимализмъ не грѣхъ той или иной фракціи, что онъ, увѣдъ дитя, хотя благодарное, всего историческаго процесса — объ этомъ мы гонорили въ статьѣ: «передъ выборами» («Рабочій Миръ», № 2).

*) Къ сожалѣнію, въ статью вкралась досадный опечатки, порой искажающія даже смыслъ статьи.

Мы подчеркивали, что «всегда и в народѣ борются и борются дѣи стхій, — минималнмъ и максималнмъ». Мы указывали, что «въ этой днйствителности, — проявленіе и трагедіе которіе ошбожденіе».

Да, минимализм — дитя народа, хотя изродъ въ минуты прозвѣтливѣя могъ бы повторить по адресу минимализма слова короля Лира, обращенныя къ леблядиной дочери: «ты не тави плотъ и крошъ мой, яли своѣе, вѣдугъ мой, явке едадъ, которую и прѣзана своѣе». Яно, до чего глубоко верны минимализмъ, и что дѣло въ еѣ ошибкѣ лѣтъ той яли яной французки...

Большее: мы даже не утверждали, что минимализм и лиризм — это синонимы. Желательно только, чтобы они выступали открыто, оформленно, если они жизненно необходимы и обладают силой и волей к жизни; ибо злые минимализм и лиризм — это вредные, всегда они гибнут в злом подполье мысли и чувства; они вредны, как толь, как «длетье» скверную, грубую, неграмотную «музыку».

Если народный микимизмизм — факторъ въ исторіи, то видъ факторомъ, хотя мевѣ очевиднымъ, но безусловно оуправствующимъ, является и маюимизмъ.

Ведеть ли игнорирование то жалобы, то бурнаго гнѣва
народнаго противъ всякой тиранин, въ своей формы
гнѣта къ менѣе роковымъ ошибкамъ, чѣмъ игнорированіе
либерализма?

Рассуждая из того факта, что «вместо цинней врабасостных людей приуламал много вышек» следует, что масса только и платит единому помышляла, а забота обо освобож-
вении от всех форм тавири ей чужда была? — Нет, то, — не верно. И мы попытаемся в этой статье (крайне было) отметить, как выплнет на постоянно
практических задач правильное учтывание максима-
лизма.

[illegible]

Какова-же наша оценка демократии? Отличаемся ли мы от демократов? Только лишь содержанием и идеологическими намерениями пропаганды? Отсутствуют лишь теоретической вбры во неизбежность «империалистической революции»? Ответить эти вопросы не является степеню заявлять от того, какой вз двух упомянутых указывавших бы стать «Наша задача»... («Р. М.») мы примем. Позицию многих товарищей мы бы рассмотрели статьи формулировали так: «Республика, вошедшая в самодержавие; кое-какая выгода она народу принесла. Но благодаря республике не падает. Она сохраняет ту же основу государства, но под другой лишь формой». Разумеется, никто из товарищей, строго говоря, и тогда не нашей программы минимумом не высказались.

Вотъ почему мы гороримъ о тайномъ минимализмѣ, о

налічності питанні. По-друге, єсть утвердження, що
вирозодження, «як-в чьмь диче самодержавіи»
Хорошо. Но ядѣ преимущества демократіи — реального,
практическаго характера. Совершенно при этомъ бо-
вазвѣдливо, о вѣдого рода преимуществахъ шеть. Ядѣ

Синтезм — ли мы, что перекрывает бы демократизм показателем и одновременно и возможностью дальнейшего подымания вукатурного тронин на томъ членов и трудностях массов? Синтезм — ли мы, что демократизм устранения военаннй болге «глубин» притивителъ даетъ возможность употребать оспособившую энергію на борьбу съ другимъ преградамъ? — Все равно. Важно, что эти притивителъ признаются. И вотъ еще, что слѣдуетъ помнить: бытъ анти-демократомъ — но не се-дѣлкавенецъ. Демократизм не случайная гостя въ исторіи. У нея блестящее героическое прошлое. Не мѣняе блестящая, глубокая теорія. О, не вся, но много страницъ человѣческой исторіи повѣствуютъ о борьбѣ за демократію: она воодушевляла кародъ; она вмѣстѣ совоетъ мужичности, пороковъ, вождей, цѣлвцовъ.

Не трудно быть антидемократом. Мы, анархисты, знаем, что демократия — вредна; что принципы ее — ложь, но, конечно, фактов, то забывать не следует: давление демократии — громадная, гниющая сила; у нее есть свои тенденции подчинять и воспользоваться силой и силой. И вот мы признаем в практической преимуществах ее. Допустим, что мы свободны от этой гнилоз, что не под ее влиянием мы заговорили о преимуществах. Но эти преимущества — не что-то записанное, раз навсегда данное. Их может быть больше, а может и меньше. Большие при республиканской Франции; меньше: при монархической, конституционной Германии. Помните: в дни битвы народных нации не теоретический толкования; толкования и слова гонят, а факты остаются. Факты признают реальных преимуществ: считать их такие к правящему большинству меньшего количества; и в таких образом мы познательно, но верно, и разумно, передвигаемся на демократическую плоскость.

Политическими зрілими людьми часто зупирають нестаток того, що ми створюємо тактику, живую поведінку на принципі відмежування від демократії, відмежування не те, що ми їй ставимо, а протині її вилучаємо глибоко-мислено розглядають. Це — вільно. Відмежування безпосередньо з жестовою необхідністю витягається з основних положень міросоєднання і тактики.

Разъясню, что мы, коммунисты, формализм и оолюлизм, мизантропию, антидемократизм, разъясню, что по содержанию своему демократия не годится, как орудие классовой борьбы, разъясню, что чужие донесли на период революций, не могут быть демократическими, то вопрос об отмежевании, о предданных его, формах, стоит и должно стоять, неустойчиво. Тогда вопрос об устранении двойственности, безразличного сообщения прогностических начал, есть глупая, реальная потребность жизни. Ринайте его так угодно, по уму, пожалуйста, не говорите, что вопрос сам по себе не существует вовсе! Мы сейчас не будем говорить о том, реально ли «фиктивные» из указаний преимуществ. Мы лишь рассмотрим, какой открываются перспектив, если мы признаем, что на родной максаматизм способен сдвинуть самостоятельный фактором из революции. Мы бы сказали так: анархист раньше всего отрицать то явление, что всякий переход от худшего к лучшему есть прогресс.

Итак, еще точнее, не всякий переход от одной формы правления к другой есть переход к лучшему. Напротив, ничто нас не поведет к тому смыслу, что признаем принципом «чем хуже, тем лучше». Это так называемая аномия, она когда то была своей смыслом, теперь это — пустая фраза. Еще бы мысленно ставить нас в минимизмизм на выборот: будто

мы признаемъ преимущества самодержавія передъ демократіей

Мы хотим лишь сказать вот что: любить, как мы уже указывали, видеть две полюсы: первую — самодержавие и авто-развитие — демократия. Третьей — инстанцией было. Отсутствие этой третьей инстанции и рнашает вопрос. Анархизм же падает эту третью инстанцию: максимализм народных дней. Да, он — сейчас модно, но он не может затопить и перевернуть мир. Он не может быть братом. Но не же мши. Анархизм — факт и фактор, но исполнению народной. А этого максимализм — самостоятельная деятельность и сама в истории.

И только такой переход будет считаться переходом от худшего к лучшему, прогрессом, который фактами эпирологии народных вкселанизмов. Чѣмъ отличается революціонное время отъ лиричнаго? Главнѣмъ образомъ тѣмъ, что въ революціонное время мы можемъ нашу честную мысль, нашу разумную рѣчь въ прощъ диктаторовъ, и цѣлостью обещать

... а если нет? А если демократия позвонит о том, что демократия даже во время революции максималистическое слово не превращается в крышу, а питается бы «плотью» демократии же? А если демократия уберёт плечи, что водоем не понадобится плечи злихитны дьявольски максимализма парадная? Достаточно, моль, ее плечи, если сумеем подчеркнуть демократические действия идеальной шарнирной промывкой? «А что? Неужели в то время не исподил всех, что мы оказались рубили чуждого каму, душа» демократии?

И если демократизм удастся комбинировать с неоплатонизмом — я это одна из ее задач — будем ли мы в год повторить слоган о «преимуществах» демократии.

Ало-розовый полдень либерализма не почеркнётся и тогда, когда убедимся, что благодаря хитрости прагматов и панике оппонентов народный максимализм был про-
цент грядущему хаосу-демократии 2

Приниме положение о реальности максимализма, в него-
даже, сдвинутой, выходя, борются не самодержавие
и демократия; происходит борьба самодержавия и
демократии с максимализмом, народным. И тогда
она является демократией не по тем признакам, по ко-
торым они сближаются отсюда, принимая: осуждают не
то, что она «недостаточно» пользуется «преиму-
ществами». Ибо, демократия — начало максимализма на-
родного; она, еще не укрившись, уже возмездия
находит вытлающую вопиющую мечту из-
родную о настоящей свободе. Если же вы не
находите самостоятельной ценности в одной только по-
пытке реальною выполнению вашего идеала, если макси-
мализм для вас только «настойчив» мать минимали-
стическим требованиям, о, тогда минимализм —
государственный или авторитарный —
«свободен». Тогда путь реформа концентрации
еще никуда не пошел, так как укаленной цели и на этой
цели рынок и несправедливо отменяется от минимали-
стов.

Вот почему мы считаем, что необходимо принять или максимализм или минимализм. Возьмемте, например, — не знаю, пока это не так. Представьте себе, на самом деле, что мы получили сплы на точку зрения максималиста, что мы одновременно провозгласили палача демократии и все же благоволяете ей, так вступите вноминальных «преимущества».

Благотворные ли это условия для деятельности? Мы сейчас говорим об одиозных «инородцах», всеобщемлющих людях. У них, точно у некрасовского дедушки Янукова, «добра есть по великому». Не говорим, ибо «доброты» «недоотвеченных» убийств нельзя. У них есть запанцыры-огоньники. Попытайтесь добиться определения формулировки от подобных людей и вы увидите,

что это бесплодно: иею нохъ, щелей, точно **тыракины** выползутъ отогорочны. Еще... аио и епс... «Точно дхастъ въ поибры. Я гонорю о дхидхъ дхдх, репхыиъ жизни, воторыхъ это та жхвхъ застхвхтхнхъ выхтхъ въ подъ густой тхнхъ оговорочхъ. О, ххъ положхнхъ тяжеле: по всемъ чхпхстхнххъ рхзхвхнхнхъ, вхлхбхнхъ, и дхнхъ нххъ, прхвхтхнхъ, это вхлхбхнхъ «смертхъ подобно».

Марксисты намъ часто говорятъ: вы, анархисты, те хотіте считатьъ себѣ объективными условіями, я самъ дѣлаю себѣ раба въ этихъ же объективныхъ условіяхъ. Не хотіте подлиниться логикѣ историческихъ стѣнокъ, я стѣны закладываю на васъ. Зѣбѣе отъ условія доля свободы. Никакой бы минимализмъ объясняющей «исторической стѣны» нѣтъ. Но чтобы овладѣть венкой стѣны не до дѣла не выразитъ свою идею свою индивидуальности, хотя бы въ дикъ невольномъ подвѣмѣ народного вѣдо сѣмѣ хотѣть по еѣ свободы. Во всякомъ случаѣ, надо выбрать опредѣленную позицію. Люди же типа дѣлущихъ Юнона всегда будутъ на побѣдѣ у вторыхъ; ими будутъ пользоваться для увѣщенія того или иного тѣла, а цѣхъ «цѣло» всегда остается «штырты». О, о, конечно, будутъ агитировать кричать: «да здравствуетъ анархія!» но эхо отыгнать; да здравствуетъ конотативъ! вѣдь она все же «лучше самодержавія»...

Нельзя оставить незамеченным еще кое-какие моменты возникновения недоразумения. Смыслы: правая, максималистская позиция не является ли оно познанием? Какую установку? Не приведет ли логика в итоге к тому, что начнем «афиши» часть приближающегося, отнюдь неизвестного рабочего, будто, но сейчас выжить становится «законом»? должна быть социальная революция? Не выродится ли наша пропаганда из первоначального дурного вкуса? Должно, но приводит сказать, что по виду оснований для опасений подобного рода. Исправить можно может и коммунизм; инакше бы тогда жежестора — какой и минимальный и максималистский... Если среди нас есть являющиеся в подверженности догмата — по крайней мере стадии исторического развития, — если эти товарищи признают, что только при определенных, жестких, условиях развития производственных сил, по крайней мере, возможна успешная атака твердых современных обществ, тогда, конечно, другое дело. Эти товарищи и принимают первую, минимально необходимую антигосударственную платформу. (См. «Р. М.» № 1, «Исследования»)

Остается только сказать, что эти товарищи догматизируют минимализм по отношению к большинству этнонимов, а именно что делают этнонимы. Даже среди них, творческих, появились экзистенциально-этнонимное течение. И, чтобы избавиться отсюда, что не надо жалеть Россию развития этнонимизации, чтобы отбросить позитивный социалистический реализм. Но если, среди нас догматизируют минимализм, то они же догматизируют максимализм, концентрируют чуждое в сознании, массы, повсюду догматизируют: земля, фабрика, народ, власть, подпольный, завод, государство, даже ить, места, люди, профессия! Будто ни мы, ни массы народный не являются, что необходимо, быть может, чуждый, людей, реализаций.

серий великих поэссий для завоевания свободы. Мы лишь указываем, что даже неудача революция, из-за пролетариата, совершающаяся волею знаменитых равенств не пропадет даром. Но где же здесь посулы, обещания, догматы? Ни кто и не требует этих догм! Знает народ, что мы не религиозны, знаем, что мы не винимся, а обвиняем действительность. Ясность идей, привнесение в нас — вот что нужно народу!

[illegible]

средние века лучше, чем теперь, — а также лучше тех, которые будут через сто лет. Переход от низшей ступени развития техники, к высшей не является одновременно переходом от худших условий для социальной революции к лучшим. — Всякое изменение не улучшает условий существования только в то случае, не потому, что оно не улучшает условий жизни, а потому, что оно не устраняет никаких из них. — В настоящее время мы имеем все условия для социальной революции, которых раньше не было, но, во всем своем стремлении только благоприятная борьба.

Наоборот, иная Трудная цель дает нам возможность учесть благоприятные и неблагоприятные условия всякой среды, всякой исторической обстановки. Мы о-мализм? совмѣстимъ со строгимъ реализ-момъ. *)

Перехожу еще к одному, на взгляд больше «душевному», возражению. Слышу, вы утверждаете, что индивидуализм, максимализм, эгоизм — это пороки, братья историки! Как же тогда быть? Не неизбежна ли двойственность бытия наших людей, раздвоенность сознания, основа, или, по крайней мере, факт истории? И как же это вы утверждаете, признавая быт борьбы с двойственностью, а предвещая или «помогаете» раздвоенность, быт сердит историков? Ответить коротко: невеста лгунага потому ивынуждена и нужна, что история — не гладкая ивысокая дорожка, акакаясь, обсаженная акациями. Это тяжелый путь: бездны, утесы...

Ясность принципиальной позиции нужна именно потому, что по извилистой дороге приходится пробираться из черную, осеннюю ночь, когда свободно «рыщет зверь», а человек «бродит» боязливо...

Исторически занутоаннын, противоречивыи условия — факты. Сильно охвачъ и хнынуть по поводу того, что передь пролетаріатомъ, какъ врьдъ іудеями, бродившими въ пустыни, не движется огненный столбъ, не освѣщаются пути...

• Противоречивый данные нужно учесть, но это не значит, что их нужно воспроизвести, что доминирующие действительности должно копировать; зачем тогда «идеология»? Труднее путь: ярлыки, обвалы...

Но если при этомъ явить номиналь перестаетъ дѣйствовать, если намя же зажженный огонь будетъ то вспыхивать, то угасать, то чего добраго вачнемъ сомнѣваться въ достижимости вѣчной кѣли, пожалуй начнемъ думать, что

«Сбились мы, что делать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
И кружить по сторонамъ!»...

Спору між. Своєю по собі, узв'язані на наявність мінімалізму і максималізму з історій — даєть не багато. Це узв'язані потребує раніше всього в історическому освітленні.

Работа эта, конечно, громадная. Уже одна задача распределения этих элементов — сложное и трудное дело. Требуется не только величайшая осторожность, но и особый склад души, умение войти в душу массы, воссоздать весь обликовое былого думу народа... Раз минимализма и максимализма в духе и истории народов и индивидуума не изучена. Да где уж нам? Мы не определяемся с более скромными задачами... Разве

*) Нам бы хотелось подробнее остановиться на вопросе, приемлемо ли революционное максималистическое лозунга в период русской революции для анархиста, сторонника революционного синдикализма. По нашей статье и без того человек, рассуждающий о революции, свое мнение попытается высказать, но, пожалуй, думать иначе: быть революционером, синдикалистом, значит, и утверждать, что нельзя выставлять нашего рабочего, гдл по историческим условиям отсутствующего, раз. синдикализм? Это заблуждение, поинимое, в устах анархиста, как отрицание революционной борьбы, анархо-синдикализма, является сдм максималистическим.

одні тільки практичні задачі стоїть на «очереді»? Разів мало не розроблених теоретичних проблем ждуть не дождуться своєї «очереді». **)

Философско-историческое освященіе роли минимализма и максимализма не является исключеніемъ, но пѣды поставленный вопросъ посягъ на практическій характеръ. Онъ стоитъ такъ: во время революціи какинъ стили беретъ перхъ: максималистическая или двая.

Ясно: если мы даже в ярьодѣ революціи не надѣмся на возможность побѣдѣть внутреннїя и вѣншія препятствїя къ максимализму, то когда-же? Идя нвѣсь смущаетъ то обстоятельство, что народѣ во время револю

*) Путь краткий перечень насущных теоретических проблем, которые ждут и не дожудут своей постановки и разработки.

1) Нам необходимо дать по вопросу констатирующей истерический ответ: что же такое *мироэзрение*? Марксисты утверждают, что их мироэзрение строго научно, ибо в их русле единственно революционный метод — диалектический, при этом, конечно, марксисты не сомневаются в том, что их выводы строго научны; правда, другие этого не признают, но «другим» виден-ли мшистый буржуазный или мелко-буржуазный психологизм.

[illegible]

Плехановъ и др. насъ часто утешаютъ въ утопизмѣ на томъ основаніи, что мы-де базируемъ на своихъ силахъ чело-
вѣка.

Этих упреков нам бояться не следует. Я бы сказалъ въ отвѣтъ на такіе упреки: да, мы базирuemъ на свойственныя человѣческой природы. *Своеобразное пониманіе и учета этихъ свойствъ* — отличительная черта анархизма. Но эта «база» не мѣшается, а помогаетъ имѣть пра-

3) Вів'язав це з висловлюваннями, виступаючи постійно необхідністю, як психіологічного, оснований багатьох сторін міровісвітоглядів. Що ж касається проблеми теорії познання, то, як, як кваліфікація, розуміючи, свій однолітків заміняти. Спорні і інші: старий філософський матеріалізм, описує: ось умер, як не воскресне, внось. По що це не значить, що істину єму на єхвіну жодним філософським течіям по ємустану стоїть вище матеріалізма. Плототвор-

[illegible]

4) Необходима тщательная разработка философии истории анархизма. Это — вершина анархического понимания. Элементы, хотя и не все, даны, но их нужно разработать, организовать.

Разумеется, нам в ту пору не приходило в голову, что о асько этих вопросов мы должны быть «насторо-
рам». Ибо, учитывая все, что дает нам опыт, знание,
изучение ошибок прошлого мы все же главным образом
черпаем у своих учителей — Прудона, Баунуина, Кропоти-
на, я охотно добавляю — Толстого и Н. К. Михайловского.

Писательно не боюсь, если это нужно, безоглядной критики
каждого из них, мы одновременно должны всё помнить,
что «Паки», не помнящие родства», никогда ничего не созда-
дут. Заложу у себя за мейной преемственности.

кин как бы «обождал» самого себя, «спой» же минимализм? Но ядид это не ново для нас. Всегда мы говорили народу: вы кулите ищид для себя; будьте нущицаи и своей свободы. Вдид аластид побода надд ивнущиим прешитиетим есть ищид сущности побода надд ивнущиим а и в ищид и прешитиетим, ямлаишиа, побода жити а и в ищид. Другие — этичский анархизм Тостого, безулободно прешитиетим кщ той же свободы (хоти ищид самои Тостому это не совсем приминимо). И личио безулободно предичиу односторонности этичского анархизма односторонности гихх, которые видят лишь одид ивнущиим прешитиетим. Но если мы, не углубишии, примект то положевие, что сущестует паразалелизм между ивнущиим и ивнущиим условияи, то тогда отпидт на вопрос асиги: народ может и должен торжествовать не только надд ивнущиим, но и надд ивнущиим прешитиетим.

И въ этой двухсторонней побѣдѣ — залогъ прочности ея внутренняго смысла. Именно та ко й переходъ отъ худшаго къ лучшему и является прогрессомъ.

Мы старались устранить препятствия, часть несомненно-
тельных возражений. Но это не значит, что мы счита-
ем невозможным дальнейший же безгосударственный минимализм.

Мы даже не перестали, конечно, вопросов, связанных сь принятием максималистического догмата. Мы не на-
сались попросту: 1) Организационных. 2) Мы не вы-
великую роль и значение играть требование урав-
нительной справедливости в истории русской культу-
ры. 3) Мы не анализировали классового состава Рос-
сии, того соотношения сил, среди которых приходило
действовать. Обь этих вопросах и быт, может, побес-
едуем во другой раз.

Ромаша.

Роман

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ТОВ. А. ГЕ.

Таким образом, и так много приходилось писать в социализме, что боясь, как бы из меня не укрепились репутация присяжного писателя на социализму. Роль присяжного писателя меня не соблазняет, но судьба, точно на это, назначило эту роль мне! Инакше бы: почти во всех литературных организациях мы перья статьи посвященны вопросу о социализме. И «Рабочий Мир», как видите, не составляет исключение. Обозвиз и этикет товарищу Ге, высказанному от предыдущего номера «Рабочего Мира» взгляды, которые, по моему, без возражений останутся несданы.

Синдикализму может быть различно. Есть синдикалисты, которые превращают синдикализм в нечто самодовольное; для них, естественно, анархизм поневоле делается каким-то тягостным предложением. Синдикализм — все; анархизм же хранится про запас, так, на всякий случай.

Есть ереси и в такие анархисты, которые анархизма не заноувають по нн «прже всего» синдикалізму і лише по тому анархисты; ест, наконед, синдикалісты, кь нмь примикаю и я, которые думают, что синдикалізмъ является лишь одной изъ формъ нашего соціально-політическаго міровоззрѣнія; такой взглядъ на синдикалізмъ несколько не умаляетъ его значенія.

Синдикализм есть и должен остаться лишь формой рабочей организации и способом рабочей борьбы. В этом и заключается все значение и все величие революционного синдикализма. Борьба, которую ведут революционные профессиональные союзы,

есть несоосредоточенная борьба яростная, капитализма, противогосударственной она становится, лишь в своем процветании борьбы. Происходить это лишь тогда, когда организованная революция, синдикаты рабочие сталкиваются с организованной волей господствующей нации — с государством. Отсюда мы делаем следующий вывод: если револ. синдикализм будет все упорнее и истиннее вести наступательную непосредственную экономическую борьбу, то он неизбежно столкнется с государством, неизбежно выявится упорная борьба против всего современного общества, против всего его уклада. Это и даст нам возможность утверждать, что синдикализм в своем развитии будет больше и больше приближаться к анархизму. Но синдикализм не есть анархизм. Кант синдикализма не может брать на себя ответственности за анархизм, потому что анархизм не может брать на себя ответственности за весь синдикализм. Повторяю еще раз, я ничуть не желаю умалять значения синдикализма, я в прежнем осязании его врываюсь сторонниками, но быть сторонником синдикализма, отнюдь не значить для меня в чем либо изменять свое мировоззрение или смягчать свои убеждения. Наоборот, я синдикализм в нахожу еще одно лишнее подтверждение той правоте борьбы и той формы организации, которые мы всегда защищали. Мы ценим синдикализм, ценим, между прочим, и потому, что в нем есть и «духовная наша прозяба»: когда он только собирался стать из него, мы ему служили подполью. Теперь синдикализм борется, в «материальной подполье» не нуждается; в «духовной» же подполье он, как и всякое другое важное движение, ставшее собой цѣль, будет нуждаться всегда. Скажу тут же для успокоения анти-интеллигентской советни ибиковых наших товарищей, что эту «духовную поддержку» могут оказать сама же рабочая. Рабочие движения выплывают цѣлый ряд рабочих проиндустристов, которые любого интеллигента за полет заткнут. Интеллигентные же ответят развѣ одно утѣшное: лучше французские и швейцарские деятели революционного синдикализма воспринимать главным образом на ниспаях Векункина и Кравоткина.

Единство синдикализма возможно лишь постольку, поскольку онъ, какъ члѣтъ, какъ организація, кѣ тѣльно атомична по и аотечечена. Въ тотъ же, когда синдикализмъ захочетъ имѣть единую общеобязательную теорію, ему, какъ революціонному синдикалисту, будетъ монетъ (по крайней мѣрѣ въ тѣмъ видѣ, въ какіомъ онъ существуетъ теперь) — надо помнить, что революціонный синдикализмъ — по своей сущности — неорганичная несклѣнность, вынужденная существованіемъ капиталистическаго общества.

Жизненность и неизбежность въ капиталистическомъ обществѣ ррмееденныхъ организацій и ихъ конфликты съ хозяевами — вотъ что является историческою необходимостью, а не революціонный синдикализмъ.

Ремесленные союзы и их формы конфликта с хозяевами — то, что является исторической необходимостью. Что борьба с хозяевами может принять и другой, перерожденно-синдикалистский характер, об этом яма свидетельствует рабочий движение, например, в Германии и Америке. Стало быть, об исторической необходимости приходится говорить тут лишь в крайне ограниченном смысле. Вспомните судьбу Интернационала! Пока он был обще-

*) Мы, конечно, не говоримъ о томъ случаѣ, когда единство теорій установится само собой въ результатъ медленнаго творчества массы.

отважн, борющимися против капитализма на экономиче-ской почвѣ, а также обществомъ сопротивления и самозащиты рабочего класса, пока въ немъ всѣ социалстическія течения имѣли одинаковое право на существованіе, интерпретация роста и разивалеп, хотя оставалась бы сравнительно съ современными революціонно-профессиональными движеніемъ, равнообразна. Но какъ только марксистская клика захотѣла навязать сверху вышн, декретомъ, одну общеобязательную для всѣхъ, доктрину, громадное общество, наводняющее страхъ на всѣхъ буржуазный миръ, распалось, раскололось на нѣсколько самостоятельныхъ и враждебныхъ другъ другу частей. Вспомните также примѣры международныхъ социалистическихъ съѣздовъ, пока на нихъ допускались свобода мнѣній, признавалось право за каждымъ направлеиамъ — жить и развиваться, пока признавалось право идейной критики, съѣзды эти, действительно, являлись международными съѣздами социалистовъ всѣхъ толковъ и направлений, но когда социалдемократы, овладевъ на «кооптационное большинство», провозгласили марксистскимъ общеобязательной догмой, двери этихъ съѣздовъ навсегда закрылись для анархистовъ.

«Въ революціонномъ синдикализмѣ нѣтъ теоретическихъ колебаній, она отъ начала до конца — стройная теорія, послѣдовательно опредѣляющая логику, содержание и конечныя цѣли пролетарской борьбы» (курсивъ мой. К. О.) такъ утверждаетъ товарищъ Ге.

Какъ же это? Во первыхъ можно ли говорить о единствѣ логики, когда рѣчь идетъ безпартійной, хотя бы и выходящей «формы, организационны, какими является профсоюзный союзъ? Не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ самыми разнообразными формами мышления, не имѣемъ ли дѣло въ нѣкоторую родъ компромиссовъ? Чѣмъ же, если не компромиссомъ является апологизмъ для убѣжденнаго марксиста? Тутъ не единство логики, а сдѣлка съ логикой — съ цѣлью достиженія опредѣленнаго практическаго результата. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ я доужу съ синдикализмомъ и никакой стройной отъ начала до конца теоріи не заимѣю въ почвѣ. Наоборотъ, я вижу, что въ синдикализмѣ представляются различныя теченія, что каждое изъ этихъ теченій опирается на опредѣленную теорію, но у всѣхъ одна общія платформа — борьба на экономическомъ почвѣ, не законодательнымъ, а непосредственнымъ путемъ, что не всегда удается логически признать на практикѣ, именно, благодаря тому разнообразію элементовъ, которыми представлены въ синдикализмѣ, ибо, какъ и указывалъ въ другомъ мѣстѣ,* разнообразіе эти не одного и того же порядка, а разнаго, протѣкторства. На самомъ дѣлѣ, въ синдикализмѣ представлены четыре теченія: 1) реформистское, 2) полнито-синдикалистское, 3) чисто-синдикалистское, которому больше, чѣмъ базарилъ Марксъ и Бакуинъ и, наконецъ, 4) революціонно-синдикалистское въ подлинномъ значеніи этого слова — сознательные антипарламентаристы и въ громадномъ своемъ большинствѣ такіе же сознательные антигосударственники.

Какими же образомъ выходитъ, что синдикализмъ все таки «отъ начала до конца стройная теорія, послѣдовательно опредѣляющая логику, содержание и конечныя цѣли пролетарской борьбы»?

Вотъ тоа. Ге надаетъ намъ свой синдикализмъ, какими въ послѣдній долженъ былъ бы быть по его мнѣнію, я, пожалуй, могу согласиться съ нимъ и то лишь по той той, какъ онъ укажетъ мнѣ мѣсто анархизма въ этой отроной теоріи, «опредѣляющей логику, содержание и конечныя цѣли пролетарской

борьбы»; если же тов. Ге говорить о существующемъ синдикализмѣ, то это — сплошное недоразумѣніе, ни о какой стройной теоріи, «опредѣляющей логику, содержание и конечныя цѣли пролетарской борьбы», не можетъ быть и рѣчи.

Синдикализмъ имѣетъ свои реальныя достоинства, которыя отличаютъ его отъ другихъ профессиональныхъ союзовъ, — отъ итальянскихъ, английскихъ и еще больше американскихъ. Французскій синдикализмъ, въ крайнемъ рѣдкимъ исключеніемъ, сплотилъ социалистичеки.

Въ области практической онъ провозглашаетъ необходимость самостоятельности рабочего класса, тактика его есть тактика непосредственнаго дѣйствія, а постольку, поскольку рѣчь идетъ о революціонномъ синдикализмѣ, дѣйствіе это совершается помимо и противъ государства, противъ всей системы капиталистической; онъ признаетъ всеобщую стачку, праждебно относится къ законодательной власти, совершенно индифферентенъ къ парламентаризму, рѣдко праждебенъ идеѣ захвата власти; въ немъ помѣщается, крайне мало, стремленіе взять на себя инициативу грядущаго общественнаго переворота; его концепція переворота гласитъ: социальная революція должна быть совершена самой рабочей массой. Революціонный синдикализмъ праждебенъ идеѣ диктатуры. Вотъ достоинства, за которыми мы высоко цѣнимъ синдикализмъ, и развитію котораго наши товарищи, участвующіе въ французскомъ рабочемъ движеніи, содѣйствуютъ всѣми силами. Вотъ эти черты синдикализма давали намъ возможность сказать, что синдикализмъ, если онъ будетъ логически послѣдовательно развиваться, сдѣлается дѣйствительно члѣномъ движеніемъ. И тогда, если какой-либо теоріи суждено лечь въ основу, то этой теоріей можетъ быть только анархизмъ.*

Если синдикализмъ представляетъ «отъ начала до конца стройную теорію, опредѣляющую логику, содержание и конечныя цѣли пролетарской борьбы», то существованіе анархизма, какъ стройной теоріи, опредѣляющей логику, содержание и конечныя цѣли пролетарской борьбы, становится совершенно безсмысленнымъ; если въ синдикализмѣ дано все, что мыслится теоріей послѣдовательнаго социализма, которымъ претендуетъ быть и мы, то спрашивается, кому же нужно наше особое существованіе? Почему намъ не раствориться въ синдикализмѣ? Почему не сказать, что существованіе синдикализма дѣлаетъ совершенно ненужнымъ существованіе анархизма? Вѣдь не ради слова — анархизмъ — ратуемъ мы, а ради содержания, а разъ содержаніе анархизма исчерпано синдикализмомъ, то и самъ анархизмъ теряетъ право на существованіе.

Нѣтъ, мы отъ своего анархизма не отказываемся, никакой стройной теоріей анархизма не заимѣемъ, ничего изъ своего міровоззрѣнія выкинуть не имѣемъ. И въ тотъ день, когда на наше міровоззрѣніе паднмуть руки, хотя бы во имя ста тысячъ рабочихъ съѣздовъ, мы скажемъ: «руки прочь», потому что рѣшеніе задачи, поставленной передъ міромъ съиндикализмомъ — полное раскрышеніе человеческой личности, какъ отъ экономическаго, такъ и политическаго гнета, дается лишь анархизмомъ, а потому онъ есть для меня та высшая цѣнность, безъ которой все остальное безцѣнно, тускло и безсмысленно.

Въ заключеніи всего нѣсколько словъ. Я указывалъ, что по столку, поскольку рѣчь идетъ о революціон-

* См. Павлантъ: «Революціонный синдикализмъ», изданіе листовъ «Хлѣба и Воли».

* См. моя статья въ «Голосѣ Труда» за этотъ годъ.

помъ синдикализмъ, мы имѣемъ дѣло съ такимъ движеніемъ, которое стремится къ революціи, совершаемой всею рабочею массой, а не какой-нибудь диктаторской властью. Въ статьѣ же, которая насъ вагаетъ, мы встрѣчаемъ благія пожеланія грядущей диктатуре пролетариата, хотя эта диктатура толкуется своеобразно — не по социалдемократически. Тутъ же выставлены, какъ объектъ этой диктатуры, т. е., какъ конечная цѣль рабочего движенія, «переходъ къ коллективизму». Все это въ «кажущейся» газетѣ, пакъ хотѣла, немного кокетство. Було то синдикалистамъ, но такъ, чтобы не мѣшать и другимъ тоже быть ими.

К. Орзекан.

По подомостру въ № 2 «Рабочей Миръ» изъ была помѣщена оговорка о томъ, что редакція не разделяетъ многихъ положеній, развиваемыхъ въ статьѣ тов. Александра Ге.

Редакція.

РОКОВОЙ ЧАСЪ...

Опять война. Болгарія, Сербія, Греція, Черногорія образовали союзъ. Коалиція требуетъ отъ Турціи автономіи для Македоніи.

Черногорія уже «приступила». Главная же «экинципация», — Болгарія, молчать. войны еще не объявляетъ, но и на «представленіи» великихъ державъ отвѣта не даетъ.

Пахнеть кровью...

Опять крестьяне и рабоче Болгарин, Сербин, прольютъ свою кровь въ борьбѣ съ турками...

Конечно, Великія Державы играютъ роль «примирителей». Г. Сазоновъ, русскій министръ, «не хочетъ войны». Онъ, видите-ли, даже повѣляетъ на французскаго премьера Пуанкаре, чтобы тотъ тоторился своими убѣжденіями на два фронта: Турція должна ввести немедленно — почти подъ контролемъ Европы — реформы; коалиція соитуетъ воздержаться отъ военныхъ дѣйствій, благо «великія» державы не допустятъ территориальныхъ измѣненій...

О, г. Сазоновъ не хитрей войны.

И корреспонденту французской газетѣ онъ сообщаетъ вотъ что: Россія знала, что плути пароговоры между вступившими въ соглашеніе славянскими державами.

Больше. Россія способствовала устраненію конфликтовъ между братьями славянами.

Но — Россія исповину въ агрессивныхъ выступленіяхъ этихъ державъ...

Странное доказательство миролюбія! Вѣдь разогласія то касались участи Македоніи. Турція именно пользовалась этими разогласіями. Болгарія считала Македонію почти своей. Сербія требовала дѣльной доли себѣ. Греція, какъ дѣлали два четыре, доказывала, что ей-то большой «кусочекъ» принадлежитъ по праву... ужъ не знаема, по какому праву. Эти-то разогласія и мѣшали коллективному выступленію противъ Турціи.

Оказывается, русская дипломатія способствовала устраненію конфликтовъ, т. е. того, что мѣшало выступленію противъ Турціи.

И г. Сазоновъ наивнѣею заявляетъ, что Россія миролюбива!...

«Миролюбиво» и Австрія.

Только вотъ: въ морскомъ арсеналѣ проносятся свѣтныя работы. Да кредитъ и непростенъ немалый. Австрійская печать жалѣетъ о неискренности Россіи. Вотъ она, Австрія, члѣно за миръ стоитъ. Конечно, если будутъ затронуты ея «жизненные интересы, и хотя-бы вторженіемъ сербовъ въ Санджакъ, тогда другое дѣло... Но бѣда въ томъ, что «жизненные интересы» Австріи повсюду на Балка-

нахъ. Ино, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами: «Австрія миролюбива»...

Какъ-то странно, последнее министера Грека, английскаго министра.

Г. Сазонову, прибывшему спеціально въ Лондонъ хотѣлось побесѣдовать со своимъ поддолью по поводу состоки дѣла на Балканахъ. Но министръ Грека какъ-то все время по дѣлу настроенъ бѣдствовать на «тому тему». Ему о Періи поговорить хотѣлось. Положеніе дѣла на Балканахъ? — О нѣтъ, безобразно онъ неохотно; еле-еле, съ большимъ трудомъ, удалось Пуанкаре добиться соглашенія Грека на «предоставленіе», дѣлаемому Турцію. Соглашеніе английскій министръ, но все это онъ дѣлалъ въ видѣмъ члѣноу, ужасно занятому лажными мыслями, хотя-бы-то-бы участи той же Періи.

О чѣмъ-жа говорить? — Все испо: Англія, какъ и другія державы, миролюбиво.

И оттого, что такъ много буржуазныхъ «миропорцевъ», земля аса часто и обильнѣе орошается кровью. Было время: буржуазія считала себя поствѣстельчій міра. Это-до феодализма, господствовало, опираясь на силу мечи... Но буржуазія — интъ; ее основа — успѣхъ техники, промышленности. Ея мечъ — наука, знаніе. И потъ наука произвудетъ побѣду: человечество завослодо воздухъ.

А военные подслѣвуютъ, какъ и сколько людей и кораблей моютъ истребить ядро, брошенное «сверху». — А безобразно жестоки, изурнальные войны — часто подъ видомъ воедѣній въ «дѣнія» страна — опустошаютъ миръ...

Конечно, и война на Балканахъ, какъ и всякая война, имѣетъ свою идеологию, окруженіе ореоломъ: борьба за освобожденіе изъ подъ туркаго ига...

Господствующіе классы и Государство организуютъ войну, а историки, поэты, святые отцы доказываютъ одушевленію народа вторичную и правостонную необходимость войны...

Вотъ: если бы оскорбленіе, науреніе непосильнымъ трудомъ крестьянъ Валгарин, Сербин содѣйствили съ угнетенными турками для борьбы противъ «нутреннихъ» турокъ — противъ крупныхъ помѣщиковъ, противъ Государства, — о, съ какими скоротомъ зубованіемъ культурная Европа встрѣтила бы такую коалицію!

Исчезла бы любовь къ угнетеннымъ братьямъ — славянамъ... Исчезло-бы миролюбіе. Помолоніи-бы образовалась контръ-коалиція... И съ разгнѣшеніемъ господствующихъ классовъ, воеданіе было бы побѣждено въ крони. Съ дикой кростно банда «культурная» истребляла бы все, что напоминаетъ о доиженіи народа, о борьбѣ за лучшую долю, за свѣтъ и счастье. Развѣ буржуазія не превратилась изъ кую-то дикую орду атрависныхъ злобъ члѣноу, когда удавалось задвигать коммуны? Развѣ богатѣи и господствующіе слои Болгарин оказались бы «патриотичнѣе» русскихъ помѣщиковъ, угрожавшихъ призвать иицевъ, съ члѣноу подпадения русской революціи?...

Но нечаѣмъ говорить о тѣхъ ужасахъ, которые могли бы быть. Достаточно того, что происходитъ сейчасъ.

И невольно возникаетъ вопросъ: удастся ли локализовать войну? Не находимся ли мы наканунѣ всевропейскаго столкновенія? Мыслимо ли, что бы Австро-Венгрія спокойно смотрѣла на разгромъ Турціи въ томъ случаѣ, если «коалиція» побѣдитъ? Вѣдь знаетъ же Австрія, что побѣда славянскихъ государствъ — есть побѣда Россіи, даже въ томъ случаѣ, если удастся сохранить status quo... И имъ поручится за то, что сама Коалиція не распадется при дѣлѣхъ?

Пахнеть кровью... Приближается роковой часъ... Мы все знаемъ, что настоящій, послѣдствительный врагъ войны: сознательная часть трудныхъ массъ!

Только она может «локализовать» войну. Она — авангард человечества может, если захочет — положить предел кровавому безумию; лишь она может вырвать съ корнемъ это дерево смерти — войну.

Захочетъ-ли она? Хватитъ ли у пролетариата воли, озванія на то, что-бы выполнять великую задачу? Захочетъ-ли пролетариатъ противопоставить свою желѣзную волю слѣпымъ и злымъ силамъ, управляющимъ буржуазнымъ міромъ?

Если да, то часть роковой войны можетъ слѣдовать роковымъ для буржуазнаго міра... Можно-ли на это надѣяться?

— Увы, сомнѣнія отравляютъ и эту надежду. Ядъ буржуазнаго шовинизма просачивается порой въ души массъ, отуманиваетъ сознание революціонеровъ.

Протестовали-ли всѣ итальянскіе социалисты противъ войны въ Триполи?

А возрастающій во Франціи шовинизмъ не завлекъ развѣ въ свои сѣти и некогда непримиримаго анти-милитариста Эрве?

Кто поручится за то, что Эрве не цовліяетъ на часть рабочихъ?

И все таки: только пролетариатъ, трудящіеся могутъ остановить войну!

Они могутъ образовать «коалицію» труда противъ капитала и государствъ. И эта коалиція принесетъ человечеству овѣтъ и свободу.

«Коалиція»-жс, вродѣ Балканской, фатально сѣтъ лишь мракъ и неволю...

ХРОНИКА.

Рабочее движеніе не смотря на сильныя репрессіи, все таки не подавлено; этотъ фактъ вынуждены признать даже враги рабочаго класса: «за послѣдніе шесть мѣсяцевъ бастовало 600 т. рабочихъ» пишетъ въ своихъ отчетѣхъ союзъ фабрикантовъ и заводчиковъ, то же самое сообщаютъ и отчеты фабричныхъ инспекторовъ.

Если мы припомнимъ къ рабочему движенію въ Россіи, то должны будемъ констатировать одинъ чрезвычайно важный фактъ; время реакціи и подавленности было капиталистами превосходно использовано: они сумѣли создать сильныя организаціи, которыя должны защищать ихъ «священные права». Время, когда рабочему приходилось бороться съ отсталыми капиталистами, отстаивавшими только своей пятакъ, миновало, и теперь рабочій въ экономической борьбѣ сталкивается съ врагомъ, прекрасно организованнымъ и дисциплинированнымъ, защищающимъ и отстаивающимъ привилегіи и господство своего класса. Разумѣется, что и государство не остается въ роли зрителя: начиная съ демократической Швейцаріи и «независимой» Англіи и кончая самодержавной Россіей власть исполнительная и законодательная ретиво охраняютъ интересы капиталистовъ отъ «бунтовщиковъ» рабочихъ.

Особенно своеобразна эта защита у насъ: аресты и обыски сыплются на головы бастующихъ рабочихъ, какъ въ рога изобилія; професіональные союзы закрываются, кассы конфисковываются, а правленія союзовъ, редакторы и издатели професіональных органовъ высылаются въ Сибирь десятками.

Лишь недавно былъ закрытъ въ Петербургѣ самый большой професіональный союзъ металлистовъ, насчитывающій нѣсколько тысячъ членовъ.

Забастовку на приискахъ «Ленскаго Товарищества» антралъ, конечно, господинъ Гинзбургъ. Не помогъ рабочимъ и командированная самимъ «его Величествомъ» сенаторская ревизія, обладавшая «чрезвычайными полномочіями». Очевидно и сенаторы не

остались глухими къ пріятному звону золота, хоть и добытаго цѣной жизни сотенъ разстрѣлянныхъ и тысячъ замученныхъ въ тайгѣ рабочихъ, добывшихъ это золото.

Однако, и въ лагерѣ побѣдителей не все обстоитъ благополучно. Въ рядахъ арміи и флота, призванныхъ защищать «устонъ» отъ внутреннихъ и вѣншихъ враговъ, замѣчается солидное «недовольство». Лишь недавно было разстрѣляно 15 человекъ солдатъ «за подстрекательство къ бунту» саперовъ въ Туркестанѣ, теперь сообщаютъ о преданіи военному суду въ Севастополѣ 150 матросовъ. Господину Коковцеву не даютъ успокоиться лапы Столыпина. Число повѣшенныхъ и разстрѣлянныхъ за послѣдній годъ на много превосходитъ таковое за предыдущій. Наше «правосудіе» тоже старается не отставать отъ общаго курса: имъ во чтобы то ни стало хочется доказать, что кровопійцами являются не только они, но... и «жиды». Съ этой цѣлью засадили въ кievскую тюрьму еврея Бейлиса по обвиненію въ ритуальномъ убійствѣ русскаго мальчика Юшинскаго. Уже скоро два года, какъ тянется эта гнусная исторія: убійцы мальчика извѣстны всему городу, исключенія не составляютъ ни прокуратура, ни слѣдственные власти, ни судъ, но дѣйствительныхъ убійцъ взялъ подъ свое покровительство министеръ юстиціи Щегловитовъ и «Союзъ русскаго народа». Нечего пояснять, что при такомъ высокомъ покровительствѣ убійцамъ опасаться нечего, а обвиненіе еврея въ употребленіи человѣческой крови можетъ облегчить предвыборныя махинаціи Пуришкевичамъ, Марковымъ и Замысловскимъ.

Изъ Кутмарской каторжной тюрьмы приходятъ столь частыя за послѣдніе годы вѣсти о массовыхъ нестяжаніяхъ политическихъ заключенныхъ и о единственномъ въ ихъ положеніи возможномъ отбѣгѣ массовыхъ же самоубійствахъ. Впрочемъ, политическимъ каторжанамъ не зачѣмъ прибѣгать къ такимъ энергичнымъ «мѣрамъ», ихъ друзья и бывшіе товарищи усленно о нихъ думаютъ, и... готовятся къ выборамъ въ 4-ую Думу!

Но не одинъ «революціонеръ» готовится къ выборамъ. атимъ дѣломъ довольно усердно и не безуспѣшно занялись и попы, которымъ до сихъ поръ удалось провести въ выборщики около семи тысячъ человекъ.

Есть еще одинъ на нашъ взглядъ довольно отрадный фактъ: массы рабочихъ и крестьянъ отказываются принимать участіе въ этой мерзкой комедіи. Меньше 10% рабочихъ, имѣющихъ право выбирать, это право не используютъ. Для социалдемократовъ урокъ не изъ пріятныхъ.

ОТЧЕТЪ.

Членскіе взносы	75 fr. 20 c.
Собрано по подписнымъ листамъ	56 » 25 »
Выручено отъ продажи литературы	75 » 45 »
Прислано тов. изъ Парижа	10 »
Отъ товарищей, сочувствующихъ изданію «Р. М.»	124 » 40 »
Отъ рефератовъ	60 » 85 »

Приходъ 402 fr. 15 c.

На изданіе 1-го и 2-го № №	197 fr.
Экспедиція и почтов. расходы	26 » 80 c.
Групповые расходы	33 » 75 »
За локалы	61 » 75 »

Расходъ 319 fr. 30 c.

Остатокъ 82 fr. 85 c.

Адресъ для корреспонденцій и для денегъ:

Zürich, Poste Bahnhof, Postfach 15496.

РАБОЧИЙ МІРЪ

Издание цюрихской группы анархистовъ - коммунистовъ „Рабочій Міръ“.

Духъ разрушающій есть духъ созидаящій.

БАКУНИНЪ.

Годъ I.

9-ое Декабря 1912 г.

№ 4.

Петръ Кропоткинъ.

Биографическій очеркъ.

9 декабря текущаго года исполнится 70 лѣтъ со дня рожденія создателя теоріи современнаго коммунистическаго анархизма Петра Алексѣевича Кропоткина.

Когда мы останавливаемся на личности крупнаго мыслителя, насъ всегда прежде всего интересуетъ генезисъ

его міровоззрѣнія, происхождение его системы. Но въ умственной и духовной эволюціи *каждого* мыслителя несомнѣнно играютъ большую роль *внѣшнія* обстоятельства его жизни. Намъ рѣзче приходится подчеркнуть эту зависимость, когда рѣчь идетъ о *соціальныхъ* воззрѣніяхъ *революціонера*, и въ особенности перадринно связано теоретическое мышление съ личными переживаниями и жизненными впечатлѣніями Петра Алексѣевича Кропоткина.

Его энциклопедическая система — по преимуществу продуктъ размышленій надъ тѣмъ матеріаломъ, который давали ему его разсужденія и богатая социальная опытность жизни. И потому, кто хочетъ знать Кропоткина-мыслителя, долженъ такъ же внимательно читать «Записки революціонера», какъ и его теоретическія произведенія.

Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ родился 9 декабря 1842 года въ Москвѣ на Старо-Конюшенной. Родъ князей Кропоткиныхъ — одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ Россіи; онъ ведетъ свое происхождение отъ внука великаго князя кievскаго Мстислава Удалого. Петръ Алексѣевичъ лишился матери въ раннемъ дѣтствѣ, и маленький Петенька, вмѣстѣ съ братьями и сестрой, выросъ на попеченіи крѣпостной прислуги. «Что бы съ нами стало, — говоритъ П. А. въ «Запискахъ революціонера», — если бы насъ не окружала, въ лицѣ нашихъ крѣпостныхъ слугъ, атмосфера любви, столь необходимая дѣтямъ».

Въ 1857 году Петръ былъ помѣщенъ въ пажескій кор-

пусъ. Въ 1861 г., въ качествѣ перваго ученика, былъ произведенъ въ фельдфебеля пажескаго корпуса, что связано съ должностью камеръ-пажа императора. Это назначеніе могло имѣть большое значеніе для его карьеры, такъ какъ, благодаря должности камеръ-пажа, онъ сталъ лично извѣстенъ императору. Но молодой пажъ уже тогда не чувствовалъ влеченія къ военной или придворной карьерѣ. Онъ мечталъ о поступленіи въ университетъ, но такъ какъ отецъ никогда бы на это не согласился, а денегъ для того, чтобы начать новую самостоятельную

жизнь, взять было неоткуда, то Петръ Кропоткинъ, выпущенный въ 1862 году въ офицеры, рѣшилъ уѣхать, по крайней мѣрѣ, куда нибудь подальше отъ двора Великаго было удивленіе товарищей, когда Петръ Кропоткинъ, который могъ начать службу въ лучшемъ гвардейскомъ полку, выбралъ Амурскій конный казачій полкъ. Въ этомъ выборѣ вступавшій въ практическую жизнь юноша, руководился двумя соображеніями. Восточная Сибирь была въ то время очень мало изслѣдована, а его уже тогда тянуло къ географическимъ изслѣдованіямъ. Во-вторыхъ, Сибирь представляла собой «безконечное поле для примѣненія тѣхъ реформъ, которыя были выработаны или задуманы».

По приѣздѣ въ Иркутскъ, 19-тилѣтній офицеръ былъ назначенъ адъютантомъ начальника штаба Восточной Сибири, временно занимавшаго постъ губернатора Забайкальской области. До сибирскихъ администраторовъ въ то время еще не докатилась реакціонная волна, и они пытались провести въ жизнь начала «великихъ реформъ». Кропоткинъ сталъ секретаремъ двухъ комитетовъ: для реформы тюремъ и всей системы ссылки и для выработки проекта городского самоуправления. Онъ ухватился за работу со всѣмъ энтузіазмомъ девятнадцатилѣтняго юноши, но разрабо-

танные имъ и его товарищами по службѣ проекты никогда не были проведены на практикѣ. «Правительство постѣ польскаго возстанія 1863 года уже безудержно устремилось въ сторону реакціи».

Петръ Кропоткинъ

Весной 1863 года Петръ Кропоткинъ поѣхалъ на Амуръ, въ качествѣ помощника начальника силана продовольствия для войскъ и переселенцевъ въ низовьяхъ Амура. Вскорѣ онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ поручений при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, но назначенъ былъ. Такъ какъ эта должность отнимала мало времени, то Кропоткинъ получилъ возможность отдаленно географическимъ изслѣдованіемъ въ Манчжуріи. Въ 1866 году онъ изслѣдовалъ западные Саяны, открылъ нѣсколько новыхъ данныхъ для построения схемы орографіи Сибири и явился другою важною вулканическую область на границѣ Китая. Въ 1866 году Кропоткинъ открылъ прямой путь съ Оленкинскихъ притоковъ на Забайкалье.

Занимаясь съ увлеченіемъ географическимъ изслѣдованіемъ, Петръ Кропоткинъ не пренебрегалъ, однако, въ увагоу спецализацію. Его интересовали не только горы и равнины, но и въ не меньшей, если не въ болѣе стѣснен, и люди, которые ихъ заселяютъ. Ихъ горе и нужда.

«Годы, которые я провелъ въ Сибири», — говоритъ П. А. въ «Зинисскихъ революціонеровъ», — научили меня многому, чему я врядъ ли могъ бы научиться въ другомъ мѣстѣ. Я быстро понялъ, что для народа равенство невозможно одними ничтожнымъ при помощи агитационной машины. Съ этой идеей и распространялся повсюду. Знать, я сталъ понимать не только людей и человѣческой характеру, но также скрытый процессъ общественной жизни. Я ясно сознавалъ социальную работу невѣдомыхъ массъ, о которыхъ рѣдко упоминается въ книгахъ, и понималъ значеніе этой построительной силы въ ростѣ общества. Я видѣлъ, напримеръ, какъ духовора переселялись на Амуръ, видѣлъ, сколько вынуждено дала имъ ихъ подкумарищеніи жизни... Я жилъ тѣмъ самымъ броуновскимъ шорохомъ и видѣлъ, какой сложный общественный строй выработали они помимо нашего вѣдѣнія цивилизации»...

Изъ своего исключительнаго административнаго опыта Петръ Кропоткинъ являлся убежденъ въ ложности принципа дисциплины. «Дисциплина», — говоритъ онъ, — это то, что на помыслахъ парадокса, но ничто не стоитъ въ дѣйствительной жизни, гдѣ результаты часто могутъ быть достигнуты лишь единичнымъ направлениемъ воли всѣхъ, направленныхъ къ общей цѣли». «Хотя я еще тогда не формулировалъ моихъ мыслей словами, заимствованными изъ боянскихъ ключей политическимъ партій, я все-таки могу сказать теперь, что въ Сибири утвердилъ некую вѣру въ государственную дисциплину, я былъ подвигнутъ къ тому, чтобы сдѣлаться анархистомъ».

Въ 1867 году Петръ Кропоткинъ напечаталъ въ Петербургѣ. Онъ поступилъ въ университетъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета. Университетская жизнь, и научная работа возбудили все его прѣмъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Занимаясь математикой, Кропоткинъ часть своего времени уделялъ географіи. За это время онъ выполнилъ большую научную работу, которую онъ самъ считалъ своимъ главнымъ плодомъ въ науку.

Путешествія по Сибири убѣдили Кропоткина, что существованіи въ то время карты по восточной Азии совершенно несправедливо, и онъ задается цѣлью составить новую карту по орографіи Сибири. Около пяти лѣтъ ушло у него на предпринятую работу, и онъ издалъ въ Петербургѣ обширную книгу, которая излагаетъ ея результаты; но, когда Кропоткинъ въ 1873 г. увидѣлъ, что его скоро арестуютъ, онъ ограничился тѣмъ, что составилъ новую карту и приложилъ объяснительный очеркъ. Кропоткинская схема была принята послѣдствіемъ большинствомъ картографовъ.

Кропоткинъ все болѣе и болѣе увлеченъ географическими работами. Онъ былъ секретаремъ отдѣленія физическаго географіи Географическаго Общества. Въ немъ зарождалось новое плано научныхъ работъ, и въ особенности его увлеченіи мысль дать полное географическое описаніе всей Россіи. И для того, чтобы выполнить эту работу, онъ мечталъ о мѣстѣ секретаря Географическаго Общества, такъ какъ эта должность дала бы ему время и необходимую свободу для выполнения его плановъ. И

потомъ, осенью 1871 года, Кропоткинъ получалъ предложеніе принять эту должность. «Мое желаніе, такимъ образомъ, осуществилось», — говоритъ П. А. — Но въ эту пору другія мысли и другія стремленія уже овладѣли мною, и серьезно обдумавъ мое рѣшеніе, я телеграфировалъ въ отвѣтъ: «Душевно благодарю, но должность принять не могу».

Такимъ образомъ, Петръ Кропоткинъ отказался отъ своей заветной мечты. И причиной этого отказа было то, что къ этому времени уже болѣе или менѣе сложился его социальный взглядъ, и онъ считалъ преступнымъ отдаваться всецѣло наукѣ, которая въ современномъ строй дѣлала лишь невозможна. Онъ хотѣлъ отдать свои силы освобожденію трудящихся, чтобы и они могли современнѣе помыслить насладенія, которая наука и искусство даютъ въ настоящее время лишь избранному меньшинству.

Весной 1872 года Петръ Кропоткинъ впервые перѣхалъ границу. Одной изъ главныхъ цѣлей его поѣздки было ознакомленіе съ Интернационаломъ. Кропоткинъ направился сначала въ Парижъ, бывавшій тогда однимъ изъ центровъ русской молодежи за границей. Здѣсь Кропоткинъ погрузился въ научное социалистическое литературное время. Но ему болѣе всего хотѣлось ознакомиться на практикѣ съ повседневной жизнью Интернационала. Для этого онъ направился въ Женеву, которая была однимъ изъ главныхъ центровъ Интернационала.

Въ Женевѣ Кропоткинъ пошелъ сначала въ кружокъ Николая Утинъ, но, ознакомившись съ тактикой марксистовъ, Кропоткинъ разочаровался въ нихъ и въпросѣ Утинъ познакомился съ кружкомъ Утинъ. Утинъ направилъ въ Николаю Жуковскому и при этомъ сказалъ: «да, вы болѣе не вернетесь въ нѣмъ, въ у нихъ останетесь». Дѣйствительно, Кропоткинъ навсегда остался въ бакинцахъ.

Кропоткинъ поѣхалъ въ Юрину горы, гдѣ въ Юрской федеративной выработались элементы новой социальной системы, получившей послѣдствіемъ названіе анархизма. Здѣсь онъ познакомился съ Джемсомъ Гильзомъ, Маломъ, Алемаромъ Шаттономъ и другими дѣятелями дѣлала кружокъ Интернационала. Было интересно Петру Кропоткину сдѣлаться анархистомъ. Здѣсь, въ юрскихъ горахъ, впервые началось развитіе взглядовъ, заложенныхъ въ нѣмъ еще въ Сибири. Теоретическая подготовка анархизма, развитіи бакинцами и революціоннымъ характеръ инициативы среди рабочихъ окончательно склонили его въ сторону безгосударственнаго социализма.

Важнѣйшій шагъ своей заграничной поездки, Кропоткинъ вновь познакомился съ Россіей. Онъ поспѣшилъ, вѣроятно, познакомиться съ друзьями присланными изъ съ собой контрибуціонныхъ научныхъ книгами и впечатлѣніями, внесенными изъ знакомства съ Международнымъ Обществомъ Рабочихъ. Вскорѣ онъ поступилъ въ кружокъ Чайковскаго. Зимой 1872 года Кропоткинъ началъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ подъ именемъ Бородина. Политика вскорѣ ушла отъ его лекцій и усердно стала разыскивать Бородина, и, наконецъ, по уваженію одного изъ знавшихъ его рабочихъ, его арестовали на улицѣ.

Кропоткинъ прожилъ два года въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Въ началѣ 1876 года онъ, по болѣзни, былъ переведенъ въ Николаевскій госпиталь и оттуда бѣжалъ. Побѣгъ Петра Кропоткина подробно описанъ въ «Подпольной Россіи» Степняка, и онъ самъ художественно рисуетъ о немъ въ «Зинисскихъ революціонеровъ».

Послѣ удачно выполненнаго побѣга Кропоткинъ направился въ Западную Европу черезъ нѣкоторое время очутился въ Лондонѣ, гдѣ познакомился съ Лавровымъ и другими членами группы журнала «Береда».

Но Кропоткинъ долго оставался въ Лондонѣ. Его тянуло къ практической революціонной работѣ въ средѣ европейскаго пролетариата, и онъ поспѣшилъ туда, гдѣ могъ съ наибольшимъ успѣхомъ приложить свои силы. Спешившись съ Джемсомъ Гильзомъ, онъ отправился въ Швейцарію въ бакинцахъ Юрской Федерации.

Въ Швейцаріи Кропоткинъ найдетъ, кроме тѣхъ, съ которыми онъ вознакомился въ первую заграничную по-

ѣзду, нѣкая рядъ новыхъ товарищей и преданныхъ революціонному дѣлу товарищамъ. Между ними были — Эдизе Реклю, Дефурне, Поль Буржесъ, Карьеро, Маласте, — большинство русскихъ примыкало къ марксистамъ, но среди нихъ самыхъ выдающихся русскихъ эмгрантовъ того времени Николай Жуковскій былъ съ бакинцами.

Для Кропоткина «началась жизнь, полная любимой дѣятельностью». Больше всего члены Юрской Федерации занимались пропагандой анархистскихъ идей на собранияхъ, устраиваемыхъ ими, или ходили на собранія, созываемыя политическими партиями. Въ девъ годовъ жизни парижскихъ коммуны Кропоткинъ и его товарищи приняли участіе въ демонстраціи съ красными флагами въ Бернѣ, на которой произошло вооруженное сопротивленіе съ полиціей.

Эта работа въ средѣ швейцарскихъ пролетаріевъ дала толчокъ къ дальнейшему развитію миссионерства Петра Кропоткина. «Главная наша дѣятельность», — являлся П. А. — состояла въ формулировкѣ социалистическаго анархизма, въ теоріи и въ практическихъ его предложеніяхъ. И въ этомъ направленіи Юрская Федерация выполняла работу, которая не умерла».

«Что касалось меня самого», — говоритъ онъ далѣе, — то, находясь въ благоприятныхъ условіяхъ, и мало по малу принявъ къ заключенію, что анархизмъ — нѣчто болѣе, чѣмъ простой способъ дѣйствія, или чѣмъ дѣлать своего общаго общества. Онъ представлялъ собою, кроме того, философію, какъ природы, такъ и общества, который дѣлалъ былъ различіе совершенно другимъ путемъ, чѣмъ метафизическимъ или диалектическимъ методомъ, примѣнявшимся въ болѣе время къ наукамъ, разсуждающимъ о человѣкѣ. И нѣтъ, что анархизмъ долженъ быть построенъ тѣмъ же методомъ, какъ примѣнялся въ естественныхъ наукахъ; но не въ сколько-нибудь простѣмъ анализѣ, какъ дѣлалъ это Гербертъ Спенсеръ, а на сложномъ фундаментѣ индукціи, примененной къ выработкѣ философическаго его учрежденій и я сдѣлалъ все, что могъ въ этомъ направленіи».

Осенью 1877 года въ Бернѣ состоялось два конгресса: одинъ Международнаго Общества Рабочихъ въ Бернѣ, другой — интернациональный социалистическій конгрессъ въ Гентѣ. Кропоткинъ поѣхалъ на гентскій конгрессъ, вѣдь ему вѣстѣ съ двумя посемью анархистами удалось познакомиться съ осуществленіемъ централистическаго дѣлания въокругъ германской социалдемократической партіи. Кропоткинъ чуть не арестованъ въ Гентѣ, по ему удалось скрыться и уѣхать въ Англію. Пѣль Англіи Кропоткинъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ тоу времени стало дѣлать оживленіе рабочее движеніе, раздѣленіе безпартійныхъ усердствъ парижскихъ коммуны. Здѣсь онъ нѣкоторое время работалъ въ средѣ парижскаго пролетариата, основывая — вѣстѣ съ Андреемъ Гостя въ Жюльеттѣ Геломъ, бывавшимъ тогда еще агитационистами — первую социалистическую группу. Но въ апрѣлѣ 1878 года Гостя былъ арестованъ Кропоткинъ избѣжалъ ареста только вслѣдствіе ошибки полиціи. Черезъ мѣсяцъ онъ уѣхалъ въ Швейцарію, куда его вызвали товарищи.

Въ 1878 году, послѣ извѣстнаго ряда покушеній на королевицѣхъ, въ политическая реакція въ Европѣ приняла острѣе формы. Европейскія правительства палили на Швейцарію, считая, что она сдѣлала центромъ нѣхъ террористическихъ агитаторовъ. Швейцарское правительство стало прѣдвѣщать революціонеровъ. Редакторъ газеты Юрской Федерации Авант-Гарди — Поль Буржесъ былъ приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію, и федерация осталась безъ органа.

Кропоткинъ, вѣстѣ съ Домарте и Герингомъ, основалъ въ Женевѣ двухдѣльную газету «Le Revolté». Эта газета въ то время острѣе всего въ Парижѣ подъ названіемъ «Les Temps Nouveaux». Для «Revolté» Кропоткинъ былъ главнымъ дѣицемъ его агитационныхъ статей, которые впоследствии были пѣланы Эдизе Реклю отдѣльной книгой подъ названіемъ: «Пять придуманныхъ — «Paroles d'un Revolté» — «Речь Бунтовщика». Постепенно въ редакцію «Le Revolté» вошелъ и Эдизе Реклю, а послѣ ареста Кропоткина онъ всецѣло отдался газетѣ.

Передъ издателями «Revolté» были оняты въ самыхъ активныхъ въ жизни П. А. Кропоткина. Вотъ какъ пишетъ онъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Ист. Евр.», въ статьѣ «За рубежомъ». Л. П. Дега, встрѣтившійся съ нимъ въ это время въ Женевѣ:

«Никае среднего роста, лѣтъ 35-ти на видъ, съ болѣе или менѣе русской бородой, совершенно лысымъ, въ очкахъ, Кропоткинъ нѣсколько не напоминалъ революціонера-анархиста. Онъ былъ чрезвычайно подвиженъ, говорилъ быстро и было съ перваго раза произносилъ очень благопріятныя впечатлѣнія своей простой, оживленной, энергичностью и дѣломъ оцѣны. Являлся онъ очень скромно, занимая отъ хозяина одну маленькую, но очень уютную комнату (онъ былъ тогда холостымъ холостякомъ), стоявшую въ той же демократической кухмистерской, какъ и всѣ семейные эмгранты, и обѣдалъ не лучше — если не хуже любимаго европейскаго рабочаго. Кропоткинъ былъ всегда занятъ работой, писалъ въ разные ученые органы, переводилъ для нихъ ежемѣсячные журналы съ иностранныхъ языковъ, которыхъ зналъ множество; но болѣе всего времени отнималъ у него, крошъ названнаго французскаго листа (Le Revolté), частная выступленія на анархическихъ собранияхъ. Онъ считался выдающимся ораторомъ. Дѣйствительно, Кропоткинъ обладалъ нѣкимъ качествомъ, необходимымъ для вѣнны на массы: привлекательной вѣнностью, скромностью и пламенностью, хоронимъ голосомъ и дѣлкомъ. Но всесторонности развитія онъ несомненно стоялъ значительно выше всѣхъ тогдашнихъ послѣдователей Бакунина, не исключая и Реклю».

Объ ораторскомъ талантѣ Кропоткина много лѣтъ тому назадъ писалъ Степнякъ:

«Онъ замѣчательный агитаторъ. Одаренный отъ природы пылкой, убѣдительною рѣчью, онъ весь переполненъ въ страсть, лишь только всходитъ на трибуну. Подобно всѣмъ истиннымъ ораторамъ, онъ возбуждается при видѣ слушателей его толпы. Тутъ онъ совершенно преобразованъ. Онъ весь дрожитъ отъ волненія; голосъ его звучитъ тономъ глубокима, искренняго убѣжденія, который вынуждаетъ всю мою душу въ то, что говоритъ. Рѣчь его производитъ громадное впечатлѣніе, благодаря именно силѣ его воодушевленія, которые сообщаются другимъ и электризируютъ слушателей. Когда, по окончании рѣчи, блѣдный и вѣселионный, Кропоткинъ спускается съ трибуны, все зала гремитъ рукоплесканіями».

Плутину эти строки впервые пришлось увидѣть П. А. Кропоткина въ 1907 году въ Парижѣ. Въ залѣ на Avenue de Clugny, отивая на привѣтствіи русской эмиграціи молодежи и французскихъ рабочихъ, П. А. Кропоткинъ произнесъ маленькую рѣчь. Петръ Алексѣевичъ, весь дрожа отъ волненія, говорилъ о русской революціи и о ея задачахъ, и волненіе это быстро охватило нѣхъ слушателей. Никогда и не вилать такого выраженія лица у слушателей, какъ въ этотъ памятный вечеръ. Мы услышали агитатора, нахмъ пѣмного рожденія на свѣтѣ. И я вспоминалъ приведенную выше характеристику Степняка. Петръ Кропоткинъ остался тотъ же. Онъ оостерелъ тѣломъ, но не душой. Все та же пламенная вѣра въ конечное торжество социальной революціи звучала въ его голосѣ, какъ и много лѣтъ тому назадъ на собранияхъ Юрской Федерации.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства Александра II, Петръ Кропоткинъ былъ изгнанъ изъ Швейцаріи. Въ это же время онъ узналъ о смертномъ приговорѣ, вѣнесенномъ ему «Съ пѣмной Лигой». Онъ вѣстѣ съ женой перѣхалъ въ Лондонъ, но, проживъ тамъ около года, онъ убѣдился, что въ Англіи рабочее движеніе переживало періодъ глубокой реакціи, и рѣшилъ перѣхалъ ко Франціи, въ городокъ Товонъ на берегу Женевского озера.

Въ это время анархическое движеніе во Фривіи значительно разрослось. Въ концѣ 1882 году въ лондонскомъ округѣ въ провинціалѣ мелка свѣрившійся кризисъ, и рабоче все болѣе и болѣе озлоблялись противъ богатыхъ. Въ кафе театра Веллуръ взорвалась динамитный патронъ, на слѣдующій день динамитный патронъ взорвался въ дверяхъ рекрутскаго призывнаго,

когда ее этой полей будет стоять грозная сила — тогда и только тогда мы завоеваем вти права, которая мы тщетно просили бы десятки лет до какого бы то ни было конституционного правительства, тогда она будет принадлежать нам в добычу, чьей если бы из гавартавали писанные законы».

«Правъ ае дають, они берутся».)

II.

Какъ известно, П. А. Кропоткинъ не принадлежалъ ни къ числу мыслителей, любившихъ думать антиквизма, ни къ числу эвентуалистовъ. Они не побитъ также нагромождать кучу вопросовъ и алтвизъ оставалъ въ на провозе судьбы — или на усмотрѣніе людей доброй воли; въ людяхъ доброй воли онъ, конечно, обращается, ибо вопросы, которые ставятъ передъ нами все болѣе и болѣе усложняющіеся жизни, ае могутъ быть рѣшены однимъ «человѣкомъ», «однимъ умомъ», какъ бы великъ онъ ни былъ, но самоу ленту бытъ сносить въ рѣшеніе наждаго вопроса; онъ не можетъ примиряться, чтобы въ его мировоззрѣніи были «пустыя мѣста», они очень высоко ставятъ единство и цѣлостность мировоззрѣнія. Между тѣмъ, есть критика, которые указываютъ на противорѣчія, якобы присущія его мировоззрѣнію. Посмотримъ, можетъ быть, тамъ, гдѣ посерностный умъ видитъ дуализмъ и противорѣчія, на самомъ дѣлѣ претоятъ широкое обобщеніе, которое устранитъ всій ній дуализмъ, всякое противорѣчье.

Мы, конечно, не думаемъ — въ тому же въ газетной статьѣ его совершенно невозможно — рассмотреть все научное и философское мировоззрѣніе П. А. Кропоткина, мы хотимъ лишь слегка коснуться нѣкоторыхъ его философскихъ и историко-философскихъ взглядовъ.

Прежде всего, какъ онъ опредѣляетъ философію?

«... Мы не знаемъ и не видимъ возможности открытія какой-нибудь такой области, гдѣ бы тѣ простыя истины, которыя мы наблюдаемъ при паденіи камня, при ударѣ двухъ бѣлладарныхъ шаровъ, или при химическомъ измѣненіи — явленія механическимъ — оказались бы недоступными для объясненія».

«Естественно, что нѣтъ только наука могла дойти до такихъ обобщеній, а въ ней должна была зародиться мысль о синтетической философіи; то есть о такой философіи, которая, не рассуждая болѣе о «сущностяхъ», о «мировой нась», о «вѣчной жизни» и тому подобныхъ синахъ, и отвѣщаясь отъ ошеломляющей природы антропоморфизма, представляла бы собой свободъ и обобщеніе нѣкихъ нашихъ явленій философіи, однихъ словомъ, которая, исходя отъ простого къ сложному, давала бы нѣкую не пониманно всей истинѣ, во всей ее жизни, и тѣмъ самымъ давала бы орудіе и явное средство изслѣдованія того, чего мы еще не знаемъ, и для открытія соотношеній (такъ называемыхъ законовъ), нава еще не открытыя, — а также изобрѣтенія въ справедливости нашихъ заключеній, какъ бы они ни расходились съ ходячимъ въразумудамъ».)

Само собою ясно, что развѣ философія опредѣляется, какъ сводъ и объединеніе всѣхъ нашихъ знаній, разнѣ она включается въ опредѣленные рамки и строго ограничивается, то такое опредѣленіе, которое поимамъ вадать философію должно отразиться на постановкѣ всѣхъ философскихъ проблемъ. Иные и рѣше всего оно отражается на постановкѣ проблемъ духа. Въ этой области, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ областяхъ, акючить всѣ явленія, отъ томъ числа и сознана, въ такія рамки, которая позволяютъ бы изучить всѣ явленія однимъ общимъ методомъ, чтобы, иначе говоря, не приходилось иблнать методы, когда отъ міра физическаго переходили въ міру психическому. Выше приведенная цитата ясно указываетъ на это.

Кажется, онъ сомнѣнія тотъ фактъ, что жизнь вселенной характеризуется постоянными измѣненіями и прѣ, сохраненіи полной преемственности между являющимися явленіями; такъ что предыдущее

состояніе, не будучи тождественнымъ съ послѣдующимъ, однако-жъ, предшествуетъ а подготовляетъ его. Явленія вселенной обуславлены, или еще яснѣе, обуславливаютъ другъ друга. Никакая метаназина, за исключениемъ грубо религіозныхъ, не отрицаетъ въ настоящее время того детерминизма, пока, конечно, рѣчь не адетъ о «духѣ»; но какъ только рѣчь идетъ о челоѣческомъ духѣ, детерминазмъ, которому подчиняются всѣ явленія природы, сразу теряетъ всю свою силу, духъ выделяется, азымается въ природу, къ нему общие законы становятся непримѣнимыми, для него создается особое привилегированное положеніе. Начинается дѣленіе міра на двѣ рѣзно обособленныя части: міръ вульгарный, мертвый природы — матерія, а міръ духовный, возвышенный, привилегированный. И вотъ тутъ-то и кроется величайшая заслуга материализма, который смѣло возсталъ противъ этой привилегіи, отпихнулъ, можетъ быть, немого грубо, челоѣческій духъ въ природу и подчинилъ его общимъ законамъ. Кроуѣ того, онъ, именно онъ, оказалъ челоѣческому духу немомѣрную услугу, давъ ему увѣренность въ себя самомъ, въстѣ въ науку духъ критики, пылавъ, расцвѣтъ оптимизма наукъ, освобождая ихъ отъ гнета сверхъестественнаго. Подлинная заслуга материализма заключается въ этомъ, а не въ его наивномъ реализмѣ, который не устоялъ противъ той самой науки, расцвѣтъ которой онъ такъ сильно содѣйствовалъ. Самъ онъ былъ принужденъ эволюционировать и принять формы, лучше соответствующія требованіямъ времени и состоянію опыта.

«Человѣкъ представляетъ собою теперь для психолога множество отдаленныхъ способностей, множество независимыхъ стремленій, равныхъ между собою, функционирующихъ независимо другъ отъ друга, постоянно взаимодействующихъ другъ друга, постоянно находящихся на противорѣчій между собою. Иными словами, челоѣкъ представляетъ современному психологу, какъ вѣчно измѣняющаяся разнородная система изъ этихъ разнородныхъ силъ, силъ, этихъ независимыхъ стремленій мозговыхъ вѣтвей и нервныхъ центровъ. Все они связаны между собою и аютъ другъ на друга, но каждая и каждая знаетъ своею независимое знаніе, не подчиняясь ниваному центральному органу, никакой души».)

Сознаніе едино, но оно никогда не тождественно себѣ самому, какъ и всякое живое существо; впрочемъ, оно являемъ является постоянно; характеръ единства сообщается ему постояннымъ взаимодействиемъ, постояннымъ уравновѣшиваніемъ «множества отдаленныхъ способностей». П. А. Кропоткинъ, не раздѣляя міра химическихъ явленій отъ міра физическаго, естественно долженъ видеть единство въ ихъ воздѣйствіи и противодѣйствіи. Во всѣхъ вопросахъ мировоззрѣнія онъ избѣгаетъ односторонности; мы нигдѣ не встрѣчимъ у него понатки свести все къ одному единому фактору. Наоборотъ, онъ стремится объяснить явленія, ась явленія, всей суммой воздѣйствій и противодѣйствій различныхъ причинъ. Слѣдовательно, понатъ и представлятъ въ синтетично-научной формѣ всѣ явленія природы, въ томъ числѣ и сознана, являются характерны и чертой мышленія П. А. Кропоткина.

Мы, конечно, знаемъ, что, въ нѣ психо-физическій параллелизмъ, такъ и всѣ теоріи близки къ нему, подергаются критикѣ. Это явилось естественно: психология лишь теперь складывается въ науку, ее построение далеко не закончено; быстрая сѣнка теорій въ области научной психологии является показателемъ того, что происходитъ глубокая работа, строится основаніе новой науки. Намъ важно знать о законахъ направленій критика вадеть свою работу. Дѣлается она tabula rasa изъ всего того, что застояло, и стремится построиться все заново, или же работа ея адовится лишь въ томъ, чтобы привести въ порядокъ все унаслѣдованное ею.

Открытій прежде всего, что методъ изслѣдованія не пѣмнень; происходитъ явнѣ чистка стараго

материала и нахождение новаго, результатомъ чего явилось окончательное устраненіе того дуализма, который старый метафизическій рационализмъ старался установить между духомъ и природой. Духъ окончательно включенъ въ природу, онъ слѣдсвенно достояніемъ оптимизма, какъ всѣ прочія явленія природы. Если материализмъ, въ лицѣ Фохта, облекъ новую философію въ извѣстную грубую формулу: «челоѣкъ мыслитъ точно такъ, какъ пень въ выдѣлѣть желчь», нужно признать, что эта грубость была необходима. Можно утверждать, — рисикъ тутъ небольшой — что Фохтъ пренебрежно понималъ, что выдѣленіе желчи и мышленіе не одно и то же, но чисто «педагогическій» соображеній заставили его облекъ свою мысль въ грубую формулу. Нужно было признать его отказавша отъ своего привилегированнаго положенія и занять скромное мѣсто въ ряду другихъ явленій природы.

Далѣе, современная научная психология отвергаетъ психологическій атомизмъ, также какъ ассоціационистскій вымизмъ и стремится строго установить преемственность сознанія. Слѣдствие слѣдуетъ за причиной не какъ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, а какъ явленіе, которое превращается въ слѣдующее явленіе, и такъ безпрерывно. Она строится при помощи опыта метода — естественно-научнаго. Это входитъ понатно; можно-ли отказавша въ области психологии отъ того метода, который далъ столь блестящіе результаты во всѣхъ другихъ областяхъ? Если что нибудь добыто въ смыслѣ знанія, добыто этимъ методомъ, ему же должно принадлежать рѣшающее слово и въ области изученія взаимоотношеній психическихъ и физическихъ процессовъ.

Наконецъ, что мы знаемъ о механизмѣ мышленія? Лишь то, что биогеніческіе и психологическіе процессы связаны тѣлой системой взаимоотношеній. Изученіе механизма мышленія прероащается въ его естественную исторію. Все стало быть, и механизмъ мышленія долженъ изучаться въ одной плоскости со всѣми другими явленіями природы, могущими другъ друга взаимно обуславливать. Такимъ образомъ мы приходимъ къ изученію опыта, къ его критикѣ, къ его критикѣ. Вотъ, что пока отговаривано у метафизика, и не мало. Въ эту работу П. А. Кропоткинъ внесъ свою лепту.

«Какихъ образомъ благородный истомокъ Рерикъ и Ротшильдъ Монсиенскій Сѣбитъ, извѣстный князь Кіевскій, знатный баринъ, носившій гербъ княжества Смоленскаго съ панной Монашкой на горностаевомъ волѣ, сытъ князь Алексѣй Кропоткинъ, полковникъ и коммандантъ, аявляющій въ трехъ губерніяхъ тысячи душъ отъ души — не считалъ меньше — и обширныя пространства земли, хозяина пятидесятъ слугъ въ городѣ и аявляющій пяти въ деревнѣ; наконецъ, аявляющій Иннокаій I одноклѣ, познана на руки и показавъ несеніемъ Маріи Алексѣевны, чтобы она поадрала ему такого же красиваго и сланиаго внука; подростокъ, посчитавшійся въ знатномъ Писемскомъ Корнѣ, при дворѣ, почти на глазахъ императорской фамилии; юнша, который знавшій бы императора собственнымъ тѣломъ, если-бы аявлять, что ему грозить рука нагребшій, и который брошенъ за нѣмъ, поперѣи требованій, иуда считалъ его въ описи, за что получилъ неизвѣстную похвалу: «За дѣсь? Молодецъ...», какъимъ образомъ усердный почитатель поэтовъ, самъ авторъ нѣколыхъ поѣтъ, любитель театральнаго искусства, настолько возгорѣвшій послѣ первыхъ аявномѣнствъ, что ибноторою премія мечталъ поступать на службу; какъимъ образомъ, путешественникъ, знатный географическіи, этнографическіи и этнологическіи знатчикъ, изслѣдователь Мамлюковъ, членъ и секретарь Петербургскаго географическаго общества — слѣдсвенно послѣдній аявномѣнствъ Бородинымъ, которого познѣи аявномѣнствъ въ Петропавловскую крѣпость, Левашевымъ, который пыскавшійся въ Лондонѣ, чудеснымъ образомъ бѣжалъ изъ погоннаго госпиталя, отъ штатовъ часовыхъ, агитаторомъ, которого аявномѣнствъ въ тюрьму во Франціи, оскорбленнаго словомъ арестованнаго людей, среднотомъ который родился въ аявномѣнствъ и герцогъ — дворянъ шир,

которому служилъ въ котораго любилъ; авторомъ, писателемъ, Ричей революціонера и Завоеванія хлѣба!».)

До, какимъ образомъ П. А. Кропоткинъ совершилъ такой крупный поворотъ, какія томы, переименіи толкнули его на это? Развѣ это не сложная психо-логическая проблема? Не аявномѣнствъ бы были тѣ оныства, которае оказало у него послѣдствіи. Золотыя революціонера отбѣивающіе на этотъ вопросъ. Изъ этой книги мы узнаемъ, что душевный переломъ готовился въ П. А. Кропоткинѣ мило по малу. Равновѣсѣ нарушилось между нимъ и окружающею средою, вра страданія, исканія начала, выходъ въ ту или иную сторону долженъ былъ найтись. Вие, что онъ видѣть вокругъ себя, по тѣлоу неспособно возстановить нарушенное равновѣсѣ и устранить переживаемое нѣмъ душевные конфликты, но, наоборотъ, усугубляетъ и обостряетъ ихъ. Полнѣйшее безсилье дѣлаетъ что-нибудь такое, что могло бы удовлетворить его порывы, его стремленія, еще болѣе обостритъ его желаніе найтѣ выходъ. Орли, въ которъ онъ живетъ, противуаюающъ нѣмъ его порывамъ и мѣшатъ ему жить и дѣйствовать «по своей мотѣ». Чѣмъ ближе онъ подходитъ къ жизни, тѣмъ явнѣ видѣть передъ собою громаднѣе дѣло, но способи, которые рекомендованы для его выполнения, безнадѣжно плохи, бессилены и безмысленны; нѣ люди ни правдивѣе, которахъ онъ видѣть на дѣлѣ, не аявномѣнствъ ему доврѣи; не то дѣлается, не то чувствуется, что нужно дѣлать и чувствоваться. Что дѣлать, гдѣ и въ чемъ искать выхода? При такихъ условияхъ въ жизни челоѣкъ поступаетъ такой мотѣ, отъахъ болѣзненныхъ оцѣнокъ, что онъ долго въ нерѣшительности оставалъ не мотѣтъ гармонія нарушена, еа нужно аюаоаоаоаоа. Способности къ дѣйствію въ такихъ случаяхъ, благодаря множеству и разнообразію воспріимчивыхъ оцѣнокъ, увеличиваются, вся нервная система находится въ до крайности напряженномъ состояніи, вилы накоплены, сознаніе, какъ бы сказать, зарядно. Всѣ эти оныства вънутреннія силы должны непрерывно выжматься, для этого достаточно махнѣтѣи поводъ. Въ такомъ душевномъ состояніи П. А. Кропоткинъ, въ «англійскихъ гдѣтеряхъ, аявномѣнствъ лицомъ въ аявномѣнствъ безвѣстной, полуголовой жизни крестьянъ; вся она протрала передъ нимъ со всей своей силой, со всей аюаоаоаоа; и та картина жизни и труда чарола, которую онъ видѣть тогда передъ собой, дала послѣдній толчекъ его мнѣнію, его чувствамъ... Эволюція мало по малу доврѣла, взоры не замолчали вослѣдствіемъ. Естественно процессомъ, проблема аюаоаоаоа, обострилась, она должна была быть или разрѣшена или устранена. Психологическую проблему о аюаоаоаоа и противодѣйствіи системѣ биогеніческихъ и психическихъ процессовъ П. А. Кропоткинъ аявномѣнствъ своею собственною духовною эволюціою. Доктрина и челоѣкъ, тутъ, какъ лѣздъ, составляютъ одно дѣло.

Такое-же цѣлостно, такъимъ-е синтетическимъ характеромъ отличающаеся аявномѣнствъ П. А. Кропоткина на исторію, вообще, и на взаимоотношенія личности, группъ и массъ въ народныхъ движеніяхъ о аюаоаоа. Если мыслитель для объясненія историческаго аюаоаоа и тѣхъ или иныхъ историческихъ событий о аюаоаоа, старается измѣнить значеніе нѣкихъ фактовъ, учесть значеніе всѣхъ условій, всѣхъ причинъ, ато не значить «замызаніи» противорѣчій. Наоборотъ, стремленіе къ опредѣленію всѣхъ условій, измѣняющихъ данное явленіе и аюаоаоаоа его то или иное направленіе, тотъ или иной характеръ и являеся залогомъ того, что противорѣчія въ толкованіи исторіи будутъ доводены до возможнаго минимума.

*) Тамъ же.

*) «Современная наука а аявномѣнствъ». Кроуѣ словъ «синтетической философіи» — все оставшее подчёркнутою К. О.

*) «Анархія, ея философія, ея идеалъ». Курносъ нашъ, К. О.

*) Рав. «La Philosophie molerene».

*) Тамъ же.

*) Де-Роберти. Пётръ Кропоткинъ (личность и доктрина).

вамъ создавать себѣ тѣ или ниня психологическія иллюзіи, но, вѣдь, иллюзіи гибнуть.

Унылый русскій поэтъ хорошо передалъ взглядъ пессимистовъ, увѣряющихъ, что человекъ всегда «жалокъ и слабъ», ибо его дѣйствія предопредѣлены; онъ же самъ ничего не предопредѣляетъ:

«Съ воплемъ, бессилая, съ крикомъ печали,

«Жалокъ и слабъ онъ явился на свѣтъ.

«Въ это мгновеніе ему не сказали:

«Выборъ свободенъ, живи или нтъ»».

И это фатальное мгновеніе было звеномъ въ длинной цѣпи. Всѣ событія жизни — большія и «маленькія» — одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, что человекъ всегда и повсюду игрушка въ рукахъ виѣшнихъ силъ. Разумѣется, это же воззрѣніе пессимистъ переносятъ и на всю человѣческую исторію. И надо сознаться, что есть такіе эпохи въ исторіи человѣчества, которыя отчасти оправдываютъ подобныя воззрѣнія. Это тѣ періоды, когда насильники переходятъ всѣ возможныя границы, а народъ «безмолвствуетъ». И эта тупая покорность массъ вызываетъ чувство боли, возмущенія. Появляются признаки отчаянія:

Ты проснешься-ли, исполненный силъ,

Иль судьбѣ повинаясь закону,

Все, что могъ, ты уже совершилъ, —

Создать пѣнію, подобную стону

И духовно на вѣки почилъ.

Можно смѣло сказать: вся дѣятельность Кропоткина, — какъ бы яркій, проникновенный отвѣтъ Некрасову: «Вонъ тамъ на берегу озера стоитъ другой крестьянинъ и поетъ что-то до того прекрасное, что лучшій музыкантъ позавидовалъ-бы чувству и выразительности его мелодій» («Записки револ.»). Нѣтъ — какъ бы говоритъ Кропоткинъ: — даже въ дни бѣдствій творчество народа не изсякаетъ настолько, чтобы ограничиться созданиемъ «пѣни, подобной стону». И тутъ мы вплотную подошли къ отвѣту на вопросъ: почему такъ чуждъ пессимизмъ Кропоткину.

Пессимизмъ предполагаетъ отсутствіе творчества въ исторіи. Кропоткинъ утверждаетъ, что исторія, прогрессъ — продуктъ безмянаго массового творчества. Исно, что міросозерцаніе Кропоткина и міросозерцаніе пессимистовъ базируются на противоположныхъ положеніяхъ. Если бы въ мірѣ совсѣмъ не было творчества, то пессимизмъ имѣлъ-бы прочное основаніе. Если бы, наконецъ, это творчество концентрировалось только въ верхахъ, то было-бы понятно пессимистическое отношеніе къ роли массъ; но вѣдь не правы тѣ, которые утверждаютъ, что творятъ только единицы. Взглядъ Кропоткина можно было бы формулировать такъ: «не герои лишь, не одни лишь ученые, и ужъ нѣвѣрное не государство, не судьи, не палачи сохранили, обогатили, обогородили жизнь на землѣ; требовались усилія сотенъ тысячъ невѣдомыхъ, безмяныхъ тружениковъ; творческой инициативой массъ были созданы обычаи, нормы, регулирующія и облагораживающія общественную жизнь. Вамъ восхваляютъ героев; но изслѣдуйте тщательно, любовно изучайте, и вы убѣдитесь, что творчество и воля массъ служили источникомъ свѣтлой мысли. И даже въ глущую полночь, когда кругомъ царитъ мракъ, мысль народная неустанно работает, и эта работа дѣлалась исходной точкой новаго подъема».

А если это такъ, то вѣдь понятно, до чего, должна быть чуждой П. А. Кропоткину логика пессимизма!

И вотъ что важно помнить. Подъ творчествомъ многіе разумѣютъ нѣчто торжественное, особенное, пышное... Что бы творить, необходимо, что бы «поетъ», потребовалъ «къ священной жертвѣ Аполлона»... Не таково народное творчество, о которомъ говоритъ П. А. Кропоткинъ: Это творчество не воплещъ воли, не капризная мечта жреца, который въ руки «метлы не беретъ». Творчество народное тѣсно связано съ реальною, практической жизнью, оно незримо, глубоко проникаетъ матерію исторіи. Народное творчество имѣетъ свои законы, свои приливы и отливы. Часто тотъ, кто, казалось-бы, то лишь и дѣлаетъ, что «механически ржакой лопатой мерзлую землю долбитъ», подымается, свергаетъ его

устарѣлыхъ обычаевъ, ненавистныхъ законовъ, властей тупыхъ и надменныхъ тирановъ.

Но и въ тѣ дни, когда, казалось-бы, погасъ свѣтъ разума, изсякла энергія, замерла воля — и въ эти дни творчество народное не глохнетъ, а только уходитъ въ глущь; а тамъ въ глубинѣ, происходитъ глубокий процессъ накопленія, настанія силъ. Эти силы, освобожденные, и создадутъ новую жизнь, свѣтлую и радостную...

Ни эпоха застоя, ни временная покорность массъ не въ силахъ надломить вѣру Кропоткина, ибо онъ чувствъ безпрерывное творчество исторіи. И не это-ли чутье объясняетъ намъ, почему Кропоткинъ такъ легко преодолѣлъ «конфликтъ» между стремящейся къ самутвержденію личностью и массой? Больше: не становится-ли яснымъ, при какихъ условіяхъ это, какъ-бы объективно существующій, конфликтъ дѣлается призрачнымъ, исчезаетъ? Конечно, если народъ — лишь сырой матеріалъ, если масса — только *предбываетъ* аа землѣ, но не *творитъ*; если огонь творчества горитъ только въ душѣ отдѣльной личности, — тогда понятно враждебное отношеніе личности къ чуждой ей стихіи — массѣ. Волей-неволей приходится уходить въ «культурный скитъ» и тамъ, въ уединеніи, вдали отъ массъ, культивировать свое «я». Но если масса — творитъ, если она, на своихъ плечахъ выноситъ борьбу съ *нетворческими* силами исторіи — государствомъ, закономъ, то ясно, что роковая, яко-бы фатальная, противоположность, между творческой личностью и творящей массой исчезаетъ. И изъ поставленный выше вопросъ мы можемъ отвѣтить такъ: *творческіе инстинкты* *влекутъ* П. А. Кропоткина къ одной стихіи — къ *вѣчному источнику творчества* — къ *народу*. И онъ идетъ къ народу не какъ повелитель, а какъ равный къ равному. Кропоткинъ такъ опредѣляетъ свои задачи среди народа: «Распространять среди нихъ (работниковъ) идеи, способныя направить ихъ усилія къ благу всѣхъ работниковъ вообще; углубить и расширить идеалы и принципы, которые послужатъ основой будущей соціальной революціи; равнять эти идеалы передъ работниками, — не какъ приказъ, исходящій отъ главарей партій, но какъ послѣдствіе ихъ собственнаго размышленія; и, наконецъ, пробудить ихъ собственную инициативу. Теперь, когда работники признаны на арену исторіи, чтобы выработать новый и справедливый строй» (358 «Зан. рев.») вотъ задача, выполненіе которой способствуетъ «развитію человечества».

Надуманной и лживой покажется ему вся эта, яко-бы фатальная, противоположность между эгоизмомъ и альтруизмомъ. Онъ даетъ указанія, какъ и при какихъ условіяхъ счастье личности сливается съ благомъ рола. «Будь силенъ; будь великъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ; развивай свою жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ; будь, насколько это возможно, богатъ энергіей и для этого будь самымъ общительнымъ, и самымъ общительнымъ существомъ, — если только ты желаешь наслаждаться полною, цѣльною и плодотворною жизнью. Постоянно руководясь нироко развитымъ умомъ, борись, рискуй — рискъ имѣетъ свои огромныя радости; смѣло бросай свои силы, давай ихъ, не считая, пока онѣ у тебя есть, на все то, что ты найдешь прекраснымъ и великимъ, — тогда ты насладишься наибольшею суммой возможнаго счастья. Живи за одно съ массами, и тогда, чтобы съ тобой ни случилось въ жизни, ты будешь чувствовать, что за одно съ твоимъ бьются тѣ именно сердца, которыя ты уважаешь, а *противъ* тебя тѣ, которыхъ презираешь».

П. А. Кропоткинъ сумѣлъ на дѣлѣ показать, что начертанный имъ «планъ» жизни осуществить возможно. И если жизнь его и мысли его такъ прекрасны, то это потому, что П. А. Кропоткинъ не чуждался, а жилъ, «за одно съ массами». И творческія усилія его не пропали даромъ: онъ сдѣлался «красноулынымъ каменемъ *будущаго строя*».

Розинъ.

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:

Zürich, Poste Bahnhof, Postfach 15498.

РАБОЧИЙ МИРЪ

Издание Цюрихской группы анархистов-коммунистов „Рабочий Миръ“.

Дух разрушающий есть дух создающий.

БАКУНИНЪ.

Годъ I.

15-ое Февраля 1913 г.

№ 5.

Отъ редакціи.

(Кое что о задачахъ газеты «Рабочий Миръ».)

Намъ получилъ первый рядъ писемъ, въ которыхъ товарищи высказываютъ свое отношеніе къ «Рабочему Миру».

Все сдѣланныя замѣчанія могли бы быть коротко сформулированы такъ: «Рабочий Миръ» не прикованъ къ уровню развитія широкихъ массъ, а имъ необходима газета, которая была бы доступна пониманію русскаго рабочаго.

Мы полагаемъ, что подобнаго рода указаніе основано на недоразумѣніи. Товарищи, конечно, правы: «Рабочий Миръ» не является органомъ для широкихъ массъ. Никто также не сомнѣвается въ томъ, что созданіе рабочей и крестьянской газеты является всецѣлою необходимостью. Больше того: много, быть можетъ, нашихъ слова покажутся ересью, но мы полагаемъ, что если бы была хоть малѣйшая возможность создать такой легальный рабочий органъ, то надо было бы приложить все усилія къ тому, чтобы эту возможность использовать. Правда, пришлось бы приспособиться къ проклятіи достойнымъ русскимъ условіямъ, но мы думаемъ, что при извѣстной талантливости, умѣнии все-же можно было бы, въ такомъ органѣ, познать широкіе слои рабочихъ съ основными положеніями нашего міросозерцанія и тактики, хорошо же поставленная иностранная хроника дала бы рабочимъ точное и ясное представленіе о принципахъ и формахъ организаціи западно-европейскаго революціоннаго рабочаго движенія. Только такой органъ былъ бы массовымъ не на словахъ только, а на дѣлѣ.

Можетъ ли мечтать о чемъ либо подобномъ «Рабочий Миръ»? Конечно нѣтъ. Не будемъ обольщаться иллюзіями: у насъ нѣтъ связей среди широкихъ массъ! Увы, нѣтъ даже ясной связи съ тѣми немногочисленными товарищами, которые и теперь продолжаютъ пропаганду идей анархизма въ Россіи. Есть ли у насъ та организація, которая брала бы на себя тяжелый трудъ распространенія органа среди массъ? — Нѣтъ! Зачѣмъ же мы будемъ «дѣлать видъ», будто пишемъ для широкихъ массъ? Намъ, наоборотъ, слѣдуетъ избѣгать ошибокъ, которыя дѣлаютъ нѣкоторыя революціонныя газеты: писать такъ, какъ будто ихъ читаетъ широкая масса. Но это — самообманъ. Нестестенность занятой позиціи заставляетъ пишущихъ повторять — аяло, безжизненно — никому испуживая, азбучныя истины.

Намъ скажутъ: «если дѣло обстоитъ такъ, то зачѣмъ тогда издавать органъ?» Такое мнѣніе — ошибочно. Мы считаемъ сотоварищей, именующихъ себя анархистами-коммунистами. Они пережили опытъ русской революціи. Намъ было много въ дни великой битвы. Теперь ряды наши порѣдѣли: одни просто анархизму измѣнили и «продали шпагу свою», другіе ушли въ кавалію полуканархическія организаціи. И все таки, не мало еще стойкихъ товарищей. Готовыхъ, при первой возможности, возобновить борьбу. Для нихъ то и стоитъ издавать органъ. Не забудемъ и того, что заграничій живетъ масса рабочихъ не анархистовъ, живо интересующихся вопросамъ — какъ мы учитываемъ опытъ прошлой революціи. Изъ выше сказаннаго не слѣдуетъ, что мы рассчитываемъ только на «заграницу» — нѣтъ. Намъ «Рабочаго Мира» и сейчасъ — въ крайне незначительномъ, правда, количествѣ — попадаютъ въ Россію. Мы надѣемся, что со временемъ доставка въ Россію будетъ лучше организованна. Но, вѣдь, «Рабочий Миръ» попадаетъ въ руки наиболѣе сознательныхъ товарищей, — о широкихъ массахъ говорить пока не приходится. И съ этимъ фактомъ газета должна считаться, конечно. И здѣсь-то мы подходимъ вплотную къ вопросу о задачахъ «Рабочаго Мира».

Все согласится съ нами въ томъ, что намъ необходимо по возможности полнѣе учесть опытъ русской революціи. Намъ ка-

жется, что раньше всего необходимо поставить діагнозъ, опредѣлить, чѣмъ болѣло молодое анархическое движеніе. «Рабочий Миръ» отаѣтилъ такъ: не было соответствія между максималистическими словами, идеями и дѣломъ. Отсюда — колесакія, смутное недовольство и раздвоенность.

И въ первомъ же № «Рабочий Миръ» указывалъ на то, что русскіе анархисты формулировали свои задачи крайне неопредѣленно: явно наблюдалось колебаніе между максимализмомъ и минимализмомъ. Констатируя наличие, правда, слабыхъ, минималистическихъ тенденцій даже среди анархистовъ, «Рабочий Миръ» долженъ былъ поставить вопросъ — является ли минимализмъ въ анархическихъ рядахъ случайнымъ явленіемъ, временнымъ отклоненіемъ отъ принциповъ со стороны представителей той или иной фракціи — нѣтъ! Минимализмъ въ исторіи вообще и въ революціонномъ движеніи въ частности — глубокое, постоянное явленіе; чтобы его побѣдить, — необходимо знать корни этого минимализма. И во второмъ № «Рабочаго Мира» (см. Передъ выборами) мы указали, что «всегда въ народѣ боролись и борются двѣ стихіи — минимализмъ и максимализмъ. Не депутаты и интеллигенты минимализмъ «придумали»; онъ какъ смерть, какъ эпидемія, вѣчный спутникъ исторіи». Демократія — не вѣчное зло; почвой для нея служатъ, народомъ же порожденный, минимализмъ. И если бы народное творчество вылилось бы только въ форму минимализма, то демократы-минималисты съ полнымъ правомъ могли бы считать себя единственными представителями народа. Но это не такъ. «Если народный минимализмъ — писали мы въ третьемъ № «Рабочаго Мира» — («На очереди») «факторъ въ исторіи, — то, вѣдь, такимъ-же факторомъ, хотя менѣе очевиднымъ, является максимализмъ». Въ той же статьѣ мы пытались выяснить ясное отношеніе къ демократіи, устранить цѣлый рядъ возраженій, столь часто, но недоразумѣнію, выставленныхъ противъ максимализма. Для насъ важно было указать и на то, что нашъ максимализмъ — не плодъ «голой» абстрактной революціонности; онъ порожденъ не желаніемъ «отмечиваться отъ демократіи во что-бы то ни стало». Наша максималистическая позиція имѣетъ глубокіе корни въ массѣ; она-же вытекаетъ изъ нашего пониманія сущности прогресса. Позволимъ себѣ думать, что эти вопросы заслуживаютъ глубокаго вниманія; что «Рабочий Миръ» имѣетъ нравственное право — требовать критики по существу.

Увы, до сихъ поръ мы такой критики не встрѣтили... Не можемъ мы признать заслуживающимъ вниманія упрекъ такого рода: «Рабочий Миръ» — органъ для интеллигенціи: онъ разрабатываетъ, молъ, «интеллигентскіе вопросы». Отвѣтимъ коротко: *все затронутые нами вопросы волнуютъ каждого сознательнаго анархиста-коммуниста. Безъ яснаго отвѣта на нихъ — нѣтъ плодотворной дѣятельности среди массъ.* Дальше «Рабочий Миръ» не является органомъ той или иной фракціи; мы полагаемъ, что вышеупомянутые вопросы тѣсно связаны съ постановкой нашей практической работы, должны обсуждаться всеми товарищами, безъ различія фракцій.

Здѣсь мы подходимъ къ другому упреку, направленному по адресу «Рабочаго Мира».

Нѣкоторые думаютъ, что органъ долженъ быть фракціоннымъ; а то выходитъ, что «всякъ молодецъ на свой образецъ»; одинъ пишетъ за синдикализмъ, другой — противъ. Мы признавали и признаемъ нѣлесообразность существованія фракціонныхъ органовъ. Мы противъ объединенія во что бы то ни стало, разъ для такого объединенія нѣтъ достаточныхъ принципиальныхъ основаній.

Но, вѣдь, и это положеніе не должно сдѣлаться догмой. Есть такіе моменты, когда спорные вопросы могутъ съ успехомъ обсуждаться въ одной газетѣ. Не умно и не практично затуманивать фракціонныя разногласія тамъ, гдѣ они имѣются и гдѣ онѣ являются продуктомъ различнаго пониманія

Итакъ, революціонное творчество, какъ экономическое, такъ и политическое, требуетъ предварительнаго кореннаго разрушенія предшествовающаго революціи строя и волею, хотя бы временнаго, разрушенія власти. Ищи послѣ этого основнаго шага можно начать ту творческую работу, которая положитъ начало новому строю.

«Духъ разрушенія есть въ то же время созиданій духъ», потому что созидательныя революціонныя разрушенія ищутъ, что предварительное разрушеніе стараго есть необходимое условіе для творчества новаго.

Всякая подлинно великая революція охватываетъ параболу отъ разрушенія къ творчеству. Вся творческая работа до революціоннаго періода сводится къ тому, чтобы подготовить слои, способные съ одной стороны довести дѣло разрушенія до конца, а съ другой — извлечь изъ «моральной» массы, въ которую привадело общество разрушеніемъ, все годное и цѣнное для отрожденства будущаго.

К. Орлеанс.

ОБЗОРЪ РЕВОЛЮЦИОННАГО ДВИЖЕНІЯ.

Контора для приѣма ренегатовъ.

Часто въ движениі приходилось и понынѣ приходится встрѣчаться съ людьми, которые говорятъ: на что всѣ эти прыжки, вѣдь, намъ не слово важно, а дѣло; будемъ работать, дѣлать, а тамъ жизнь сама определитъ характеръ нашей дѣятельности, и, будучи спокойны, позаболитъ и о томъ, чтобы найти для насъ подходящую личку. Къ тому же это слово анархія однихъ пугаетъ, а другихъ связываетъ, исключаетъ укъ въ оченъ унылѣ рамки. Зачѣмъ связывать жизнь разными теоріями, она слишкомъ широка, чтобы можно было имѣть ее въ кануны бы то ни было, теорію, даже самую широкую. Съ перваго раза разсужденіе это кажется логичнымъ, правильнымъ, даже присадымъ; но была въ томъ, что та самая жизнь, въ которой называютъ такъ разсуждающіе люди, самымъ неестественнымъ образомъ опровергаетъ ихъ, показывая на фактахъ, въ дѣлѣ, что болѣею частью ихъ «логика», сплетенная изъ ряда хорошо подобранныхъ соизмовъ, прикрываетъ грубую фальшь, слепреную болѣею порціе лицемерія. Изъ рядовъ этихъ «широкихъ» людей, не желавшихъ связывать себя ярыжками, не желающихъ ограничивать жизнь «узкими рамками теоріи», протестующихъ противъ теорій во имя «дѣла», кричащихъ благимъ матомъ съ задорной дѣловитостью противъ «любвишниковъ» идеала, любви занятыхъ «лишь созерцаніемъ своего собственнаго пупа» и «разрѣзываніемъ воздуха на четыре части» и выходящихъ ренегатовъ. Таіе безличные социалісты и полунанархисты въ массахъ, стремящіеся подвать рабочимъ не до уровня сознательнаго анархиста, а, наоборотъ, спустить анархиста до уровня безличныхъ социалістовъ, полныхъ и невольныхъ, шаткихъ и въ дѣйствіи, походящихъ и у насъ, но не о нихъ тутъ рѣчь. Иные положеніе мы будемъ иллюстрировать фактами, взятыми изъ французскаго революціоннаго движенія.

Вокругъ стивавшей себѣ немалую вѣстность газеты «Guette Sociale» мы имѣли цѣлую группу такъихъ «аэрионныхъ» людей, которые, во имя «дѣла» и въ качествѣ протестаго противъ «идеологическо-теоретиковъ», и объединившись вокругъ этой газеты; они упорно отказывались напечатать на себя опредѣленные ярлыки, строго ограничить себя принципами и тѣмъ окончательно смечъ за собой корабль. Эти «Эрвентеские молады» по «стоимости» своихъ принциповъ въ чѣмъ чѣмъ и уступаютъ «гунискимъ моладамъ». Какъ тѣ, такъ и другіе оченъ много толковали и толкуютъ еще о своей «работоспособности» и практичности и во имя этой работоспособности къ практичности барахлюють въ самомъ пошломъ, въ самомъ ничтожномъ и разнузданномъ ренегатствѣ. Семидѣткая дѣятельность «Guette Sociale» закончилась, какъ и предвѣдѣли многіе изъ насъ тѣмъ, что люди «дѣла», сгруппировавшись вокругъ этой газеты сбросили, наконецъ, маску и — что вверхъ цинизма — во имя той дѣловитости открыли контору для приѣма и записи ренегатовъ объединенную социалистическую партію.

Растакеры всякихъ сортовъ и масштбовъ, будущіе шаржеры-макеры, не найдешъ въ анархизмѣ мѣста для примѣненія своихъ талантовъ; астетъ и пошты безъ астетичности

безъ рѣкмы, голодные, искашіе въ социализмѣ уныло ома реальныхъ переполювъ и нашедшіе въ анархическомъ дѣйствительности лишь суровую борьбу за идеалъ, голодъ къ рикетъ идеальныхъ гонимъ; бездѣляны, стремившіеся пристроиться къ чѣмъ угодно своему отринувъ, что оставалось анархизмомъ, некая создать себѣ карьеру; жаждавшие славы и извѣстности и убивавшіеся на дѣлѣ, что анархизму трудно, слышномъ трудно создать себѣ славу, ибо его идеалъ крайне жестоко возстаеъ противъ всего сущаго, ибо рѣзка и неутомима его критика, распространяющаяся на всѣ «святая святыхъ» существующаго режима; «Робеспьеры въ туалѣхъ», «безсальные Мараты», вѣхуки революціи и, наконецъ, рать голодная, которую анархизмъ не можетъ корнѣть, уходитъ черезъ контору «Guette Sociale» въ социалистическую партію. Сквернѣею дорога! Тамъ асѣ они падаютъ теплымъ арію, тамъ частые и близко и возможно, тамъ не приходится жертвовать настоящимъ во имя нежданаго будущаго, тамъ арамашають Браны, Винами, Миллераны, Деман, Отаньеры и т. д. и т. д.

Не помню, кто оказалъ, кажется Гюго: «снѣси де юва ест un futur grand homme (каждый изъ насъ будущій великій человѣкъ). Почему же не пометать сладко, въ особенності когда не влское мечтаніе есть «безомысленное мечтаніе». Еще разъ сквернѣею дорога! Спасибо вамъ, господа, что оскѣбили атмосферу и показали на дѣлѣ, гдѣ амъ, подобнымъ элементамъ, настоящее мѣсто.

Попытка расхищенія анархистскихъ силъ.

«Въ нашу эпоху, говоритъ Ж. Гравъ, крайне невыгодно торговать идеалами». Начальная истина! На самомъ дѣлѣ, спростъ на идеалъ значительно уменьшился за послѣдніе времѣя; публича стала надна на сенсаци, на сенсационныхъ ярыжъ, на вѣстномъ рѣзности, на извѣстномъ революціонностъ при внутреннемъ убоекѣ и идеальной «судности». Какіе «американизмы» овладеваютъ міромъ. Практическій, аодушевляющій идеализмъ отоманился на задній планъ все растущимъ «американизмомъ», а что, естественно, должно было и развиваться въ борьбѣ съ тѣмъ теневымъ мыслемъ, которое является наиболѣе киннымъ и неутомимымъ врагомъ «американизма»; и на самомъ дѣлѣ, за послѣдніе 10—12 лѣтъ все было сдѣлано, чтобы анархизму нанести смертельный ударъ. Кое гдѣ безосмысленно, сами анархисты наносили себѣ эти удары: Анархисты доуѣтъ, ничего не беря себѣ замышля, шедро расточаютъ свои силы, «отдають и отдаиваютъ безъ асной гарантіи» свою анергію на всѣя «революціонныя предпріятія». Это великодушіе, и иесть оченъ красивы, но поступать такъ не асела чѣзвѣсноразно. Все можно дати, всесть можно дѣлать, но изъ принципа, изъ самаго анархизма урвать ничего нельзя, нельзя доуѣтъ или тронуть, нельзя сказать: кто и дѣлаю, какъ анархистъ, а это не какъ анархистъ; анархизмъ раздвоенный, анархизмъ раздѣленный уже не анархизмъ. Онъ естъ или его кѣтъ, и тотъ, кто его носитъ въ сознаніи своемъ, долженъ носить его цѣльнымъ и въ жизнь вытѣиваться, лишь въ случаѣ уфренности, чѣ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ никогда не утеришь; иначе лучше отказаться отъ отвѣтственности, которую казаетъ на каждомъ изъ насъ признаніе опредѣленнаго міровоззрѣнія, и довольствоваться «житейской наукой». Расточать анергію, даже съ ибнотворнымъ удѣлствомъ, можно, но при условіи не жертвовать сущностью формъ, не разрывати дѣла, которое събѣтъ великую мѣту. Пока дѣла рѣзную мѣту не сдѣлаю, оно не поможеть никому, и оно не поможеть никому, и оно не поможеть было. Въ чѣмъ оно выразилось? Выразилось оно въ безоглядномъ увлеченіи тѣмъ революціоннымъ процессомъ, развивавшимся движениемъ, развитію котораго анархисты такъ много сами содѣйствовали, въ чѣмъ, конечно, я, сторонникъ атого движенія, упрекать ихъ не имѣю; я ихъ упрекаю лишь въ томъ, что въ атомъ увлеченіи они оченъ редко зашили такъ далеко, что, казалось, сомѣвъ забыли анархизмъ. Но, дѣбъ атомъ мы когда нибудь поговоримъ особю. Тутъ мы остановимся на болѣе непосредственной попыткѣ хищенія анархистскихъ силъ.

Первый похлъ противъ анархизма, послѣ распаденія Интернаціонала, имѣлъ мѣсто на международномъ социалистическомъ съѣздѣ. Анархисты, какъ мы знаемъ, не думали, не стремились къ тому, чтобы ихъ доктрина восторжествовала на атихъ съѣздахъ, они прекресоно знали, что это было невозможно. Они стремились лишь къ тому, чтобы съѣзды эти оставались безархивными, что дадо бы имъ возможность остаться членами съѣздовъ, не отказываясь отъ своихъ правдошвъ. Это могло бы осуществиться, еслибы съѣзды эти признали себя общимъ съѣздамъ всѣхъ социалістовъ безъ разлчія францій, не возмодичимъ въ общепризнательную дог-

му частную доктрину одной изъ нихъ. Иначе, что съѣзды эти превратились въ социалъ-демократическіе съѣзды и объявляя обязательными для всаго социалста парламентскую сутолку и стремленіе къ захвату власти. Такимъ образомъ, для анархистовъ и антипарламентаристовъ дѣръ этихъ съѣздовъ оказались закрытыми. Это была открытая борьба; анархисты оказались побѣжденными, можетъ быть, потеряли десятки дѣла товарищей и полу-товарищей антипарламентаристовъ и только. Но за то это обстоятельство развело имъ руки, — аныгрѣтъ значительно похварьвать промрыши.

Второй похлъ начинается въ 1886 году, когда анархисты, оиончательно отбѣившіеся отъ социалъ-демократіи, устремлялись въ профессиональные союзы, гдѣ та безархивность, которую они хотѣли анысти въ социалъ-демократическіе союзы, даво торжественно, благодаря, главнымъ образомъ, ихъ усиліямъ, чтобы анысти эти чисто рабочіе организаціи то, чего имъ не удалось принять къ социалъ-демократическимъ организаціямъ; а имено, асно асобствѣ стачки, непосредственнаго дѣйствія и революціоннаго духа. Тутъ ихъ работа оказалась куда производительнѣе. И аотъ, когда анархисты стали приобрѣтати вліяніе въ рабочихъ организаціяхъ, когда эти чисто рабочіе организаціи стали оказывать имъ доуѣры, какъ людямъ, не иущимъ въ рабочемъ движеніи яя карьеры, имъ депутатскихъ иресель, и, сдѣлавателно, не могущихъ завеста рабочіе организаціи въ политическія дѣбри; когда они, наконецъ, доказали, что можно быть, по крайней мѣрѣ, ренегатомъ, удержавъ въ извѣстномъ Сьерра, практикомъ, чѣловѣкомъ, оставаясь цѣльнымъ революціонникомъ, тогда начался аходъ противъ анархистовъ съ разныхъ сторонъ. Они начинаютъ курить чинимъ ихъ бытовскому духу, похтъ гимны ихъ революціонности, ихъ безогрыстной преданности рабочему дѣлу, ихъ выскому идеализму, — комментаріи, въ которыхъ анархисты горюко сознаться въ атомъ — не сумѣли отнестись достаточно холодно. Другіе стараются умаищать ихъ значеніе на всемъ, въ томъ числѣ и ихъ работу за послѣдніе 20—25 лѣтъ въ професіональныхъ организаціяхъ и тайнымъ способами стараются нанести имъ смертельный ударъ въ спину; ибнотворы, какъ напирѣмъ, Э. Бертъ, еще оиѣтъ ренегатъ не-американизма, соадинившій Лагардъ и безоглядность. Сорель, стараясь аны дѣла съ американизмомъ, аны дѣла ему грабятъ самымъ безстыднымъ образомъ анархистовъ.

Третьи, наконецъ, арансты, похтули инае, умѣе, ехпидіи. Они знали слабую сторону анархистовъ, тѣмъ болѣе, что онъ заблаговременно привлекли на свою сторону ибнотворы, ко чѣловѣкъ полу-анархистомъ, полу-анархистомъ, которые линались съ анархистами, порою похисывали въ анархистическихъ газетахъ, напр., въ Le Libertaire, когда та газета была еще акцентической революціонной газетой. Они хорошо знали, за каія слабая струнка анархистовъ, нуно было дернуть, чтобы они отъивно залуцаны. Знали ихъ ударъ въ борьбѣ, ихъ безстраіе иерекъ сулами и пошлѣе, ихъ готовность бороться противъ всѣхъ формъ буржуазнаго нахлѣда, готовность къ рѣзнымъ выступленіямъ, при отсутствіи страха передъ грознымъ нахлѣдомъ; они знали, что отъ анархистовъ можно брать, ничего не давая азамѣтъ. Вотъ и нуно было похдотрѣти ихъ, разнѣкъ ихъ боевыя страсти, а потомъ... похпелатировати.

И вотъ основаныя «Guette Sociale», при самомъ активномъ содѣйствіи атихъ беззаботныхъ людей, беззаботно отдающихъ свои силы революціонной агитаціи, революціоннымъ выступленіямъ, вслѣдствію революціонныхъ пачинажамъ, которыми имъ чакутся искренними. Посылались процессы противъ антипарламентаристовъ, антипартистовъ и участниковъ бунныхъ мнѣстатій. Эрве и его «молады» тоже не щадили себя, но съ уфренностью можно сказать, что среди постаравшихся въ время атого порою аселоизмаго похода противъ арыи, познати, сула и разнѣкъ пухлыхъ предпріятій третей республики на 100 осужденныхъ было, по крайней мѣрѣ, 80 анархистовъ.

«Guette Sociale» гремѣла и росла на спинахъ анархистовъ. Но всему естъ конецъ. И вотъ, когда наиболѣе «буйные» элементы расѣзались по разнымъ тюрьмамъ и приаудамалась, они замѣтали, что слишкомъ далеко заехали другъ друга. Эрве къ ужасу своему замѣтитъ, что во время разгара борьбы анархисты, какъ то незаметно, заставили его чересчуръ рѣзко отнежаться отъ господъ парламентаріевъ, а такой рѣзкій разрывъ не входилъ въ планъ предумотрительнаго Эрве. Анархисты, въ свою очередь, замѣтили, что слишкомъ много жертвъ понесли: слабыя, разсуждали, они, эти жертвы, лишь въ пользу общаго дѣла, а слабыя, эти понесшіе жертвы, нехотѣли въ общемъ революціонномъ движеніи, то ато было бы прекрасно, ато естѣ, наше дѣло — все отдавати движенію, во дѣла въ томъ, что 80% нашихъ усилій ушло на частное дѣло, — «Guette Sociale» разирѣла. Естѣственно, заговорили о «компенсаціи». Компенсаціи? Отчего же можно, нѣтъ оскумъ «Революціонную Партію». Тутъ анархисты широко раскрыли глаза. Основати «Революціонную

Партію» это не то, что похдѣтъ въ тюрьмѣ годикъ-другой за революціонныя выступленія. Это дѣло посложнѣе. Тутъ нуно серьезная гарантія. Эрве дають понять, что прежде всего ему нуно иахти въ социалъ-демократической аныи и тѣмъ оиончательно смечъ за собой корабль. Сичѣтъ корабль! Легко сказать, а адрѣтъ они похдотрѣти для обратнаго путешествія? Корабль сичѣтъ отказывается. Тогда акеночна вѣрхическая газета, самая ирупная и старая провинціальная газета, не мало содѣйствовавшая успѣху «Guette Sociale» въ провинціи, сдѣлала слѣдующее предложеніе: начеъмъ, говорива газета, съ критической части той платформы, которая должна лечь въ основаніе «Революціонной Партіи». По нашему, партія должна быть антипарламентарической, антигосударственной, антипарламентарической, антииндустриальной; чтобы же аасвется форма организаціи, то и похну не должно быть ни а какой централизціи: полная автономія группъ, и согласованное дѣйствіе для опредѣленныхъ члѣвъ. Примѣтъ пока эту платформу, а объ остальномъ поговоримъ потомъ.

Гравъ же въ «Les Temps Nouveaux», по поводу предложенія Эрве, охрызува аесма неапатизмъ и рѣзко заговорил о новой формѣ политиканства. Тутъ у Эрве и его сподвижниковъ заребило въ глазахъ. Положительно, рѣшилъ онъ, анархисты не хотѣтъ сдѣлать моему прикѣру! Не хотѣтъ асуеть на принципахъ. Черты океаніе! Полъ-оборота направо! — скомандавалъ онъ. И съ атого момента «Guette Sociale» начинаютъ мѣнять свою личку. Революціонная партія соразалась, такъ какъ вышлепалась, что казимерный духъ трудно арынтъ анархистамъ. Тогда вышлепалъ смену адылаетъ новый проектъ ити, той же «Guette Sociale», уи не въ формѣ «Революціонной Партіи», а «Революціоннаго Соглашенія» (Entente révolutionnaire).

Во главѣ новаго предпріятія стоить на Эрве, а Шарль Альберъ, чѣловѣкъ серьезный, не безъ образованія, оченъ кеудрой публицистъ, долго борившійся въ рядахъ анархистовъ, бывшій долге годы постояннымъ сотрудникомъ газеты «Les Temps Nouveaux», единственны чѣловѣкъ, о потерѣ котораго всѣ анархисты крайне сожалѣютъ. Выступленіе его носило чисто принципиальный характеръ. Онъ пытался доказать, что такъ какъ анархизмъ не можетъ быть тѣмъ идеаломъ, въ осуществленіи котораго можно непосредственно ступить, то ближайшій буаузмъ, то нуно установитъ компромиссъ идеалъ, аны дѣла, аны дѣла, но не мѣнѣю, можетъ быть коллективизмъ, уфренныи широкимъ коммунизмомъ. Нельзя, говоритъ онъ, денегривати икѣтъ съ анархистами полное разрушеніе государства, не нельзя не арынтати, что необходимо уменьшить компетенцію государства, что оно должно быть сведено къ коммунизму. Альберъ остаётся антипарламентаристомъ, предлагаѣтъ, чтобы «Революціонное Соглашеніе» было нейтральнымъ во время выборовъ и парламентаріямъ вообще. Эти ограниченія оводились только для анархистовъ, для социалъ-демократовъ таиныхъ ограниченій не аводилось, а только давалась благаіе аотѣтъ, чтобы они не похисывали всѣ свои силы исключительно въ апарламентарной дѣятельности. Указывалось, между прочимъ, на то, что подобнымъ же ограниченіемъ существуютъ, напирѣмъ, въ синдикализмѣ, и анархисты, мѣтъ, не отказываются участвовать въ нихъ. Совершенно вѣрно. Отграничати эти существуютъ въ синдикализмѣ, но такъ эти ограниченія касаются лишь самой организаціи, а личности аионѣ свободы аести свою проаганду виѣ синдикаловъ, какъ хотѣтъ; и на самомъ дѣлѣ, многіе изъ революціонныхъ синдикаловъ, даже такіе, которые занимаютъ отвѣтственные мѣста въ синдикалистскихъ организаціяхъ, широко пользуются этимъ правомъ и принимаютъ дѣятельное участіе въ абстекціонистской пропагандѣ во время выборовъ и состояни члѣнами протина-парламентаристскихъ группъ; мало того, въ самихъ синдикалахъ лична ибѣная пропаганда аионѣе аионѣе. Проектъ Ш. Альберъ, кромѣ того, что онъ касался сущности, основанъ на анирхическомъ міровоззрѣніи, сплываѣтъ руки анархистамъ, какъ внутри самой организаціи, такъ и внѣ ея. Вотъ почему его предложеніе нестрѣло среди анархистовъ крайне суровымъ арыетъ. Его арыметъ остался гласомъ вопіющимъ въ пустыни. Сачъ онъ аотѣтъ въ с. д. партію не захотѣтъ, такъ что сомѣвъ остался на бабахъ: старыхъ друзей перетрѣзалъ, а похнхъ не приобрѣлъ.

Видя, что и аотъ проектъ расхищенія анархистскихъ силъ не удался, Эрве на аотъ разъ скомандавалъ: кругомъ маршъ — и вернуся аиъ пестъ къ блатовымъ швей.

Такова естѣственно должна быть судьба всякаго движенія, всякаго революціоннаго предпріятія, которая будутъ жертвовать сущностью формъ, будутъ основывать свое дѣло исключительно на вѣстномъ революціонномъ при внутреннемъ убоекѣ и идеальной судности.

Агитація противъ войны. Базельскій и Парижскій съѣзды. 24-хъ часовая всеобщая стачка, 16 декабря 1912 г.

Война на Балканѣхъ и, въ особенности, аионѣе междунароной войны вызвала допльно сильную агитацію. Къ со-

Умонуемо

Львівський кружок а. к. «Анархія».

РАСХОДЪ.

Съ тоа, привѣтомъ Америкаеиъ Интинира

лучено отъ Кирила 10 fr.

Адресъ для корреспонденции и для денегъ:
Zürich, Post Banhof, Postfach 15496.
Eduard Meier.

Издание Пювхской группы анархистов-коммунистов "Рабочий Мир"

№ 6.

(По поводу Первого Мая)

И тот, кто, подобно лютой, сорванным вихрем, оторвался от жизни масс, никогда не почувствует скрытой еще непобедимой творческой силы массы. Массе *хочет*

былой революционный характер. Это а значительной степени объясняется и общим кризисом асемірного рабочего движения. Это въ внутренних кризисъ могъ бы быть коротко сформулированъ такъ: рабочий классъ уже не въ состояніи

... что "включать" все эти вопросы в одну статью. Но они до того "наблизившие" и такие "дого", не было возможности "обматывать" машинами и печатать...
... что я чувствовал, потребность высказаться обо всем этом. И надюсь, что совместно с другими товарищами, нам удастся внести в эту разрядку те больше определенные и ясности.

Ф. А.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ТОВАРИЩА Ф. А.

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу статьи тов. Ф. А. Смычаль — одно впечатление чисто формального характера. Не верно, будто бы только в № 5 «Раб. Мира» затронуты вопросы о максимализме и минимализме. В № 3 была дана самооценка самого тов. в честь высказывания тов. Смычаль о «Раб. Мире». В этом отношении тов. не прав, поскольку, самою одию, чуждым для нас, как раз является то ощущение, которое он выражает.

Перехожу теперь к существу сказанного товарищем Ф. А. критикой.

[illegible]

Мы знаем, мать часто фатально
— На омерзительные
Слабости ранней предтечи
Слабости медленной весны.

Все это — по словам Рабинович Мир — начинался перечислением сил и элементов, осязаемых, «создаваемых», «логикой» и «вещию» «призрака» — Пт. М. просто говорил, «ах, да, да, что», «если» мыслами был чужд анархизму, то мы не то что не могли бы права вынимать себя «анархистами», а были бы, да, «мысли» возможности говорить о массовом «неостепенении» духа, безгосударственного коммунизма.

И, «очень» рад, что товарищ Ф. А. сам отметил и дал нам возможность подчеркнуть ту мысль, что «оценка анархизма, точнее, «вещности» анархизма не может быть «выведена» из того, что, что мы, да, «заблуждаем» такую-то теорию или «мысль». Точно также не «впрямь» утверждение, будто «мы» анархизму «дожнем» «аристы» «асили», «правильно» и «полноценно» «арамизирующ» «продуктивно» «делутивный» метод.

« Я понимаю, как можно обрести винника в отношении Ф. А., на протяжении кт. статьи «На очереда» (см. МЗР № 10). Там же подчеркивается, что нам, необходимо ответить на вопрос: «Что такое мировоззрение», ибо удовлетворительный ответ, еще не дан». В статье говорится: «теперь мы товарищам Ф. А. и его "братенькам" относимся кт./ безвинному террору. Думаю, однако, что если кто-либо сознательно прочтет статью «Амниция другим» (Бориса Меца) Р-ла, добывшую в М. 4 «машиного» Бугаяра, то он согласен со мной, что не одна лишь «виновность» буржуазии является предосудкой для признания террора. Разсуждения товарища Ф. А. о виновности буржуазии, безусловно, важны, но при этом они лишены силы своей аргументации, так как не являются: «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Разрешение винный безвинный терроризм, чем более похож на правдоподобное «полюк». И разв. объект нападения имеет хотя-бы малейшее сходство с невинным агнецком!»

Еще одно слово — о синдикализме. Не из эпитиму революционного синдикализма пишу я. Меня просто не совсем удивляет, что возражает аргументация товарища Ф. А. Онъ заявляет, что мощь о революционном синдикализме — возраст часто пратический, а тутъ же связываетъ съ вопросами о томъ, по которому можетъ развитъ Россія, о судьбахъ капитализма. Вѣдь, какъ вы знаете, товарищъ, не удивительно синдикализму съ проблемами истощенности, истощенно о синдикализме съ проблемами истощенности.

Мнѣ кажется ошибочнымъ возбудить несколько устарѣлый вопросъ о роля капитализма и въ сама съ наукъ, и только съ наукъ, развѣтъ вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ синдикализму, что въ началѣ въ этой статьѣ.

Душаю, что вопросъ стоитъ проще: въ Россіи уже давно

народился пролетариат, поразивший мир своими грандиозными выступлениями. Явление это революционный спонтанизм, исходящий из серой организации. *Э. ДЖОНС*

Советы это частое упоминание автора как способная являться русской революцией, на, необходимостью специальных к данной социальной обстановки, приспособленных, организмов. Жаль только, что говорить не различа, перед нами организационный план. Иначе, что, он еще вернется к этому вопросу.

Рощина.

Къ теоріи революціи.

II.

Большая распространения, пользуется убеждение, что гражданская революция не будет походить на древняя революция. Что гражданская революция не должна походить на прежнюю революцию, это сознает, добрая часть сознательных революционеров, но в чем именно она не должна походить на древняя революция, чья она существенно, должна отличаться от них, это не совсем ясно; а ведь в этом и заключается весь вопрос. Гражданская революция будет отличаться от прежних и то форм и то Inhalt. Русские дваснадцатый 1906-1908 г.г. показало, что, теперь, даже в монархическом мире, нельзя свести революцию на простое политическое перестроение. Сильный вопрос, слишком остро поставленный, именно, и указывает революция не может, обойти этот вопрос, не может не попытаться разрешить его.

[illegible][illegible][illegible]

...сть личности массам, то нет сомнений, что не менее
нужно людям и того, во имя чего «дети ирокез» и плет
жестокая борьба. Если мы сорвем историю, то и она плет
скажет, что объединяла лишь те классы, которые боролись
во имя строго определенных целей, которые упорно, неу
стojно шли к зарнице маймичной плет.

[illegible]

Каковы же образцы идеологии, в основе которых лежат революционные идеи? Революция — форма действия, а действия — сторона этического морального процесса; характер же революции определяется только тем неистинным действием, деятельностью той группы, касти для которой революция является средством, а не целью. Такими группами являются те, которые воспринимают и руководят ею. Следовательно, революция — это точка зрения чужих на идею общего общественного преобразования; бывают революции религиозные, двоичные, политические и социальные, и каждая из них требует своего собственного преобразования. Наме нужно преобразование этой последней идеи революцией, т. е. революцией социализма. Идея социализма уже имеет в себе нечто, что понятие социализма — это средство, а не понятие о действии; повторить, что революция означает быструю и насильственную ломку существующего является лишним.

[illegible]

*) Вот как Каутский определяет революционера: «...иский, кто стремится к тому, чтобы уничтожить со всех сторон власть эволюции, и себя позитивную власть, является революционером». Каутский. «Общественные реформы». Книгоиздательство Милана. Москва, 1905 г.

На эти вопросы привлекоевое определение не даст никаких указаний. Почему, раз считается «необходимым» применять эти слова к переносу? Если больше или меньше «близкий», не приносящий вреда, то почему не считать, что это не перенос, а изменение базиса надстройкой и не говорить, например, так: социальная революция, но больше или меньше «близкий» перенос? Но всякой основой буржуазной и полноточной надстройки общества, являющийся результатом большого или меньшего изменения «а» экономического базиса? Не имеем ли мы это безусловное изменение общественного аксессуара изменения экономического базиса общества тотчас, что такое насильственное вмешательство в социальную организацию общества и изменение его структуры? Или, как одно из условий, что развитие производительных отношений, якобы находясь вне пределов чуждого человеческого воли, и когда эти производительные отношения доведены до новой формы, несоответствующей старым порядкам, социальный перенос должен быть «собой»? Школьные мысли Маркса дают повод именно к такому толкованию его определения социальной революции.

Для того, чтобы угнетенный класс мог «освободиться, необходимо достигнуть такой ступени развития, на которой различные производительные силы, с одной стороны, и общественные отношения, с другой, не могли бы существовать рядом». Организме революционных элементов, как классы, представляющих развитие «всех производительных сил, как и вообще могли развиваться во «вдохе старого общества»).

[illegible][illegible][illegible]

* Мараст, «Нашета власошета». Цитувано по книгѣ Лабіана, «Реформизмъ и социализмъ». Вотъ немногого иного переложъ той же мысли: «Возможность всего освобожденія является лишь на той ступени развитія, когда приреченныя на нѣе производствѣ силы въ достаточной мѣрѣ развиты, чтобы въ нѣе могли долго уживаться рыдокъ. Въ сѣхъ орудіяхъ производствѣ включенно производствѣную силу представляется самъ рабочий элементъ. Организация революціонныхъ элементовъ въ нѣе орудіяхъ является производствѣ, орудіямъ, въ нѣе включенно производствѣную силу, которая тогда работаетъ въ нѣе нѣхъ стараго общества». К. Мараст, «Нашета власошета» стр. 126. Изданіе. 1893 г.

Редакція.

БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Кочегарова. Земельная программа анархистов-коммунистов. Издание листовки «Хлеб и Воля».

Брошюра Т. Кочегарова интересна, — и мы обращаем на нее внимание работников. Напрасно только автор считает возможным назвать брошюру — программой. Нет; это не программа! Программа требует точной, ясной формулировки основных теоретических положений и практических выводов. Этой точностью указанная брошюра не отличается. И все-таки, повторяем, брошюра интересна. Автор резко подчеркивает тот факт, что крестьянину чужда психология собственника. «Крестьяне не стараются и юга, аостоятъ и западъ называли землю ничей, вольной, общей, всемъ одинаково принадлежащей» (стр. 7). Автор брошюры — «максималист», он уверен, что городской пролетариат и крестьянство должны взять в свои руки дело строения новой жизни. Цинно въ брошюрѣ и то, что авторъ горячо и убедительно уговариваетъ пролетариата — бросить напыщенный, жасе-аародный тонъ и подойти къ жизни крестьянъ просто. Тогда лишь пропаганда будетъ плодотворной, тогда лишь пропагандистъ становится ясно, что многой ватрудности — мнимая, выдуманная. Возьмемъ вопросъ о поднятии уровня техники. Если вамъ удастся доказать, что введение техники то ухудшитъ разумно, целесообразно, выгодно — вамъ совѣтъ будетъ принять ее благоразумно. Авторъ приводитъ много «фактовъ», убедительно доказывающихъ, до какой стѣпени живъ въ крестьянствѣ духъ коммунизма, способность къ самоуправлению. Жаль, что авторъ не счелъ нужнымъ дать краткой очеркъ возманиовенія понятія частной собственности на землю, этого утешающаго совершенно неистовства «Русской Правды». Авторъ чрезвычайно легко обходитъ вопросъ о наличии индивидуалистическихъ тенденцій среди малороссовъ, — въ отличіе отъ, асликороссовъ. Напрасно также Т. Кочегаровъ ничего не говоритъ о томъ, какъ складываются отношенія города и деревни въ томъ случаѣ, если городскому пролетариату не удастся социализировать фабрики и заводы.

Подобные же недоумѣнія вызываютъ слѣдующія слова автора:

«Говорятъ, что жители Кавказа, поляны, латыши и пр. не согласуются коммунизировать землю. Очень, жаль, если это правда (что, впрочемъ, сомнительно), но яды мы не желаемъ амшинаваться (?) въ дѣла всѣхъ народовъ... Не имамъ дѣло (?) заботиться о дѣлахъ этихъ порабощенныхъ Россіей иностранцевъ? Никто насъ не проситъ объ этомъ. Они будутъ саодобны, и сами устроятся, какъ пожелаютъ».

Странная рѣчь въ устахъ автора земельной программы анархистов-коммунистов! «Они будутъ свободны и устроятся сами пожелаютъ» — очень ласбательно, да только намъ не безразлично, какъ и чего «они» пожелаютъ, ибо асли «пожелаютъ» рабства, то «мы» такъ же должны бороться съ этимъ зломъ, на Кавказѣ, въ Польшѣ, тамъ и въ Саратовской и Уфимской губерніяхъ.

Мы должны вышнаться въ жизни «иностранцевъ». Мы хотимъ свободы и боремся со всѣми ей враждебными теченіями, и наша «амшиательство» ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, которое практикуется нами въ порабощенной царскимъ Россіей Развѣ существуютъ границы для нашего «амшиательства»? Позаботились-ли ограничить платоническимъ «очень малю», когда событія происходятъ въ Грузіи и борются активно только тогда, когда событія происходятъ въ Самарской губ.?

Нѣтъ, авторъ напрасно ждетъ, чтобы его «просили» амшинаваться, и напрасно это неамшиательство продавать подъ флагомъ свободы народовъ устроить «какъ пожелаютъ». Еще разъ подчеркиваемъ: несмотря на частные недостатки, брошюра Т. Кочегарова, въ общемъ, интересна и полезна.

У-та.

Письмо въ редакцію.

Я получаю нѣсколько писемъ, въ которыхъ товарищи просятъ меня лично высказаться по вопросу, поднятому въ ваяленіи (см. № 5 «Раб. Мира») Лескской группы — о съѣздѣ. Позволяю себѣ дать краткій отвѣтъ: съѣздъ, аобщее говаріе, нуженъ, необходимъ. И — у меня нѣтъ увѣренности въ томъ, что результаты будутъ плодотворны. Этихъ сомнѣній у меня не было-бы, если-бы была увѣренность, что въ рядахъ нашихъ происходила глубокая, волежелательная работа — а не лишь бесплодная, развѣдающая «критика».

Въ нашей средѣ царитъ какая-то примитивность, упасающая «алемментарность» — и боюсь, что мы окажемся безальнымъ разрѣшить сложные авпросы, стоящие «на очереди»...

Во всякомъ случаѣ, намъ необходимо тщательно въсерьезно подготовиться. Необходимо поаавать на обсужденіе авпросы, а только тѣ, которые въ сужденіи не сь авпросы, а только тѣ, которые въ дѣятельности являются насущными. Какъ установить, какіе вопросы товарищи считаютъ насущными?

Въ письмѣ къ одному товарищу я высказалъ такое соображеніе: желательно, чтобы предварительно составлены отдельные группы: въ группы должны входить работники общій планъ, устанавливать нѣкоторый общій взглядъ на тѣ или иные авпросы. Я узналъ, — изъ вѣроятнаго источника, — что такое предварительное составленіе товарищей различныхъ городовъ не состоялось. Результаты мѣ пока неизвѣстны. Кажется, что такую попытку должно горячо приаствовать. Она достойна поадринія, — такъ какъ безусловно облегчитъ работу съѣзда.

Р—нз.

Денежный отчетъ Цюрихской группы. (Отъ 1-го мая 1912 г. по 1-ое мая 1913 г.).

Приходъ.

Новогодній вечеръ 291 фр. 60 сант. Прислано изъ другихъ городовъ на изд. «Раб. Мира» 220 фр. 20 сант. За литературу 101 фр. 60 с. Рефератъ — 14 фр. 20 сант. Членскіе взносы — 51 фр. 50 сант. Чистый доходъ отъ устройства въ Парижѣ митинга въ честь П. А. Кропоткина 93 фр. 25 ").

Всего 772 фр. 35 сант.

Расходъ.

№ 5 «Р. М.» 150 фр. № 6 (приблизительно) 200 фр., Эмигрантской кассѣ 30 фр. Расылка литературы и почтовые расходы 44 фр. 45 с. Помѣщеніе для собранія 27 фр. 25 с. Локаль. — въ Парижѣ 13 фр. Покупка еврейской и русской литературы 44 фр. 70 с. Переплеты 12 фр.

Всего: 521 фр. 40 сант.

Остается въ кассѣ:

772.35 — 521.40 = 250 фр. 90 сант.

*) Митингъ въ честь Кропоткина далъ всего (считая по редакционную литературу) 595 фр. 05 с. Расходою было 501 фр. 80 с. считая въ томъ числѣ 345 фр. на печатаніе и аспедацию № 4 (юбилейного) «Р. М.», 135 фр.—помѣщеніе и служанки. 21 фр. — мажорскіе расходы (телеграммы, билеты, поада и пр.).

Адресъ для корреспонденціи для деаегъ:
Zürich, Post Bahnhof, Postfach 15494.
Eduard Meier.

РАБОЧИЙ МИРЪ

Издание Цюрихской группы анархистов-коммунистовъ „Рабочий Миръ“.

Духъ разрушающій есть духъ создающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I.

20-е Іюля 1913 г.

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

Бакунина — П. Кропоткина. Зао, съ которымъ надо бороться

— К. Ореліаки. — Борьба за всеобщее избирательное право. —

Nullatenente. — Мексиканская революція. — Nullatenente. —

Реакція во Франціи. — И-нъ. — Суфражистки — И-нъ.

— Письмо къ редакціи — Роуки. — На ту же тему — К. Ор-

еліаки. — Благородный поступокъ. — Ко всѣмъ анархистамъ. —

Отъ надательской группы.

Бакунинъ *).

1-го іюля — годовщина смерти М. А. Бакунина, близкаго родоначальника современнаго анархическаго движенія, основателя той вѣтви междуавроднаго социализма, къ которой мы принадлежимъ.

Старикъ Бланки нерѣдко говорилъ, что значеніе событий измѣняется не столько ихъ непосредственными результатами, сколько ихъ косвенными послѣдствіями, которыя всегда бываютъ гораздо важнѣе первыхъ.

Точно такъ же, говоря о Бакунинѣ, слѣдуетъ оценивать его значеніе не по тому, что онъ сдѣлалъ лично, сколько по вліянію, которое онъ оказывалъ на окружающихъ его людей — на ихъ мысли и на ихъ дѣятельность.

Его литературное наслѣдіе не мелкое: «Государственность и Анархія», «Историческое Развитие Интернационала», «Богъ и Государство» (Dieu et l'Etat), — вотъ три написанныя имъ небольшія книги. Остальное — «Кнута-Германская Имперія», «Письма Французу о востанавленіи кризисѣ», «Теологическая политика и Мадзини», «Берскіе медѣды» и др., — все это брошюры, написанныя по данному вопросу митингу. Даже выше-названныя три книги выигрываютъ такое же происхождение. Бакунинъ сядился съ цѣлью написать брошюру въ отвѣтъ на запросъ дня. Но его брошюра разрослась въ книгу, потому что при его глубокомъ пониманіи философій исторіи, и съ его громаднымъ запасомъ знанія современныхъ событий, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другою.

Если вспомнить все то, что онъ и его друзья — а его друзья были Герцель, Огаревъ, Мадзини, Ледро-Ролленъ и всѣ лучшіе люди и дѣятель революціоннаго періода сороковыхъ годовъ въ Европѣ — передумали объ этихъ, пережитыхъ ими драмахъ, надеждахъ, разочарованіяхъ; если вспомнить все, что они пережили во время полныхъ надеждъ 1848-го года и послѣдовавшей за тѣмъ реакціи, — легко понять, какъ мысли, образы, доводы, почерпнутые изъ знанія жизни в, должны были роиться въ головѣ Бакунина, а почему его

философско-историческія воззрѣнія такъ щедро пересыпаны фактами и сужденіями изъ современной дѣйствительности.

Любопытно, однако, что каждая брошюра Бакунина отмѣчала поворотную точку въ исторіи революціонной мысли въ Европѣ. Его рѣчь на конгрессѣ «Мира и Свободы» была вызовомъ, брошеннымъ всѣмъ радикаламъ Европы. Бакунинъ объявлялъ въ ней, что эпоха радикализма 40-выхъ годовъ закончена, и вступаетъ новый фазисъ революціонной жизни — эра рабочаго социализма; что рядомъ съ вопросомъ о политической свободѣ, встаетъ вопросъ объ экономической независимости, и этотъ вопросъ будетъ впродъ преобладать въ исторіи. Его брошюра, обращенная къ мадзиницамъ, возвѣщаетъ конецъ чисто политической революціонной концепціи ради національнаго освобожденія и начала социалистической революціи, а также конецъ сантиментальнаго социалистическаго христіанства и начало атеистическаго коммунистическаго реализма въ исторіи. Письмо Герцелю, объ Интернационалѣ и базаровскомъ реализмѣ, имѣетъ тотъ-же смыслъ для Россіи.

«Берскіе медѣды» — прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, а «Письма Французу», написанныя во время войны 1870—71 года, составляютъ отходную Гамбеттовскому радикализму, въ воззвѣщеніи той новой эры, которую вскорѣ открыла собою Парижская коммуна, отбросившая вѣдо дун-блассовскаго государственнаго социализма и воззвѣтившая новую идею — городского, коммунальнаго коммунизма. Коммуна, вставшая на защиту своей территоріи и начинающая у себя социальную революцію — вотъ что рекомендовало онъ въ этихъ «Письмахъ» противъ нѣмецкаго вторженія.

«Кнута-Германская имперія», брошюра, которую такъ ненавидѣли нѣмецкіе социаль-демократы — пророцескій крикъ старца революціонера, понимавшаго уже тогда (1871) весь ужасъ реакціи, которая охватила Европу на цѣлые тридцать-сорокъ лѣтъ послѣдствіе торжества Бисмарковскаго военнаго государства, а съ нимъ имѣетъ — и государственнаго социализма, котораго крестьянскіе отомъ, въ Германіи, были тотъ-же Бисмаркъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ означала крутой поворотъ въ сторону безгосударственнаго коммунизма — анархизма — въ лагерь нѣмцевъ.

Наконецъ, «Государственность и Анархія», «Историческое развитие Интернационала» *) и «Богъ и Государство», — несмотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, такъ какъ писались ради елобы дня, — содержатъ для вдумчиваго читателя больше политической мысли и больше философскаго пониманія исторіи, чѣмъ масса трактатовъ университет-

*) Эта книга не Бакунина, въ ней лишь одна статья принадлежитъ ему. Чтѣ же касается литературнаго наслѣдія Бакунина, то оно оказывается гораздо больше, чѣмъ думали, какъ то показывается изданіе полного собранія сочиненій Бакунина, предпринимое Галломъ. Ред.

*) Перепечатано изъ «Х. В.» № 19-20, 1905 г.

ских и социаль-государственных, въ которыхъ отсутствіе мысли прикрывается туманомъ, ясною, а дѣйствіе мысли непродуманно дѣйствіемъ. Въ нихъ нѣтъ готовыхъ рецептовъ. Люди, жаждущіе отъ книги разрѣшѣнія всѣхъ своихъ сомнѣній, безъ собственной работы мысли, не найдутъ этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, а смѣрять на книгу, какъ на матеріалъ для мысленія, — какъ на утку бесѣды, вызывающую въ васъ умственную работу, — тогда горючіи, мѣстами безпорядочныя, а мѣстами блестящія обобщенія Бакунина помогутъ вашему революціонному развитію несравненно больше, чѣмъ всѣ вышеупомянутые трактаты, написанные съ цѣлью утвердить насъ, что вы годны только для повиновенія и должны сдѣлать изъ насъ авторитетъ — въ нашей мысли, и изъ главари — въ нашей дѣятельности.

Впрочемъ, главная сила Бакунина была не въ его писаніяхъ. Она была въ его личномъ вліяніи на людей. Онъ сдѣлалъ Вѣликего тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ для Россіи: типомъ неподкупнаго революціонера, социалиста-интелигента, который воплотилъ въ послѣдствіи въ нашей чудной молодежи семидесятихъ годовъ. Онъ возродилъ его. — «Ты мой духовный отецъ», писалъ ему самъ Вѣлискій. А какою громадною силой былъ Вѣлискій для русскаго развитія — мы знаемъ. Въ Парижѣ, въ 1847 году (въ этомъ году его изгнали) и въ Германіи въ 1848 году, его вліяніе на лучшихъ людей своего времени было громадно. Бернгардъ Шоу рассказываетъ въ полустушевній формѣ (The Perfect Wagnerite), что въ своемъ Зигфридѣ, не взирая на страхъ и увлекающемъ своею любовью Бруннхильдой, Вагнеръ воплощаетъ Бакунина. Онъ полотно, конечно, не Бакунина въ частности, а смѣлаго, держащаго революціонера вообще. Но нѣтъ сомнѣній, что и на Вагнера, какъ и на Лоржъ Зандъ, и на Герцена съ Огаревымъ, и на весь кружокъ социалистическій Франціи, жившій тогда въ Парижѣ, и на Молодую Германію, и на Молодую Италію, и на Молодую Швецію Бакунинъ оказалъ въ свое время громадное вліяніе. «Бакунъ неслыханно былъ подвѣтъ, не зарвавшись его революціонною горячностью», говорили о немъ его современники.

Такимъ же оказался онъ, когда, бѣжавши въ 1862 г. изъ Сибири, онъ появился снова среди своихъ друзей въ Лондонѣ. Герценъ, какъ извѣстно, описалъ его помысленіе въ Лондонѣ, и слегка подмѣшавъ надъ тѣмъ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ въ своихъ «славныхъ» вещахъ возможно, и навѣрно, такъ и было, что Бакунинъ часто возмѣчалъ большія надежды на подхлестывающихъ нѣмъ людей, чѣмъ они того заслуживали. — Но развѣ того же нельзя сказать о Мадзини, о исконномъ искреннемъ революціонерѣ? Оттого, можетъ быть, онъ и обладалъ такою магическою силою, что въпрямую въ человѣка, вбрызнулъ въ то, что великое дѣло, къ которому онъ его приобщалъ, пробудить въ человѣкѣ то, что въ немъ есть лучшаго. И оно дѣйствительно пробуждало, и подѣ влияніемъ Бакунина недолго давалъ революціи въ короткое время все лучшее, на что былъ способенъ.

Герценъ рассказываетъ въ шутовскомъ тонѣ какъ Бакунинъ пропагандировалъ и посылалъ людей на дѣло. Но — правда ли, что онъ дѣйствительно такъ опивался въ людяхъ? Развѣ люди, которыхъ онъ вдохновлялъ въ Италіи, въ Швейцаріи, во Франціи, развѣ Варенъ, Элизе Реклю, Кабьеро, Маллестра, Фавелли (его змѣсаръ въ Испаніи), Гильомъ, Шницгелъ и т. д., сгруппировавшись вокругъ него въ знаменитый Alliance, не были лучшіе люди латинскихъ расъ въ эту великую эпоху? Мнѣ кажется, что его оцѣнка людей была, наоборотъ, поразительно

нѣрна. Прочтите, напримеръ, то, что писалъ онъ о Нечаевѣ, которого и сильная и слабая стороны онъ опредѣляетъ такъ поразительно вѣрно, что мы, теперь, ничего не можемъ прибавить къ его оцѣнкѣ. Кто же лучше его повѣялъ Николаю Утину — этого женеваго божка марксовцевъ?

Еще одно. Всего поразительнѣе, и все же поучительнѣе для насъ — высокій нравственный уровень людей, сгруппировавшихся вокругъ Бакунина въ западной Европѣ. Я не звалъ Бакунина, но я зналъ близко большую часть людей, сгруппировавшихся въ Интернаціоналѣ вокругъ него, и поэтому такъ неумолимо преслѣдовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я сильно утверждаю въ лицо ихъ несправедливости, что каждый изъ выше названныхъ иную дѣятель федеративнаго Интернаціонала представлялъ собою крупную нравственную личность. История, я знаю, подтвердитъ эту характеристику, и, конечно, выскажетъ при этомъ сожалѣнія, что въ средѣ ихъ противниковъ, — но крайней мѣрѣ, въ лицѣ ихъ главныхъ руководителей, — были, можетъ быть, умъ, но нравственный начала не достигали такой же высоты и твердости, какъ среди названныхъ мною друзей Бакунина.

Что касается, наконецъ, значенія дѣятельности Бакунина въ Интернаціоналѣ, то я охарактеризовалъ роль «бакунистовъ», говорю въ моихъ «Запискахъ» о Юрской Федераци.

Въ эпоху, когда разгромъ Франціи, изгнаніе Парижскихъ пролетаріевъ послѣ Коммуны и военное торжество Нѣмецкой Имперіи открыли періодъ реакціи, продолжавшейся понынь, и когда Марксъ, со своими друзьями, помощью подпольныхъ интригъ, захотѣлъ обратить всю дѣятельность рабочаго Интернаціонала, созданнаго для прямой борьбы съ капитализмомъ, въ орудіе парламентской агитаціи на пользу обуржуазившихся социалистовъ — «бывшихъ людей» — тогда федеративный Интернаціоналъ, вдохновляемый Бакунинымъ, выступилъ единственнымъ, въ то время, оплотомъ противъ обще-европейской реакціи.

Ему мы обязаны въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что въ латинскихъ странахъ остался живымъ революціонный духъ который нашелъ въ рабочихъ латинскихъ насадахъ новую живую силу, чтобы бороться съ рѣзкимъ поворотомъ влѣво кругомъ среди нѣкогда радикальной буржуазіи.

И — среди этой молодой живой силы, обвивавшей на свой страхъ, безъ всякой поддержки со стороны буржуевъ, войну всему старому міру, — въ этой средѣ развился наконецъ, современныи анархическій коммунизмъ, съ его идеаломъ равенства экономическаго и политическаго и его естественнымъ отрицаніемъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Таковы заслуги Бакунина въ исторіи.

П. Кропоткинъ.

Іюнь. 1905 года.

Зло, съ которымъ нужно бороться.

Подлое время безвременья, длящееся не въ мѣру, дѣлаетъ тягостнымъ жизнь для тѣхъ, которые, во время всеобщаго распада и разложенья, слѣдуетъ сохранять въ чистотѣ тѣ высокіе принципы, которыми они питаются во время общественнаго подъема.

Было тяжело, было трудно примириться съ прошлымъ и еще болѣе тяжело принираться съ настоящимъ. Возобновленіе работы представлялось сложнымъ, положеніе запутаннымъ, по, несмотря на это, каждый

старался удержаться на принципиальной почвѣ, вынести съ мужествомъ пораженіе и искренно, серьезно отнестись къ дѣлу выясненія нашихъ старыхъ ошибокъ.

Такъ было до сихъ поръ среди анархистовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ разгрома нашей неудачной революціи. Ни разочарованіе, ни сомнѣнія, въ развѣдающей скептицизмъ не могли укрѣпиться въ нашей средѣ. Если и былъ періодъ бездѣятельности, въ особенности въ 1911 и 1912 г.г., то это объясняется не бездѣлѣмъ, не разочарованіемъ, а тѣмъ, что движеніе какъ то сразу обрвалось на мѣстахъ, тамъ въ Россіи, что соответственнымъ образомъ отозвалось и на нашей загранничной дѣятельности. Изъ сразу удалось нашимъ товарищамъ основаться съ вновь создавшимся положеніемъ. Что то произошло въ нашей жизни, что то измѣнилось; то политико-экономическое положеніе, которое переживаетъ нынѣ Россія, отличается отъ стараго, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и яе ново, — между старымъ и новымъ трудно установить демаркаціонную линію, все смѣшалось и перепуталось, и наши товарищи сразу трудно было приспособить свою дѣятельность, и свою пропаганду къ тому запутанному положенію, которое создалось послѣ нашей «революціи». И вотъ на страницахъ этой газеты тѣ товарищи старались распутать эти запутанныя жизненные сѣти. Жизнь поставила передъ нами цѣлый рядъ задачъ, которыя нужно разрѣшить, по крайней мѣрѣ, попытаться разрѣшить. Намъ нужно было выяснитъ недочеты нашего движенія, опредѣлитъ наше положеніе, по отношенію создавшимся новымъ условіямъ нашей жизни, выяснитъ вопросъ о томъ, окончательно ли похороненъ вопросъ о ближайшей революціи, перестала ли быть революціи для насъ практически скихъ вопросомъ, если нѣтъ, то каковы должны быть лозунги этой ближайшей революціи; если же мы находимъ, что революція, какъ практический вопросъ, похороненъ, то революціи отложены въ долгій ящикъ по причинамъ, независимымъ отъ воли и желанія людей, то и въ этомъ случаѣ нужно выяснитъ, въ чемъ заключается наша практическая дѣятельность теперь, во время подготовительнаго періода, при создавшихся особыхъ условіяхъ, каковыя тотъ лишний грузъ, который мы должны бросить, и каковыя тотъ умственный, нравственный и практический багажъ, которыми мы, въ видѣхъ болѣе сознательной и цѣлесообразной дѣятельности, должны нагрузить себя. Все это вопросы первостепенной важности, и редакция этой газеты постоянно приглашала всѣхъ товарищей высказаться по этому поводу. Нѣтъ сомнѣній, что при болѣе серьезномъ и искреннемъ отношеніи къ дѣлу, даже въ такой маленькой газетѣ, какъ «Р. М.», мы съ пользой могли бы поговорить о всѣхъ этихъ вопросахъ. Нѣтъ сомнѣній также, что необходимости обмена мнѣній чувствовалась всѣмъ. Но лукавый волутанъ. Лукавый это — демагогія. Демагогія извѣстна, мелкая, безсильная, и такая же нежеланъ, карикатурная неадекватность и «плотонное», имѣющее чисто личный мотивы, интеллигентство, внесенное въ наше движеніе вновь пришедшими элементами, анархизмъ которыхъ безъ году подхѣла и которые стали съѣдать между товарищами недобріе, злобу и соперничество. Къ намъ попали люди, перебивавшіе во всѣхъ партияхъ. Есть такіе, которые были равны съ социалстами, гдѣ они оказались ненужными, что зашло ихъ самолюбіе; были ескаками и должны были уйти отъ эсдекства, опять въ дѣлствіи своей ненужности, а это еще болѣе обострило ихъ обиду, пробовали эсерство, но и тутъ не выгорѣли, докатили, наконецъ, до анархизма, но и тутъ ихъ большое самолюбіе не находило удовлетворенія, ибо анархизмъ, какъ истые

власто-борцы, ничуть не желаютъ подчиняться ихъ «единой волѣ»; это окончательно вознигло ихъ самолюбію, довело до крайняго, болѣзненнаго напряженія. И ихъ болѣе, разстроеное воображеніе увидѣло во всемъ этомъ дѣловыи-хитрые подлоги, дѣловыи-хитрой интеллигентствѣ, и они завопили благимъ матомъ: «Караулъ! Помогите противъ интеллигентскаго засилья. Намъ привелось слышать въ Парижѣ, изъ среды революціонной эмиграціи возгласъ: «Кто изъ жидовъ и интеллигентовъ». Чѣмъ воспитанниками являются эти господа? Кто ихъ искормилъ, своимъ «задушеннымъ словомъ»? Для чего все это? Кому это нужно? Что выигрываетъ рабочий классъ отъ этой разнузданной безпринципности, тотъ рабочий классъ, который написалъ на своемъ знамени:

«Интернаціоналъ и всѣ его члены признаютъ, что истина, справедливость и нравственность должны лежать въ основѣ вѣхъ отношеній ко всѣмъ людямъ, безъ различія цвѣта кожи, вѣрованій и національностей»).

На то нужно, спрашивается, а нашихъ товарищей анархистовъ, эта чуждая неадекватность чуждая пропаганда анархистамъ, для которыхъ сознательная, инципиапная личность, какъ творческій элементъ, имѣетъ свою самостоятельную цѣнность независимо отъ того, рабочий она или интеллигентъ?

Когда въ нашей анархической средѣ, гдѣ интеллигентовъ не было на всего два съ половиною человѣка и гдѣ, вслѣдствіи этой скудости интеллигентскихъ силъ, наша пропаганда встрѣчалась почти непреодолимымъ затрудненіемъ, раздѣленъ боевой кличъ: «долгой интеллигенціи!» и когда авторами этого благороднаго лозунга являются интеллигенты же, обиженыя тѣмъ, что другіе интеллигенты не хотѣли подчиниться ихъ «единой волѣ», не хотѣли быть матеріаломъ для удовлетворенія ихъ самолюбія и тщеславія, мы вправѣ еприслать себя, искренно ли этотъ лозунгъ? Если бы онъ былъ искрененъ, то отъ этого онъ не сталъ бы, конечно, лучше, по его авторамъ можно было бы пожалѣть, можно было бы удивиться ихъ скудоумію и этниъ ограничѣнности. Но дѣло въ томъ, что этотъ лозунгъ неискрененъ, онъ корыстенъ, его авторы живутъ этимъ лозунгомъ, въ немъ заключается все ихъ оригинальность; они умны, они знаютъ, что въ нашей анархической средѣ, гдѣ замѣчается страшная бѣдность интеллигентскихъ силъ, рѣчь не можетъ идти о борьбѣ съ какой-то абстрактной интеллигенціей, тутъ этотъ лозунгъ имѣетъ весьма опредѣленный смыслъ, а именно: гонимъ въ шею Ивана, Петра, Павла и Федора т. е. тѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ анархистовъ, интеллигентовъ, которые мозолятъ глаза нѣкоторымъ господинамъ...

Выше мы говорили о личныхъ мотивахъ вашихъ домогательствъ интеллигентство, ибо какіе, на самомъ дѣлѣ, общественные мотивы могутъ быть у этихъ господъ противъ крайне малочисленной анархической интеллигенціи? Развѣ эти анархисты стоятъ во главѣ какихъ-нибудь рабочихъ организацій, гдѣ имъ приходится имъ играть роль главари и директоровъ движенія? Развѣ они засѣдаютъ въ палатахъ депутатовъ, въ сенатахъ, въ городскихъ управахъ? Развѣ они гдѣ нибудь сидятъ около жирнаго общественнаго пирога? Развѣ они потъ ужъ 40 лѣтъ не ведутъ упорной борьбы за освобожденіе рабочаго класса отъ пта политико-парламентскихъ партий? Развѣ они не ратуютъ неустанно за самостоятельную и самостоятельную рабочія организаціи? Развѣ они не стремятся съ безукоризненной искренностью къ тому, чтобы лозунгъ: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ

*) Изъ Статута Интернаціонала.

рабочихъ, перестать быть пустой фразой и сдѣлаться, наконецъ, практическимъ руководящимъ принципомъ для рабочего класса?

Ну такъ чего же хотятъ отъ насъ демагоги? Они хотятъ, чтобы мы нянчились съ ними, поглаживали ихъ болванскому самолюбию и тщеславию. Нѣтъ, для такой дѣятельности у насъ времени нѣтъ; мы должны, наоборотъ, изымать изъ нашей среды всякаго рода демагоговъ, какъ выводится товсина изъ большого организма. Вместо того, чтобы поглаживать злу, намъ, наоборотъ, нужно бороться съ нимъ. Немъ нужно энергично бороться за идейное оздоровление нашего движения, но намъ нужно не мнѣе энергично бороться за моральное оздоровление нашей среды.

К. Оргиани.

Борьба за всеобщее избирательное право.

Судьба разныхъ избирательныхъ законовъ, которые наврядъ ли привнесутъ рабочимъ хлѣбъ и волю, насъ такъ мало интересуетъ, что мы о нихъ вовсе не стали бы говорить, если бы социалдемократы Бельгии и Австрии не прибѣгли ко всеобщей стачкѣ, для расширения избирательныхъ правъ.

Когда рабочий классъ, или скорѣе наиболѣе передовая часть рабочего класса, заявляетъ, что хочетъ, или дѣлаетъ видъ, что хочетъ, прибѣгнуть ко всеобщей стачкѣ для борьбы съ капитализмомъ, когда она заявляетъ, что всеобщая стачка есть предлудия социальной революции, то тогда всѣ социалдемократы всѣхъ странъ единодушно заявляютъ, что всеобщая стачка — «ведьмовство», что она, какъ социально-революционное средство, бессильна и безмысленна, но когда нужно расширить избирательное право, тогда всеобщая стачка становится самымъ могучимъ средствомъ.

Удивительно, какъ легко и быстро социалдемократамъ удалось пропустить идею всеобщей стачки! Подъ ихъ же влияніемъ и рабочие упустили идею всеобщей стачки. Этимъ именемъ окрывается болѣе или менѣе широкое стачечное движение, предпринимавшееся для завоеванія подчасъ самыхъ второстепенныхъ улучшеній. Рабочіе мало по малу привыкли думать, что всеобщая стачка есть средство лишь повседневной борьбы, ее великое значение мало по малу стусеналось.

Всеобщая стачка для увеличенія заработной платы, всеобщая стачка для того, чтобы добиться англійской медли, всеобщая стачка для защиты правъ синдикатовъ, всеобщая стачка для расширения избирательныхъ правъ, однимъ словомъ, всеобщая стачка употребляется для всего, и конечно, идея всеобщей стачки мало по малу выцѣла. Реформистская всеобщая стачка не замѣтно заняла мѣсто революционной всеобщей стачки, цѣлью которой была дезорганизация организмовъ господствующихъ классовъ, ослабленіе ихъ съ тѣмъ, чтобы создать наиболѣе благоприятныя условія для открытаго непосредственнаго выступленія рабочего класса противъ всего существующаго порядка. Теперь всеобщая стачка не вызываетъ большого энтузіазма и пишущему эти строки пришлось слышать отъ очень видныхъ свидѣтелей, что всеобщая стачка — революція — лишь символъ.

Надѣмся, что анерхисты, работающіе въ спидкактахъ, а также революционные синдикалисты, анархосиндикалистского толка, не допустятъ, чтобы всеобщая стачка превратилась просто въ символъ, надѣмся, что они приложатъ всѣ усилія, чтобы подготовка всеобщей стачки — революція, стало живымъ практическимъ дѣломъ.

Мы немного уклонились въ сторону. Возвращаемся къ нашей темѣ. Въ борьбѣ за всеобщее избирательное право. Мы всѣ помнимъ съ какою помощью, съ какими трескомъ бельгійские социалдемократы готовили всеобщую стачку, которая должна была привести на своихъ крыльяхъ нѣсколько живыхъ мѣстъ социалдемократической партіи въ парламентъ, и, дѣйствительно, стачка, по численности участниковъ, по выдержанности, вышла грандиозной. Бельгійские социалдемократы доказали на дѣлѣ, что они крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ рабочую массу. Они такъ ловко опутали рабочую массу сложными нитями парламентаризма, что, видно, рабочимъ долго не удастся вырваться изъ мастерски сковавшихъ дѣлѣй. Они держали въ напряженномъ состояніи цѣлую недѣлю 500.000 члѣновъ, добились отъ правительства не къ чему не обязывающихъ обещаній, и вотъ эта громадная масса, которая по зову социалдемократіи бросила работу, также по ея велѣнію, послушно и безроково, прекратила стачку. А мы говоримъ, что рабочий классъ пересталъ слушать главарей!

Всеобщую стачку съ тѣмъ же приближеніемъ цѣлями и въ мѣнѣе усердно готовили и австрійскіе социалдемократы. Они также цѣлыми мѣсяцами возбуждали рвеніе рабочихъ, направили до крайности ихъ полю и когда все было готово, испугавшись отвѣтственности, отбилили ее. Въ одного протеста со стороны рабочихъ, выкаго возмущенія противъ «дурныхъ пастырей», которые такъ монархически управляютъ рабочей массой и въ Австріи та же послушность рабочихъ главарей, какъ и въ Бельгии, такое же пассивное повиновеніе. Мы отказываемся вѣрить, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ безозвательной массой, тупой массой, какъ утверждаютъ вѣкторы или обойденной, обманутой массой. Нѣтъ, тутъ, съ одной стороны заблужденіе, но заблужденіе сознательное, т. е. не ирриальная оцѣнка самими рабочими своего положенія, но всестая оцѣнка, сознательный актъ разсудка, а съ другой — волюта сознательный поступокъ, волюта сознательная, добровольно принятая линия поведенія. Нельзя разсматривать теперь большую часть рабочихъ, сознательно участвующихъ въ движениі, какъ безозвательную и безотвѣтственную массу, какъ то дѣлаютъ заинтересованные демагоги. Эти послѣдніе, тоже любяще говорятъ для галерки о самостоятельности и самодѣятельности рабочей массы и о необходимости рабочихъ организаций, не замѣчаютъ, что если мы участвующія въ движениі рабочая масса безотвѣтственна и безволея, то она не можетъ быть ни самостоятельной, ни самодѣятельной.

Въ свою очередь анархисты допускаютъ непростительную ошибку, часто принимая свои желанія за факты; такъ, напримеръ, въ анархической литературѣ мы постоянно встрѣчаемъ такіа выраженія: рабочий классъ отказался отъ политики, рабочий классъ пересталъ слушать главарей; рабочий классъ хочетъ того-то и того-то, рабочий классъ разочаровался въ томъ-то и томъ-то. Все это, конечно, вѣрно относительно меньшинства; хотя и очень ничтожнаго, но все же меньшинства, а не всей рабочей массы.

Если извѣстная часть рабочей массы дѣйствительно приобрѣла всѣ эти качества, усвоила всѣ эти понятія, которыя проявили въ ея сознаниі, то другая часть рабочихъ усвоила какъ разъ обратныя качества, т. е. всѣмъ другія понятія проникли и укрѣпились въ ея сознаниі. Поэтому многое изъ того, что намъ кажется

сдѣланнымъ, предстоитъ, наоборотъ, сдѣлать. Нужно перестать смѣшивать желанія съ фактами, и нужно изъ покладая руки работать надъ тѣмъ, чтобы вещи желанія стали фактами.

Nullatenent.

Мексиканская революція.

Въ Мексикѣ произошла еще одна дворянская революція. Генералъ Хурта, которому было поручено охранять Медеро, предочелъ устранить его, и самъ занялъ его мѣсто. Медеро, его брать и адъютанты убиты «начальникомъ», тѣмъ, кому было поручено охранять ихъ жизнь. Медеро замѣнилъ Діаза, Хурта замѣнилъ Медеро, а Хурта заняли еще кто-нибудь. Эта сказка про бѣлаго быка насъ мало интересуетъ. Намъ хочется сказать нѣсколько словъ о томъ, что дѣлается въ самомъ народѣ вообще, и объ анархическомъ движениі въ Мексикѣ въ частности, насколько это возможно на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, какія имѣются въ нашихъ рукахъ.

Во время завоеванія Мексики испанцами всѣ земли были захвачены побѣдителями. Испанцы-побѣдители получили громадные имѣнія, и установившіеся въ странѣ земельныя отношенія имѣли большое сходство съ среднѣвѣковыми феодализмомъ. Какъ то завоеваніи Мексики испанцами, такъ и посѣтъ все населеніе страны состояло изъ индѣйцевъ. Номинально, на словахъ, индѣйцы остались собственниками земель, но фактически вслѣдствіемъ владѣнія потомки первыхъ завоевателей. Крестьяне-индѣйцы должны были платить значительный оброкъ патурой и деньгами фактически владѣльцамъ земель.

Крестьяне-индѣйцы очень неохотно подчинялись этимъ порядкамъ, противъ которыхъ они вели постоянно ожесточенную войну, приводящую, наконецъ, къ такъ называемой освободительной войнѣ.

Испавскому владычеству быть положенъ конецъ, по отъ этого экономическое положеніе мѣстного населенія нисколько не улучшилось. Вслѣдствіи, во время правленія Діаза, тѣ земли, которыя принадлежали индѣйцамъ были розданы правительствомъ иностраннымъ компаниямъ, въ формѣ концессіи, что вновь вызвало возстаніе индѣйцевъ, принадлежавшихъ къ двумъ племенамъ, Якист и Меуасъ, которыхъ почти совершенно истребили во время этого возстанія. Въ свою очередь, частные владѣльцы крупныхъ имѣній тоже продали свои земли иностранцамъ, такъ что индѣйцы-крестьяне были совершенно обездолены и «пролетаризированы». Оставшись безъ земли, безъ куска хлѣба, индѣйцы-крестьяне, чтобы не умереть съ голоду, должны были работать въ качествѣ наемниковъ, на тѣхъ земляхъ, которыя еще не такъ давно принадлежали имъ. Но съ этимъ положеніемъ индѣйцы-крестьяне не примирялись, они все время волеали за познать земель прежнимъ собственникамъ, т. е. имъ, крестьянамъ. Бунты, возстанія не прекращались, и всѣ они имѣли одну и ту же цѣль: отвоевать потерянную землю.

Когда Медеро предпринялъ борьбу противъ Діаза, то онъ, чтобы привлечь индѣйцевъ на свою сторону, далъ имъ обѣщаніе, что всѣ земли, отнятыя у нихъ, будутъ возвращены имъ и, когда Медеро одержалъ побѣду и занялъ мѣсто Діаза, то одинъ изъ руководителей крестьянскаго движениія, Эмилиано Запата, чья вѣрность, отказался сложить оружіе, пока общинамъ крестьянамъ-индѣйцамъ земли фактически не бу-

дутъ возвращены имъ. Чтобы эти земли вернуть индѣйцамъ, нужно было предварительно выкупить ихъ. Медеро медлилъ, не рѣшался; можетъ быть, надѣлся, что движеніе загаснетъ, но движеніе не загасло. Крестьяне упорно настаивали на своемъ. Потерявъ всякую надежду, добиться чего-нибудь отъ Медеро, Запата рѣшилъ разрешить вопросъ своими собственными средствами: онъ съ своей революціонной арміей изгналъ иностранныя компании, а земли, которыя принадлежали этимъ компаниямъ, были захвачены индѣйцами-крестьянами. Что же касается собственниковъ мексиканцевъ, они стали помогать диктаторамъ, снабжая ихъ деньгами и оружіемъ.

Умбало *), у котораго мы заимствуемъ большую часть нашихъ настоящихъ свѣдѣній о мексиканскомъ движениі, предпологаетъ, что силою сломить Запата правительству Хурта не удастся, какъ не удалось сдѣлать это Медеро. Запата со своей революціонной арміей является хозяиномъ всего юга Мексики, т. е. владѣетъ территоріей въ два раза больше всей Франціи. Его армія состоитъ приблизительно изъ 15 тыс. члѣновъ, людей рывительныхъ, закаленныхъ въ бою. Правительство ведетъ съ диктаторами жестокую кровную борьбу, ожестачивая тѣ деревни, которыя оказываютъ помощь диктаторамъ, истребляя, порою, поголовно все ихъ населеніе, не пада ни женщинъ, ни дѣтей. Диктаторы отвѣчаютъ тѣмъ же, взрываютъ города, разрушаютъ деревни и городки своимъ противникамъ, истребляя авашности нравственныхъ отрядовъ и забираютъ ихъ ружья, захватываютъ деньги и имущество или разрушенныхъ городковъ и деревень. Съ самаго начала борьбы они слѣдуютъ одной неизмѣнной тактикѣ: внезапно появляются въ какой-нибудь деревнѣ или въ какомъ-нибудь городкѣ, разгромить, обуртуть населеніе и идти далѣе....

Извѣстно, что въ движеніи принимаютъ участіе, кромѣ диктаторовъ еще такъ называемые магонисты, которые называютъ себя анархистами. Диктаторы же себя анархистами не называютъ; подавляющее большинство ихъ не знакомо даже со словомъ «анархія», и они были бы крайне удивлены, еслибъ кто-нибудь имъ сказалъ, что тотъ коммунизмъ, къ которому они стремятся, какъ дѣйствительная вода похожъ на анархизмъ; однакожъ, несмотря на это незнакомство съ анархизмомъ, они въ большей степени анархисты, чѣмъ магонисты. По крайней мѣрѣ, таково мнѣніе корреспондентовъ нашихъ анархистскихъ изданій *), близко знакомыхъ съ движениемъ. Что въ основѣ мексиканскаго движениія лежитъ ясно сознанный или полусознанный федералистскій коммунизмъ, это теперь почти не подлежитъ сомнѣнію. Удастся ли движению превратить этотъ принципъ въ жизнь, это другой вопросъ. Мы убеждены — да, впрочемъ, не мы одни такъ думаемъ, что это движеніе кончится такъ, какъ кончилось всѣ крестьянскія движенія до сихъ поръ, какъ кончилось величайшее изъ крестьянскихъ движеній, крестьянское движеніе во время великой французской революціи, т. е. что крестьяне получатъ надѣлы, болѣе или менѣе значительные, у нихъ будетъ свой кусокъ земли, который кое какъ будетъ кормить ихъ и на этомъ въ Мексикѣ водворится покой.... на время, конечно, ибо народъ, который долго и упорно боролся за свободу и равенство, обогащаетъ революціонной традиціей равенство, и свобода, начинаютъ казаться ему возможными, воспоминаніе о прошломъ будетъ жить въ немъ, и онъ

*) Корреспондентъ «журнала «Les Temps Nouveaux».

*) Напр. журн. «Les Temps Nouveaux» и итальянской газеты «Стораса Soversiva», издающейся въ Бостонѣ.

шты на съездъ съ одного маху, всѣ философіи и научныя проблемы събѣдъ намъ не оиниить какой-нибудь, чтобъ утвердить какое-нибудь научное или философское сгбдѣ, на основаніи простой чины, безъ предварительной критики, безъ предварительнаго, серьезнаго, продолжительнаго изученія. Надъ созиданіемъ строиняго анархическаго міровоззрѣнія работаютъ такіе люди, какъ Бакуининъ, Редлю, Кропоткинъ, и работа эта все еще не закончена, до того она сложна и громадна, а тутъ добрые люди предлагаютъ намъ испечь въ продолженіе всего какихъ-нибудь нѣсколькихъ мѣсяцевъ трактатъ, объясняющій всѣ научно-философскія основы анархистскаго міровоззрѣнія! Эта такая пелѣнь, которая лишь въ болышомъ маху можетъ зрѣдиться. Если эти добрые люди соизволятъ събѣдъ для того, чтобъ поставить анархизмъ и анархистовъ въ смѣнное положеніе, то могу смѣло утверждать, что подобная попытка встрѣтитъ самое упорное сопротивление со стороны тѣхъ, для которыхъ анархизмъ не забава, не игра въ партію.

Мнѣ кажется, что и некоторымъ товарищамъ лавры социальдемократовъ не дадутъ поноу. Какъ социальдемократы рѣшались на своихъ събѣдахъ, кто правъ, Берштейнъ или Каутскій, происходить ли концетрація капитала, какъ то предсказывалъ Марксъ, или происходитъ въ меньшихъ размѣрахъ или вовсе не происходитъ и т. д., такъ и некоторые иници товарищи хотѣли рѣшить на събѣдѣ, кто правъ, империалисты или эмпириокритицисты, идеалисты или оторонники Маха, Пуанкаре и т. д. Они также хотѣли тутъ же въ нѣсколькихъ дней опредѣлить наши взгляды на роль личности въ исторіи, формулировать общія основы нашей философіи исторіи, и это при какихъ условіяхъ! Всѣ эти вопросы не обсуждались въ нашей прессѣ, въ этой области не происходило у насъ никакой теоретической работы; не разработана даже отчасти тотъ матеріалъ, который имѣется въ нашей литературѣ. Намъ предлагаютъ заняться этими нелегальными дѣломъ тогда, когда одна часть нашихъ товарищей не знакома подробно даже со всѣми произведеніями Кропоткина, а другая — мало знакома съ Бакуининымъ и Редлю, отчасти потому, что произведенія этихъ послѣднихъ либо не имѣются на русскомъ языкѣ, либо по своему объему неудобочитаемы. Нѣтъ, товарищи, пока мы не изучили, не разобрали и не приняли въ порядокъ, не провели оцѣнокъ, оцѣнокъ критики громаднаго духовнаго наследства, нами полученнаго, мы не имѣемъ права приниматься за разработку олимпиады нашего научно-философскаго міровоззрѣнія.

Вотъ почему я думаю, что для того, чтобъ събѣдъ не получили сѣхотворнымъ, намъ обязательно нужно съзвать порядокъ для такъ, чтобы на очереди остались лишь практические вопросы, разрѣшеніе которыхъ намъ болѣе или менѣе доступно.

Итакъ, если събѣдъ захочетъ сдѣлать полезное дѣло, собрать разбросанныя анархическія силы, организовать ихъ не на нелегальномъ, а на анархическомъ началѣ, если онъ захочетъ запалотъ выполненіемъ тактическихъ и программныхъ вопросовъ, если онъ пожелаетъ изыскать средства для того, чтобъ анархическая работа — какъ практическая, такъ и теоретическая, носила болѣе плановый и болѣе широкій характеръ, то онъ можетъ оказать нашему общему дѣлу весьма серьезную услугу, если же събѣдъ собирается только для того, чтобы поболтать, то, право, для этого не стоитъ собираться събѣдъ.

К. Орвiani.

БЛАГОРОДНЫЙ ПОСТУПОКЪ.

Наши социальдемократы и социалисты-революционеры, при помощи своихъ единомышленниковъ разныхъ странъ, рѣшили организовать помощь ссыльнымъ и каторжанамъ. Одна такая организация уже была основана В. Н. Фигнеръ, — организация вполне безпартійная и безпристрастная. На что понадобилась еще одна конкурирующая организация? Очевидно, инициаторы новой организации хотѣли расширить дѣло и начали это съ того, что... исключили анархистовъ.

Поразительная логика и поразительная этика, такъ ярко напоминающія этику и логику нашихъ шовинистовъ, которые во время балканской войны собирали деньги только для союзниковъ. Передъ нами раненые и голодные люди, казалось, говорили они, — одинъ изъ нихъ славяне и греки, другіе турки. Славянамъ и грекамъ, мы обмывемъ и перевяжемъ раны, мы ихъ накормимъ и утѣшимъ, а турокъ — подымай!

Точно такой же логикой руководятся инициаторы новой организации, имѣющей въ виду помощь ссыльнымъ

и каторжанамъ. Передъ нами измученные и изстрадавшиеся люди, одинъ изъ нихъ социальдемократы и социалисты-революционеры, другіе — анархисты. Первыми, говорятъ инициаторы новой организациі, мы будемъ помогать, постараемся утѣшить ихъ братской солидарностью. И помощью, а анархисты пусть подыкаютъ, ибо они они совершили тяжкое преступленіе, отвергнувъ парламентаризмъ и отказавшись признать захватъ власти социалистами-государственниками конацеево. Вотъ логика, этихъ людей, этихъ носителей всемірнаго братства!

Впрочемъ, что же удивляться поступкамъ людей, которые руководятся нравственными нормами, выработанными г. г. Ропшинимъ и Винниченко.

Ко всѣмъ анархистамъ!

Анархическая федерация Германіи, думая, что созывъ международнаго анархическаго събѣда необходимъ и находя, что теперешнее время является наиболее подходящимъ для организациі събѣда, высказываетъ слѣдующія соображенія:

Международнаго анархическаго събѣда не было съ 1907 г. Анархисты всѣхъ странъ чувствуютъ все болѣе и болѣе необходимость серьезной организациі, этотъ вопросъ организациі стоитъ на очереди повсюду, гдѣ анархисты дѣятельны.

Отсюда слѣдуетъ, что будущій събѣдъ долженъ быть, прежде всего, събѣдомъ организационнымъ, что на немъ, въ первую голову и весьма подробно, нужно обсуждать практические вопросы, иначе связь, болѣе или менѣе прочная, которая существуетъ между нашими группами, совершенно исчезнетъ.

Поэтому мы обращаемся ко всѣмъ, не только тѣмъ, кто хочетъ помѣнить, чтобъ выше указанное разобненіе между группами произошло, но и тѣмъ, кто желаетъ прочнее связать группы между собою и укрѣпить союзъ между ними болѣе планомерной пропагандой; просимъ всѣхъ распространить это воззваніе между группами и федерациями каждой страны, перепечатать его въ анархистскихъ газетахъ и отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1. Считаютъ ли анархическія группы вашей страны созывъ международнаго събѣда необходимымъ? Если да, то будутъ ли онѣ принимать непосредственное участіе въ събѣдѣ?

2. Мы предлагаемъ созвать будущій събѣдъ осенью 1914 г., чтобы товарищи всѣхъ странъ имѣли время для обсуждения вопросовъ, касающихся организациі и подготовленія будущаго събѣда.

3. Не думаетъ ли вы, что было бы желательно пригласить на събѣдъ только представителей группъ, федераций и анархическихъ газетъ, чтобы съ одной стороны, събѣдъ дѣйствительно представлялъ анархическое движеніе, а съ другой, чтобы избѣгнуть присутствія на събѣдѣ лицъ, не имѣющихъ отношеній къ анархизму или привлеченныхъ на събѣдъ простыми любопытствомъ.

4. Считаете ли полезнымъ возобновленіе до събѣда «Международнаго Бюллетеня»? Если да, то можете ли помочь матеріально изданію.

Повторяемъ, время не тернить, а потому надѣмся, что товарищи отвѣтятъ какъ можно скорѣе на наши вопросы.

Всѣ деньги, которыя будутъ присланы намъ, немедленно будутъ пересланы Лондонской организациі, которая изъявила согласіе взять на себя организацию събѣда, если это ей будетъ поручено.

Товарищи разсчитываемъ на вашу помощь!

За анархическую федерацию Германіи
Rudolf Oestreich.
Berlin, S. O. 26, Kottbuser Ufer, 59.

Отъ издательской группы.

Товарищъ, которому Цюрихская группа поручила редактированіе «Рабочаго Мира», проситъ насъ заявить, что онъ болѣе редакторомъ газеты не состоитъ. Редактированіе газеты, начиная съ № 7, переходитъ въ другія руки.

Мы печатаемъ полученное нами воззваніе нѣмецкихъ товарищей. Печатавъ его, какъ того просятъ авторы воззванія, мы въ свою очередь, просимъ всѣ наши группы откликнуться на это воззваніе. Ред.

Отчетъ будетъ помѣщенъ въ слѣд. номерѣ.

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:

Zürich, Post Bahnhof, Postfach 15496.

Eduard Meier.